

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ВЛАСТЕЛИНЫ ШАГАЮЩЕГО

ОМЕТЬ

№ 13 июль 1975

ЭШ-15.90 А

ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ: ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.

АДРЕС: ЭСТОНСКАЯ ССР. ОТРАСЛЬ: ТОПЛИВНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

БИЛЕТ ДО БОЛЬШОЙ М

Каждый день в нашей стране совершаются важные события. Пущен поезд на участке Бам — Тында... Получен первый лист стали на широкополосном стане-гиганте «2000» Череповецкого металлургического завода... Начались летные испытания нового пассажирского самолета «Як-42»... Между этими событиями есть вполне определенная внутренняя взаимосвязь. Они звенья единой цепи, этапы всеобщей трудовой эстафеты.

Нам, горнякам, в силу самой нашей профессии выпала честь быть первопроходцами. От «горняцкого звена» во многом зависит работа других звеньев народного хозяйства. Недавно в нашей бригаде было важное событие. Экипаж шагающего экскаватора ЭШ-15/90А, взяв свои возможности, решил: пятилетнее задание выполнить досрочно, к 5 июля 1975 года. Текущее, годовое — к 10 декабря. До нового года переместить дополнительно 150 тысяч кубометров «искрыши». Тогда наши «смежники» — добытчики сланца — дадут стране 28 500 лишние тонны сланца. А энергетики обеспечат 20 миллионов дополнительных киловатт-часов! Вот какой эстафетой оборачивается событие в жизни одной лишь бригады, одного рабочего коллектива.

Но есть события особенные, исторические. Завершение девятой пятилетки, XXV съезд нашей партии... Моменты величайшего торжества народа-труженика. Его победный финиш и одновременно новый старт! Впрочем, Юности, Комсомолу не нужно объяснять, что такое эстафета... И поэтому сегодня наш экипаж — комсомольцы и коммунисты, молодежь и ветераны — обращается к вам, члены комсомольско-молодежных бригад: даешь трудовую эстафету! Эстафету слаженности, связанности труда, жесткую земную «стыковку» его во всех звеньях народного хозяйства! Даешь победный финиш девятой и энергичный старт десятой пятилетки!

ТАДЕУШ ПУПКЕВИЧ,
бригадир, член партбюро разреза
«Нарва», кавалер ордена «Трудо-
вая слава»

ВЛАДИМИР ВЕТОШКИН,
профгруппорг, член комитета комсо-
мола разреза «Нарва»

ВЛАДИМИР ВЕТОШКИН.

БОГАТЫРИ.

МЕДВЕДИЦЫ

Олег ХАИМОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные корреспонденты
«Смены».

ВТОРОЙ ПИЛОТ

Рано утром к автобусной остановке идут шоферы, бульдозеристы, буровики... Он пристраивался к этому шумному, веселому шествию, штурмовал вместе со всеми элегантный «Турист». Ехали сложным, петляющим шоссе, красиво вписанным в молчаливый, серенький лес. Кто-то выходил на полпути (в основном строители, водители самосвалов), кому-то было до конечной — до шлагбаума. Сразу же за шлагбаумом начиналась «Нарва». Здесь выходили горняки. Карьерный автобус развозил их по траншеям, и дальше они шли пешком — каждый к своей машине.

Так было изо дня в день, и ничего особенного тут не предвиделось. Но однажды он чуть не

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 13 [1155] **ИЮЛЬ 1975**

Наши обложка:
Владимир ВЕТОШКИН,
самый молодой
машинист Шагаевского
экскаватора.

Фото Сергея
ПЕТРУХИНА.

- 1** ПЕРЕКЛИЧКА МОЛОДЕЖНЫХ РАБОЧИХ БРИГАД.
Олег ХАИМОВ. Билет до Большой Медведицы.
- 4** ЗАВОДСКОЙ РАЙОН. Сергей СМОРОДКИН. «Трояк»
до полочки.
- 6** РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНИ».
Юрий КОРТНЕВ. Против потока.
- 8** УРОКИ ЖИЗНИ. Диалог Героев Социалистического
Труда Виктора Ивановича ДЮЖЕВА и Виктора
Владимировича КЛЮЕВА.
- 11** ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНИ».
- 12** ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ. Валентина БЕЛОВА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА. «Электросила».
- 18** Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС. Ника — богиня Победы.
Поэма.
- 20** Вasily БЫКОВ. На восходе солнца. Киноповесть.
- 24** СИЛУЭТЫ. Светлана МАГИДСОН. А. С. ГРИБОЕДОВ.
- 27** НОВОЕ ИМЯ. Виталии КИСЛОВ. Стихи.
- 28** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ. Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.
Заметки о творчестве лауреата премии Московского
комсомола композитора Вячеслава ОВЧИННИКОВА.
- 31** ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель
главного редактора], В. Г. Победоносцев [ответственный секретарь], Р. И.
Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Серeda, С. С.
Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда». «Смена», 1975 г.

опоздал к смене: автобус вел паренек, впервые, наверное, вышедший в рейс. Машина шла тяжело, медленно, на парня злились опаздывающие на работу горняки. «Ну, что ж ты... — сказал ему Володя. — Надо было разогнать перед подъемом. Включай вторую». И отвернулся к окну, вслушиваясь в голос мотора...

Ему было пятнадцать, когда семья переехала сюда, в Эстонию, и он решил начать жизнь самостоятельно — работать, учиться в ШРМ, выходить в люди. Четыре года проработал автослесарем. Достаточно, чтобы разобраться, выбрать — продолжать ли слесарить или сесть за руль, на самосвал или на «Икарус».

Может, и решился бы в конце концов, но попал на Шагающий. В кабину посидеть, гостем, «зайцем». И все. Он сказал, пока еще только самому себе: «Это то», — совершенно не представляя, как не прост будет путь сюда, в кабину, к рычагам Шагающего, к профессии машиниста.

Ну, прежде всего впереди была служба в армии. Демобилизовался он в декабре семидесятого. И сразу же поступил на курсы машинистов экскаватора. Курсы были вечерние, и он пошел слесарем на ПДК, погрузочно-дробильный комплекс: это было уже поближе к траншее, к Шагающему.

К концу семьдесят первого Владимир Ветошкин закончил курсы, получил квалификацию первого помощника машиниста.

...Автобус тормознул у шлагбаума. Паренек-водитель примиряюще сказал пассажирам:

— Приехали, «Нарва»...

— «Приехали»... — в тон ему отозвались в салоне. — Ты, друг, учись давай, а то на дрова переведут. Дрова возить...

Ветошкин не лез с первыми, всегда ждал, пока эти нетерпеливые схлынут и из автобуса можно будет выйти, а не вырваться, — все равно карьерный будет ждать, заберет всех, непонятно, зачем вот так мешать другим и себе.

Не спеша, свободно он вышел с последними. У двери топтался незадачливый водитель, Шагнул к Ветошкину.

— Спасибо...

— За что? — не понял Ветошкин.

— Ну, ты вот... по делу... без насмешек... по-человечески... Ты здесь, на «Нарве», да? Бульдозеристом? На буровой?

— На Шагающем, — сказал Ветошкин.

— Ух, ты! Машинист Шагающего?

— Нет, второй.

Второй помощник. «Второй пилот», как говорят здесь, в своем горняцком кругу... Да, после курсов ему присвоили квалификацию первого. Но когда он оформлялся в бригаду, другой вакансии не было. «Вот, можете пойти вторым, Ветошкин, — сказали в кадрах. — В смену Баранова».

Его это мало трогало, по правде говоря, может, и к лучшему, что пошел постепенно, спокойно: второй — первый — машинист. Если получится.

Машинистом Шагающего становятся, как правило, в тридцать. А то и в сорок. Пока-то парень — пусть и знающий, умелый, всеми уважаемый — дожидается вакансии! Для мастера, говорят, уйти с экскаватора — все равно что сорваться с лесов... Тяжело оставлять то, к чему шел долго и трудно. Сначала ты смазчик, младший в четверке. Потом — курсы подготовки машинистов. Ты второй или первый помощник. В этой должности ты можешь работать пять, десять, пятнадцать лет. Потому что Шагающий — машина уникальная, очень сложная, и учебного ее дубликата нет. Во всяком случае, на курсах. А допустят тебя к рычагам только к тридцати, если ты парень знающий, умелый, всеми уважаемый. И если, конечно, появилась вакансия.

БАРАНОВ

— Ну, как тебе второй? Или рано еще говорить? — спросил Занин, и Баранов пожал плечами: что, мол, сказать? Парень как парень, исполнительный, правда, негромкий, если не из «первой вежливости» такой, — жить можно, как говорят. Ну, а работать — это посмотрим.

Разговор этот у них вышел где-то под Новый год. А в один из первых дней нового, 1972-го Баранов сам подошел к Занину.

— Ты бы присмотрел за ним, Никифорович. Только так, знаешь, аккуратно. Не ругай, не хвали, просто дай ему освоиться. Помоги.

Первый помощник машиниста, Иван Никифорович Занин, отвечал за электрооборудование Шагающего. Второй помощник Володя Ветошкин — за механическую часть.

Легко сказать — «механическая часть». На борту Шагающего целая мастерская: сварочный аппарат, слесарный верстак, сверлильный станок. Любую неисправность устраняешь своими

«ДЕЛАЙ, КАК Я!»

руками, за каждую «железку» отвечаешь головой. За руки Володя был спокоен — слесарные навыки остались при нем. Но вот разобраться в хозяйстве Шагающего было нелегко.

— Ничего, — говорил Иван Никифорович, — докопаемся, Володя, сообразим.

Полгода первый помощник машиниста Иван Никифорович Занин не оставлял молодого механика.

— Ты спрашивай, Вова, — деликатно замечал Занин, — не стесняйся. Твое дело тонкое, по книжкам ему не выучишься. Все надо через пальцы пропустить, лично. А я послежу, помогу, если что...

И Ветошкин спрашивал. И «пропускал через пальцы». Не было уже, казалось, такой «железки», от упряжи ковша до крепежных соединений платформы, которую не знал бы он на ощупь, «живьем». И мастерская на борту требовалась второму помощнику все реже и реже.

— Ну, вот и все, — сказал однажды Занин. — Я пас. Ты теперь сам с усам, поздравляю с Викторией!

Это был комплимент. Занин, острый на язык, ироничный, начитанный, увлекался историей, преимущественно военной, главным образом «классикой»: от Пунических войн до Крымской кампании. Поздравление с Викторией было большой похвалой...

На этом можно было бы и успокоиться. Классный второй помощник — очень даже неплохо. Но Володя знал, куда шел и чего ради оставил профессию автослесаря. Теперь, когда он уже работал на этой машине, был членом ее экипажа, — даже перевод в первые помощники не устроил бы его. Машинист Шагающего. Только так.

Следующим барьером было электрооборудование Шагающего.

— Тут напильничком не возьмешь, — посмеиваясь, говорил Баранов. — Это не «железки»... За книжечки, Володя: закон Ома, уравнение Максвелла. Приходи вечером. Домой. Потолкуем.

Так незаметно — по крайней мере для Володи — он был передан Заниным с рук на руки Игорю Александровичу Баранову.

— Ну, ладно, — говорил он, поблескивая стеклами очков. — Что там у нас на сегодня? Режим работы цепи... Вот у тебя, Володя, горит в подъезде лампочка. Горит, когда ты есть, и горит, когда тебя нет. Как бы сделать так, чтобы она вспыхивала при твоём появлении и гасла, когда ты добрался до своего пятого этажа?

Ветошкин должен был нарисовать принципиальную схему соответствующей цепи. Такие задачи «на кругозор» составляли контрольную часть программы домашнего университета, открытого Игорем Барановым. Часами просиживали они с Ветошкиным над учебниками. Спорили, решали задачи, разбирались в схемах Шагающего. Изредка скуповато Игорь рассказывал о себе. В шесть лет с сестренкой-близняшкой остались одни. Отец пропал без вести на фронте, мама умерла в сорок первом. Детдом. Там закончил школу. Поступил в Таллинский горный техникум. Стал техником-электромехаником. («Техник... — удивлялся Ветошкин. — А знаний у тебя — на целый университет». «Книжки, — коротко отвечал Баранов. — Все в книгах, Володя, чисто горняцкая задача — извлечь».)

Университеты Баранова Ветошкин прошел до конца.

... — Пропал поворот вправо! — крикнул Баранов, и в кабину немедленно пришел Занин. — Но ты не лезь, Никифорович, а? — попросил Баранов. И Занин понимающе усмехнулся.

— Я думаю, что дело в задающей обмотке. Нужно изолировать проводник... — заключил Ветошкин.

— Я тоже так думаю, — улыбнулся Баранов. — Действуй!

Когда говорят «сланцы» — имеют в виду Эстонию, Эстонский сланцевый бассейн. Хотя «горючий камень» добывают не только здесь. Но Эстонский бассейн, безусловно, лидер в отрасли и по запасам и по масштабности разработок. Столица бассейна Кохтла-Ярве — город особенный, разбросанный на многие десятки километ-

ров, переходящий в пояс рабочих поселков, тянущих непосредственно к сланцевым разрезам, старым и новым. Добывать сланец начали не так уж давно — в 20-е годы. Но уже есть разрезы «старые», как «Вивиконд», и «молодые», как «Нарва», которой нет еще и пяти лет. Так что ветеранами здесь, на «Нарве», были все. Все помнили первый ковш, первые тонны сланца, становление нового коллектива. Часть людей пришла с других разрезов, с «Сиргала», например, который сейчас тыл, там поселок, налаженное, «обитанное» жилье-быть... Часть — с курсов, как Ветошкин. Разные люди, разные характеры, разные интересы.

— В семьдесят первом мы были еще не бригадой, — говорил Баранов. — Бригада стала бригадой с Тадеушем. С его приходом мы все как-то приблизились друг к другу, почувствовали, что мы одно целое.

ТАДЕУШ

Не успел он еще принять экипаж Шагающего, как и туда пришла эта легенда. 17-летним парнем, рассказывали, оставил он родную Белоруссию, поехал поднимать казахстанскую целину. Потом долго работал в Заполярье. Здорово разбирается в технике. На разрез «Сиргала» вроде бы даже приезжали специалисты с «Уралтяжмаша»: посмотреть усовершенствованный им ковш...

Да, все это было. Были целина, лесосплав, стройки. Он поехал на целину по комсомольской путевке, с одним из первых эшелонов. Было и Заполярье: служил в стройбате, год работал слесарем-монтажником. И ковшин с друзьями приспосабливал к местным грунтам, что правда, то правда. Специалисты с головного похвалили распределение, отметили, что автор его — студент-дипломник Кохтла-Ярвского горнохимического техникума. Да, свои тридцать пять он прожил плотно. Но не стоит делать из этого легенду, ни к чему.

Бригаду он принял в конце семьдесят второго.

— Слушай-ка, Виктор, — он подошел к Фомину, машинисту, с которым был знаком не один день: за плечами совместная работа, здесь, на «Нарве», проходили первую траншею. — Как ты насчет «спаренного метода»?

— Ну что... В два ковша, конечно, работать быстрее. Но ведь чаще нужно менять позиции. В месяц километра три шагаем. Не успевают подготовить новый фронт работ. Стоим! Дело стоит, да и в рубле ребята теряют... Но сам знаешь, что тебе на это ответят: «Спаренная работа тут ни при чем. Это, товарищи, прогрессивный метод».

Я поясню, что имел в виду Виктор Фомин и почему «прогресс» оказался в конфликте с «прогрессивкой». Вскрыша — пустая порода, покрывающая промышленный слой сланца, — неоднородна. Сначала идут мягкие песчаные наносы, потом «мергель» — глинистая порода на пути превращения в известняк и, наконец, собственно известняк, справиться с которым может только аммонит. Суть спаренного метода такова: 10-кубовый экскаватор снимает с пачки сланца первые два «одеяла» (песчаные наносы и мергель), а 15-кубовый Тадеуша — все остальное. Зарплата, премии обоим экипажам — из «общего котла». Спаренный метод известен, можно сказать, хрестоматием, только с одним маленьким «но»: если глубина вскрыши достигает 30 метров. Руководство разреза посчитало, что этим «но» можно пренебречь...

— Ну, а если... мы от него откажемся? — спросил Тадеуш. — Вот такие мы консерваторы, хотим работать без простоев.

— Я — «за», — заключил Фомин.

Такой же разговор был у бригадира с Барановым.

— Согласен, — сказал Игорь. — Только давай сразу всей бригадой. Вообще бригадой, не только в этом вопросе. Каждый должен почувствовать, что ему есть куда расти. Дают расти. Простят расти...

— Хорошо, — сказал бригадир, — давайте соберемся, обсудим все в нашем кругу, без протокола, без президиума. Давайте соберем такую ассамблею. И все вопросы, какие есть на сегодня, закроем. Или, наоборот, поставим их перед начальством.

В один из ближайших простоев экскаватора и собралась эта первая бригадная ассамблея. «Гвоздем программы» было обсуждение так называемого спаренного метода работы экскаваторов, но одно событие потеснило этот вопрос: в бригаде появилась вакансия машиниста. Кому сесть за рычаги?

— Можно пригласить со стороны, — сказал бригадир. — Опытного, со стажем...

— Ну зачем же, — ответили ему. — У нас

найдется кому быть машинистом. Ветошкин. Или подменный...

— Вот и решим, Ветошкин или подменный. Не будем же выяснять это в кадрах. В кадрах надо утверждать. А решит пусть бригада...

Попросил слова Баранов.

— Недавний случай. Принимаю смену у нашего подменного. Он должен был подготовить трассу и отшагать. Смотрю — нет трассы! «У меня, — говорит, — на счетчике ковшей мало, я и копал всю ночь...» Он всю ночь копал! Да черт с ним, со счетчиком-то. Я отсыпал трассу, а когда нужно было шагать — у бульдозериста кончилась смена. И машина стояла. До следующего утра! С Ветошкиным такое не случится. У него меньше опыта, да. Зато видит дальше.

Шагающий работает так: выбрана вскрыша, забой зачищен под сланец, добытчиком приготовлен фронт работ. С другой стороны зачищен уступ, подготовлен фронт работ буровикам, взрывникам. Шагающий должен отступить. На новую позицию. И все повторится сначала... Но прежде чем сделать этот шаг назад, надо подготовить себе путь. Трассу. Это та же «вскрыша», отсыпанная позади Шагающего и отуженная бульдозером. Но угол поворота стрелы при отсыпке трассы невелик, и счетчик не фиксирует ковши. Это обстоятельство и смутило подменного машиниста. «Что запишу в бортовом журнале? — подумал он. — Нуль?» Зарплата экипажа действительно зависит от «кубов». Но машинист должен думать о всей бригаде! Проигрывать может одна из смен, но выиграть должна вся бригада. Володя Ветошкин этот закон знал, чувствовал и следовал ему всегда.

Не будь этого, едва ли в машинисты Шагающего был бы рекомендован 24-летний молодой человек. Это было событием. Самый молодой машинист Шагающего в «Эстонсланце»! Комсомолец!

МИЛЛИОН С ХВОСТИКОМ

Вопрос о спаренном методе обсудили. Сделали фотографию рабочего дня. Проанализировали потери. Все это позволило сказать: здесь виноваты мы, бригада, а здесь — нет, здесь нужно кое-что изменить в корне. Ну, например, траншею необходим средний выезд. Вывозят ли сланец, подбрасывают буровикам запчасти — все, глуши мотор, давай дорогу!

На одной из последующих ассамблей бригадир сказал прямо:

— Взрывники всегда будут перед нами в долгу при таком положении дел. И вот почему. Работаем спаренно, в два ковша. Ковши немаленькие. А вскрыша у нас неглубокая, — ну, так уж близко подходит сланец. 15—16 метров, и все. Колнули — и двум Шагающим надо разойтись. Сами знаете, сколько времени уходит на маневр... В общем, мешаем друг другу, и я думаю, что нам надо разойтись. Совсем. Как это ни странно, но врозь мы сделаем больше...

И он зачитал цифры. Ошеломляющие. Выходило, что можно дать на целый миллион кубов больше плана.

— Миллион? — Главный инженер «Нарвы» Высоцкий отодвинул в сторону чертежи и расчеты. — Шагающим вместе тесно. Согласен. И средний выезд нужен, не спорю. Ну, а вот насчет миллиона — это вы, по-моему, хватили, а? Поправочки дай, бригадир. На остановки, на ЧП, на то, да на се... Ну и не миллион, наверное, а чуть-чуть поменьше...

Тадеуш считает тот год, 1973-й, «черным». Он воевал, спорил, доказывал. Высоцкий поддерживал. Но пока их план получил признание, пока соорудили средний выезд, — год подошел к концу. «Упустили миллион», — сказал бригадир.

А бригадные ассамблеи тем временем собирались. Как-то заговорили о ЧП: почему же они все-таки случаются? Как их предупредить?

— Прихожу в кабину, — сказал Фомин, — а там целая библиотека. Твоя, Володя, между прочим, смена была, молодежная. Ваши книжки. Я не против, ребята, что вы много читаете, научную там фантастику, — интересно, я понимаю. Но не на нашей работе! У нас первое дело — внимание. Автопилота у нас нет!

— Подрастущий ты своих, Володя, — заметил Баранов. — Ребята молодые, твои ровесники, тебе вроде бы и спросить с них нелегко построже... — Да нет... — смутился Ветошкин. — Этого нет...

— Баранов прав, — сухо сказал Тадеуш. — Я думаю, что все мы слишком притерлись друг к

другие. Надо менять... менять... Смена составов! Ты, Буханов, поработал месяц с Ветошкиным, переходишь к Фомину. Потом — к Баранову, ко мне. И так по кругу. Каждый. Первые помощники, вторые, смазчики. Я думаю, что будет толк.

И бригадир оказался прав. «Смена составов» привела к тому, чего, признаться, сначала и не ожидали, — к полной взаимозаменяемости членов экипажа. Смазчик смог работать за второго помощника машиниста, второй — за первого, первый — за самого машиниста.

Похоже, что миллион приобретал зримые очертания. Бригада, не колеблясь, бросила вызов чемпиону и рекордсмену Эстонского сланцевого бассейна — экипажу Ивана Романенко с разреза «Сиргала». 1974 год должен был определить все: исход этого соревнования, состоятельность «миллионерских» претензий, справедливость многих внутрибригадных перемен, в частности выдвигание в машинисты Шагающего Володи Ветошкина.

В канун нового, 1975 года Тадеуш был приглашен на совещание «по итогам». Вернулся в бригаду спокойный, обыкновенный, будто ничего и не произошло.

— Ну что? — спросили его. — Романенко?

— Нет, мы, — сказал он. — Дали мы свой миллион. С хвостиком! — добавил он лукаво.

НА БОРТУ — ПОБЕДА

Была смена Ветошкина. Смена Тадеуша заступала с утра. Ее сменяла четверка Фомина. Смена Баранова отдыхала. И только Шагающий, бессменный, работал без роздыха.

Он возвышался над траншеей, 1 600-тонный гигант, выбросив вперед и вверх 90-метровую стрелу, вспарывая мощными прожекторами фиолетовую тьму балтийской ночи. Четыреста раз его 15-кубовый ковш проходит от забоя к отвалу, переместив туда за смену несколько тысяч кубометров вскрыши. Пустой породы, покрывающей слой сланца... Но сейчас он умолк, остановился, потому что лопнул вант верхнего А-образного раскоса.

Ветошкин связался по радио с отделом главного механика:

— Разрешите временную замену ванта тресом! Крепеж? Приспособим скобы. Понял вас, спасибо. И разрешите... не опускать стрелу!

Поначалу ответом было молчание. Если без риска, честь по чести, — стрелу следовало бы опустить. Но тогда — пропали два дня, шесть рабочих смен. Сколько кубов вскрыши не выбрала бы гигантская «челюсть» Шагающего? Ну, а если... не опускать стрелу? Тогда Ветошкину нужно подняться на 35-метровую высоту, пройти четыре шага по раскосу, пригнуться, оседлать опорную перекладину раскоса, подтянуться к самому краю и закрепить конец троса, другой конец которого закрепили бы Трифонов и Петрухи...

— В общем, если грамотно и без гусарства, — можно, — ответили в отделе главного механика.

И четыре шага Ветошкина спасли шесть смен Шагающего.

Они сидели в кабине — восемь друзей, две «четверки», две рабочие смены. Курили, разговаривали.

... — Сделаем. У нас фора — триста тыщ!

— Посмотрим. Не будем загадывать... А что, на рыбалку если?

— А в Карпаты? У меня адресок есть, примет как родных.

— Чудаки, гляньте на небо! Звездочки, а?

— Ух ты! Полярная... Медведица... Наша, между прочим, — ковши!

Все рассмеялись: действительно, ковшем Шагающего поблескивала Большая Медведица!

— А что, Володька, ты вот научную фантастику читаешь, и все такое... Долетят до Медведицы когда-нибудь?

— А почему нет? — сказал Ветошкин. — Только к ней нашего брата, экскаваторщика, надо послать... Я думаю, что придет время, и полеты будут — ерунда. Рейсовые. Пошел, денежку в кассу: «До Большой Медведицы, пожалуйста!»

— Володя... — серьезно и тихо сказал Тадеуш. — Ты присматривай за Фомичевым. Ничок все-таки... Не ругай, не хвали. Помоги.

— Все будет как надо, — ответил Ветошкин так же тихо и так же серьезно. — Не волнуйся.

ЗАВОДСКОЙ

Не много найдешь в нашей стране городов, где не было бы развитой промышленности, где не было бы заводского района... А что же это такое — заводской район! Только ли заводы, только ли фабрики! Только ли трудятся здесь!

Нет, здесь живут...

Тихий предвечерний воздух наполнился гулом множества голосов. Рабочий люд потянулся к проходным. Закончилась сме-

на. Но не закончился день... Как проведут оставшиеся часы эти симпатичные девчата и парни! Куда зашагают теперь, после работы, — домой, в общежитие, в кино, в клуб, на стадион! А может быть, в универсам за обновой! Или в вечернюю школу, в техникум! Мы увидим их, конечно, повсюду... Но чем встретит молодого человека общежитие, школа, клуб! Хорошо ли ему там и довольны ли им самим!

Заводской район, как и всякий другой, живет сложной, многообразной жизнью. Естественно поэтому, что не все в этой жизни отлажено, не все проблемы решены. Некоторые из них, представляющиеся нам наиболее существенными, мы и намерены поднять в цикле очерков, которые объединены одним общим названием — «Заводской район». Ждем ваших писем, жители заводских районов!

РАДИОН

Перед концом смены к мастеру подошел молодой токарь:

— Петр Михайлович, у меня просьба к вам... Личная... До полочки пять рублей не займете?

— Не рассчитал, что ли, Алексей?

— Есть немного, — смутился паренек. — Тут такое дело вышло...

Мастера позвали к телефону.

— Бывает, бывает, — заторопился мастер, доставая деньги. — Ну, держи...

В тот день мастер так и не узнал, почему же Алексей «не дотянул» до полочки, хотя заработал за прошлый месяц 147 рублей. А произошло вот что.

Алеша приехал в Тулу из села. Закончил техническое училище, получил специальность токаря, пришел на Тульский оружейный завод. Друзья его — Владимир и Константин — прошли примерно такой же путь. Все трое живут в общежитии. И вот Володя — большой любитель музыки — предложил купить с полочки по транзисторному приемнику. Алеша приемник вовсе и не собирался покупать. Он хотел купить себе летние брюки, летнюю же рубашку да еще конструктор — подарок младшему братишке-школьнику. Но вроде неудобно отставать от товарищей. В общем, купили друзья по красивому рижскому приемнику, и накопленные деньги да и большая часть полученных ушли на эту покупку. До полочки еще не один день, а молодые токари остались без денег. «И зачем купил? — удивляется сам себе Алеша. — Одного приемника в нашей комнате хватило бы. Мы же с Володей вместе живем...»

Рассчитывали как-то ребята, прежде чем покупать довольно дорогую вещь?

Рассчитывали.

Володя надеялся, что ему поможет дядя-шахтер, который работает в Ростовской области. Он уже не раз выручал Володю. Но то ли дядя не получил письмо от племянника с просьбой о деньгах, то ли сам сделал какую-нибудь крупную покупку, но только ни денег, ни привета от дяди Володя не получил.

Константин тоже еще не научился, как говорят шахматисты, на несколько ходов вперед рассчитывать позицию. Не раз перед зарплатой его ссужали деньгами знакомые, но в этот раз не вышло. В общем, деньги пришлось занимать на всех троих Алексею. Алеша занимать не привык: в семье его приучили к бережливости, но деваться некуда — пришлось обращаться за помощью к Петру Михайловичу, который выделял Алеше за старательность и с самого начала сердечно относился к скромному, застенчивому паренку. Мастер выручил друзей, оказавшихся в затрудни-

1. "ТРОЯК" ДО ПОЛУЧКИ

Сергей СМОРОДКИН,
специальный корреспондент
«Смены».

тельном положении. А если бы не выручил: денег не оказалось, или не очень хорошо относился бы к Алексею, или еще какая-нибудь случайность. Что тогда?

И Алексей, и Володя, и Константин работают на заводе первый год. Только-только начали становиться на ноги. Парни вроде бы уже самостоятельные — специальность в руках, живут в заводском общежитии, — а все же еще нет. Неумение организовать личный свой бюджет — тому подтверждение.

— Это не раз я подмечал, — рассказывает мастер Петр Михайлович Кириллов. — У молодых рабочих в карманах то густо, то пусто. Зарботки вполне достаточные для начала — 100—120 рублей в среднем. Многие и больше зарабатывают. А глядишь, в столовой паренек на обеде экономит. Или девушка в перерыв в столовую вовсе не идет. Сядет в уголок, всухомытку пообедаст — и к станку. А какой работник без обеда? Производительность не та. Это раз. Здоровье свое под-

рывает — это два. Цех проигрывает, завод. Значит, все мы проигрываем — государство. Надо этому вопросу внимание уделить. Я вот тоже вину свою чувствую. Надо бы с Алешей тогда поговорить, да я закурился и вспомнил только, когда он пятерку возвращал.

Кто же и как должен научить молодых рабочих планировать свой бюджет, правильно тратить заработанные трудовые деньги? Очевидно, и семья, и институт наставничества, и комитеты комсомола.

— Если откровенно, — сказал секретарь Тульского горкома комсомола Владимир Бабанов, — не занимались мы этим вопросом. Учеба молодых рабочих, защита их интересов, повышение квалификации, организация социалистического соревнования в коллективах — дело другое. А вот как ребята тратят первые заработанные деньги — щекотливый вопрос. Может, поэтому и не задавались им в комитетах комсомола?

Вопрос, верно, щекотливый. Тут и в самом деле нужно тактично, тонко, умно подойти к молодому рабочему. Иначе ничего не добьешься — только замкнется человек, и все. Дескать, как хоч, так и трачу. Кому какое дело?..

На том же Тульском оружейном заводе пришла в комитет комсомола мама одного молодого рабочего — сын уж какой месяц ни копейки в дом не приносит, ссылаясь, что мало зарабатывает. Проверили. Нет, парень зарабатывает не только не меньше, но зачастую больше своих товарищей. В цехе его отмечают как человека трудолюбивого, исполнительного, готового работать, коль требуется, и сверхурочно. Стали разговаривать с парнем. А у него своя позиция: «Старики и так проживут. Мне сейчас деньги нужнее. Машину хочу купить».

И объясняли парню и стыдили — он на своем стоит. В конце концов добились от него, что будет помогать семье. Проверили через какое-то время. И, правда, помогает: точно высчитал пареня, какую часть полагается ему платить за квартиру, за свет, за газ, за завтраки, и платит. В родной семье живет, как квартирант.

Конечно, случай исключительный. Но где, на каком этапе проглядели парня? Когда копейка заслонила ему мир, лишила его естественных человеческих чувств? Сейчас уже трудно сказать точно. Но вырос энергичный потребитель, который не то что товарища, но и мать родную не пожалевает. На заводе удивляются: «Откуда такие берутся?» Действительно, откуда?

Вспоминается социологическая анкета, которая проводилась в Туле среди старших школьников года три назад. И среди прочих любопытных вопросов был и такой: «Зарабатывал ли уже сам деньги и как их тратил?»

Выяснилось, что старшеклассники деньги уже зарабатывали и многие их тратили не только на себя: кто отдал первые заработанные рубли в фонд помощи вьетнамским ребятишкам; кто — на строительство Дворца пионеров на Чукотке; кто купил подарки друзьям или домашним... Один паренек на все заработанные им деньги накопил билетов в цирк и повел ребят своего двора на представление с Игорем Кио...

Но были и другие ответы типа: «Деньги мои — на себя и потратил». Эти ответы уже немного настораживали: не растет ли накопитель? Не прерастет ли подросток в индивидуума, для которого в жизни только одно мерило человеческих отношений — рубль?

На оружейном заводе, как и на других предприятиях Тулы, торжественно отмечается получение первой зарплаты молодыми рабочими. Новичкам рассказывают о порядке начисления зарплаты и премиальных, о вычетах за брак. Выступают перед ребятами с теплыми напутствиями передовики производства, ветераны труда, наставники, комсомольские работники. Конверт с первыми заработанными трудовыми деньгами вручается в торжественной обстановке. Не забывают напомнить новичкам, что неплохо бы из первых заработанных своими руками денег купить подарок родным.

Но когда комитет комсомола поинтересовался, а как же молодые рабочие распорядились первой получкой, выяснилось, что только немногие ребята смогли припомнить: перевел часть денег в фонд борцов в Чили; подарил маме бусы — они ей давно нравились; выслал братишке, который служит в армии... Был и такой случай. Одна фрезеровщица хотела преподнести своему наставнику бритву в знак благодарности, но тот категорически отказался принять подарок, решив, что это намек: мастер частенько приходил на работу небритым...

Многие ребята пожимали плечами: «Разве это важно? Да что, родные сами себе купить, чего надо, не смогут? Отец вон сколько получает. Мать тоже работает. Еще мне забота...»

Тут явная душевная слепота. Конечно же, родные могут себе купить то, что им надо. Не в этом дело. В другом: в чувстве естественной, сердечной благодарности к людям, воспитавшим тебя, к стремлению заботиться и думать не только о себе. И, конечно, если напоминание об этом в день первой получки падает на подготовленную всем предыдущим воспитанием почву, то молодой токарь или слесарь воспринимает это открытым сердцем. Если же слова наставников не рожают отклика в душе, то следует удивленный вопрос: «Да что, они сами не купят? Вот еще забота...»

Секретарь комитета комсомола ТОЗа инженер Борис Горюхин на заводе не один год сам начинал от станка. Вопрос о том, как молодые рабочие планируют свой бюджет, сильно заинтересовал Бориса.

— Тут мы не вмешиваемся, и думаю, что зря — говорит Борис. — У нас было несколько идей по этому поводу, но как-то в тучке позабыли о них. Ни наставников, ни воспитателей в общежитии, ни комсоргов в цехах — одним словом, всех, кто работает с новичками, мы не ориентируем на то, чтобы они обратили внимание, как ребята тратят свою зарплату, ненавязчиво им помогли. На мой взгляд, надо бы ввести специальные абонементы в наших столовых для молодых рабочих, всячески пропагандировать эти абонементы, чтобы новички, по тем или иным причинам «не дотянувшие» до зарплаты, всегда могли пообедать. Дело это нужное, и мы за него возьмемся.

Еще одна проблема: молодежь хочет хорошо и, главное, модно одеться. Легкая промышленность еще не поспевает за модой, не всегда удовлетворяет спрос. Кроме того, часть так называемого «дефицита» уходит из-под прилавка, попадает на «барахолку». Это не секрет. Как не секрет и то, что девушки и юноши, чтобы приобрести нужную им вещь, идут на «барахолку», переплачивают, и в нарманы спекулянтов переходят трудовые рубли, заработанные ребятами. Что мы, комитет комсомола, можем здесь сделать? Мне кажется, есть тут один выход: установить прямые связи с магазинами нашего района, может, тоже ввести что-то типа абонементов и в порядке поощрения их выдавать. Конечно, все это надо толково продумать, но попробовать, я думаю, стоит...

Предложение Бориса Горюхина интересно. Действительно, почему бы не попробовать такую прямую связь? Кстати, не мешало бы подключить тогда уж к ней и книжный магазин. Молодые книголюбы вынуждены переплачивать спекулянтам, чтобы иметь возможность приобрести нужную книгу. Хотелось бы только, чтобы комитет комсомола шел дальше: не только «достать» и «протолкнуть», но больше и, главное, конкретнее заниматься воспитанием чувств, воспитанием потребностей молодых рабочих.

У комитета комсомола, у самого Бориса Го-

рюхина есть для этого все возможности: и авторитет, и знание молодежи своего завода, и необходимый опыт.

Горюхин рассказывает, а сам в это время составляет на бумаге нечто вроде схемы. Лист разделен на три части, и в левой сверху написано: «Интересы», в центре — «Фамилия», а в правой — «Сумма».

Прищурив глаз, остро отточенным карандашом ставит Борис против фамилии приблизительную, на его взгляд, сумму, которая уходит у парня или девушки на эти самые интересы. В списке были книголюбы, филателисты, рыболовы, охотники, туристы, радиолюбители, модники, танцоры и даже один коллекционер самоваров.

— Попробуем проверить, — улыбается Борис, — насколько и в ком я ошибся. Пошли по цехам...

И мы проверили. В одних случаях Горюхин был почти точен, в других — близок к истине, а в третьих — ошибся. Но таких случаев было немного. Борис откровенно обрадовался этому. Значит, комсомольский секретарь знает своих ребят. И из этого знания рождается уверенность, на кого и в каких комсомольских делах можно рассчитывать. С кем и в каком направлении вести работу.

...Станки Михаила и Василия стоят почти рядом. На завод пришли в одно и то же время после технического училища. Зарабатывают примерно одинаково. Оба туляки. У Михаила и мать и отец тоже работают на ТОЗе. Он единственный сын. Василий живет с большой матерью и сестренкой. Отец от них года четыре как ушел.

Сначала разговариваем с Михаилом.

— Нет, до получки не хватает, — качает головой Михаил. — На что трачу? И сам иной раз не пойму. Ну, в кино, на танцы или в кафе сходишь. Пива с ребятами попить надо? Надо. Опять же «фирменное» одеться охота. Вот денюжки и расходятся. Нет, книги не покупаю. У приятелей беру. Про разведчиков, про путешествия читаю... Телевизор люблю смотреть. Хоккей, катание фигурное. Спорт сам не занимаюсь: времени нет.

Спрашиваем Михаила, отдает ли он деньги родителям.

— Им и так хватает. Без моих. Да и не просят. Недавно мне магнитофон вот подарили...

— Учиться дальше собираешься?

— А для чего? Восемь классов есть. Училище закончил. Хватит. Отец всего шесть лет в школу ходил, а зарабатывает побольше инженера...

С Василием сначала разговор не клеится. Отвечает он односложно: да, нет... Оживляется, когда речь заходит о сестренке. Способная. Такой конкурс был в политехническом, а она поступила. Первый курс заканчивает. Повышенную стипендию получает.

Василий тоже пока учиться не собирается: сестренка закончит, тогда видно будет.

Спрашиваем о главном — как строится бюджет.

— Вам точно?

— Ну, насколько возможно...

— Почему невозможно? Могут точно...

Василий достает коричневую записную книжку. Она истрепана, как библиотечный сборник детективов.

— Пенсия матери, стипендия сестры и моя зарплата — доходы, так сказать... А здесь расходы. Главное, как говорят врачи, — питание: белки, жиры и углеводы. Значит, мясо, масло, хлеб, овощи... Одним словом, уходит 120—140 рублей в месяц. Копейки не в счет. Теперь квартплата... Лекарства для мамы... Развлечения... А на этой страничке видите гриф: «Сов. секретно». Тут я записываю, что бы надо было купить, коли свободные деньги заведутся. Под номером первым долго стоял фотоаппарат. Зимой зачеркнул. Купил «Киев», цветную фотографию осваиваю. Сейчас на первом месте палатка. Чтобы на Оку летом с ночевкой ездить. Я уж было почти и деньги собрал, да тут сестренке надо было весеннее пальто соорудить... Спрашиваете, хватает ли от получки до получки? Так рассчитываю, чтобы хватало. В семье я за это отвечаю. Надеются на меня. Как же я могу по-другому? Сестра меня вон даже стариком называет.

Рассказываем ему о друзьях из общежития, которые купили каждый по транзистору и сели на мель.

— Это случается. Новички толком свой бюджет еще не могут рассчитывать, — соглашается Василий. — В нашем цехе паренек работает. Он так решил: получил пятьдесят рублей, значит, ему должно хватить их на пятьдесят дней. Зовешь его в столовую — не идет: «Я вчера, сообщает, два рубля издержал вечером...» Объяснял я ему, доказывал, но паренек на своем стоял, пока не похудел сильно. Брюки прямо на честном слове держались. Сейчас ничего. Поправился. Вместе с футбол за цех играем.

Василий говорит вроде серьезно, а в глазах у него прыгает какая-то веселая чертовщина, подмеченная в туляках еще классиком Лесковым. Нет, никакой он не «старик», этот двадцатидвухлетний самостоятельный рабочий паренек. Он умеет заботиться и думать не только о себе, как его сосед Михаил. Скажу прямо: я бы хотел играть с ним в одной команде.

Да, комсомольский вожак завода Борис Горюхин хорошо знает характеры и интересы молодых рабочих своего завода. Нужно только этими знаниями по-хозяйски распорядиться. К примеру, почему бы не организовать встречу того же Василия с новичками? Василий, мне кажется, мог бы рассказать немало интересного о планировании личного бюджета. Хорошо, если бы на этой же встрече выступил, к примеру, и Михаил. Кто знает, может быть, с такой встречи «пассивный паренек» начнет интересоваться не только собой?

В прошлом году, по данным статистики, только после окончания профессионально-технических училищ в народное хозяйство страны пришло свыше двух миллионов молодых рабочих. Каждый из них получает свою первую в жизни заработную плату, как-то там строит или не строит свой бюджет, занимается до получки или ждет перевода от какого-нибудь ростовского или другого дяди... Комитеты комсомола, наставники, старшие товарищи полагаются на неотразимое «образуется» или в лучшем случае после торжественного вручения в конверте первой зарплаты приглашают в цех работника сберегательной кассы, который рассказывает о выгодах и преимуществах вкладчиков. На этом помочь молодым рабочим в организации своего личного бюджета зачастую заканчивается. А ведь именно здесь, после первой получки, после теплых напутствий она и должна начинаться. Вторая, пятая или десятая зарплата выдается, естественно, уже без конвертов и поздравлений. А расходы по-прежнему надо планировать, и здесь особенно нужен житейский совет, ненавязчивое внимание, дружеское участие.

На ленинградском объединении «Электросила» наставник, прикрепленный к молодому рабочему, вместе с ним планирует, как и на что в первую очередь израсходовать заработанные деньги. Не случайно в своих записках один из зачинателей движения наставников в стране, С. С. Витченко, специально останавливается на том, что наставники должны использовать весь свой авторитет, все свое влияние, чтобы помочь своим подшефным научиться жить, научиться планировать свои расходы.

Умная забота, дружеская поддержка со стороны старшего товарища, конечно же, играли и играют свою роль. На «Электросиле» реже встречаются такие «перекосяки», которые наблюдаются у тульских молодых оружейников.

Разумная организация своего бюджета — это тоже одно из свидетельств гражданской зрелости человека. Социальная активность личности проявляется и в тот день, когда юноша или девушка начинают расходовать свои первые, заработанные своими руками деньги. На что они пойдут: на книги или угощение друзей в пивной; на туристский поход или на сидение вокруг бутылки в общежитии; на дорогую вещь, без которой можно обойтись, или на покупку самого в данный момент необходимого — это зависит в немалой степени от комитетов комсомола, от наставников, от всех тех, кто работает с молодым пополнением рабочего класса.

«Метод проб и ошибок — самый нерентабельный способ», — так говорят специалисты по научной организации труда. Поэтому очень важно, чтобы комитеты комсомола обратили самое пристальное внимание на то, как формируется бюджет юношей и девушек, чтобы они вместе с администрацией, с наставниками, с родителями молодых рабочих помогли им на первых, самых трудных, но и самых важных в жизни самостоятельных шагах.

Конечно, делать это надо тактично, умно, ненавязчиво. Делать без мешанского кондовости, без сундучного, мешанского расчета, делать разумно и тонко, не унижая мелочной опекой человеческое достоинство.

Как подчеркивается в ленинских «Задачах союза молодежи»: «Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными сознательными трудящимися, Коммунистический союз молодежи сделает то, что он... своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе».

Каждый шаг свой...

1

Молотками из резины, по утверждению Тимофея Башилова, работают голки медники и врач-психиатры.

Глядя, с какой легкостью справляется Тимофей Башилов с деформированным металлом, поневоле начинаешь верить и в его рассуждения о деформациях вообще. Просто удивительно, как он находит на многометровом (в квадратном обчете) листе именно ту одно миллионную точку, по которой надо стукнуть, одновременно соразмеряя силу удара, чтобы лист, подсев, не покоробился бы окончательно и бесповоротно.

— Меня еще отец против всяких искривлений с детства настраивал, — объясняет свою споровку Тимофей Башилов.

Кроме того, оказывается, ему сильно повезло на заводе: сразу попал в руки хорошему учителю (не без участия, конечно, в этом деле Башилова-старшего). Так что теперь любую деформацию Тимофей Башилов чуёт нутром и мигмом может определить ее характер и свойства.

«Основная особенность нынешнего этапа нашего развития, — подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, — состоит именно в том, что на первый план все более и более выдвигаются наряду с количественными качественными факторы экономического роста нашей страны».

Прочитав мне эти слова, Тимофей Башилов сразу указал, что некоторые люди, выделившие в этой прекрасной мысли слово «качественные», в дальнейшем произвели на свет вопиющую смысловую деформацию. Ударились, к примеру, в разговор о мужских брюках, на которых-де пуговицы пришиты на левую сторону, а петель вообще нет, в то время как никакие брюки не могут быть качественным фактором роста. Выдвижение на первый план в стране трудосберегающей политики — вот на что делал ударение Генеральный секретарь в речи об особенностях нынешнего этапа нашей экономики.

Все это растолковывал мне Тимофей Башилов.

— Заразительнее всего, — говорил он, — а потому приятней всего на свете — это производительность здравого смысла. А всего отвратнее — труд, нет, отнюдь не тяжелый, не пахающий одежду и даже не монотонный, а мартышкин труд! И если порою попрекают, что производительность у меня в один и шесть, увы, десятых раза ниже, чем у какого-то там арбайтера, то совсем не горюют, отчего я иногда превращаюсь в самую настоящую мартышку! Зачем, спрашивается, я вместо миллиметрового листа долбаю двухмиллиметровый, а то и трех? Я-то лично свои плановые копейки все равно наколочу. За лишнюю толщину даже больше заплатят. Но какое тут будет качество?

— Никакого.

— Вот-вот. Вот так разбойничает сиюминутность, — заключил Тимофей Башилов.

2

При переходе широченной Садовой улицы у Колхозной площади человек ускорил шаг. Светофор вот-вот должен был переключиться. Над переходом тучей нависла гулкая лавина машин. Человек нагнал ходу. И вдруг у него из кармана выскочила ручка и покатила по асфальту. Он было нагнулся. Но светофор мигнул, и автомобильная стая рванула с места. Шофер первой «Волги» видел, что

пешеход что-то уронил. Однако следом шел целый ряд машин, которые рвались «проскочить светофор». Он загоразживал дорогу и поэтому двинулся на пешехода.

А тому вдруг, видимо, стало очень жаль свою ручку. Я видел ее потом, простая, шариковая, дешевенькая, но и она могла быть человеку нужна. И он шагнул за своей ручкой. Но машине тоже именно сейчас, сию минуту надо было сделать свое дело — пройти под светофор. Это был ее миг и миг тех машин, которые во множестве настойчиво поджимали ее с хвоста. И машина во главе режущего стада пошла на человека.

Конечно, в последний момент шофер тормознул и крутнул баранку. Но теперь пришлось тормозить и крутиться еще почти половине автостада.

Машины сталкивались и бились. Человек пострадал боками, хотя до увечья дело не дошло. Десятка два машин полатились лакированными дверцами, капотами и различными

емые, то весь комплекс рушится и часть качества и даже самого труда безвозвратно погибает. А ведь это наш общественный труд.

Скажите, «философия»? Если бы только она, разговору бы не было. А то ведь явное нарушение гармонии разнообразными качественными искривлениями.

3

В последних числах месяца выясняется, что такая-то бригада «не вытягивает» план. Нет, она не виновата. Кто-то болел. Кто-то в отпуске. День металла не было. Иванов женился — три дня гулял...

Еще раз администрацией обсчитано все, обмусолено — нет, при нормальной работе «на план не тянем». Ничего! Выход известен: сверхурочные. Вопрос тоже знакомый: он всегда идет под характерное движение пальцев. «А

Случай простой. О нем даже не стоило бы говорить, если не надо было бы показать многоликость сиюминутности.

Вывают от сиюминутности нескладухи и того мизерней. Работал я мастером на заводе — тех времен история.

— Ты ко мне целую смену не подходишь! — кричит от станка токарь Крыжовников, человек требовательный, отчего проявление малейшего к нему невнимания обычно его коробит. Прибавьте к этому повышенный его темперамент. — Валы, значит, уже не нужны! Плюете на Крыжовникова! — гудит он.

— Не плюем, Крыж. Только пойми, что сегодня уже 30-е. Глянь на календарь-то.

— Ага! Значит, сегодня я уже не нужен!

— Очень нужен. Однако сам ведь знаешь, что валы проходят по участку два дня. Сегодня каждая рабочая минута фрезеровщиков и шлифовщиков дороже твоей.

Рабочая трибуна «Смены»

ПРОТИВ

- Производительность здравого смысла.
- Педагогика авралов и деформация психики.

стеклами. От Колхозной до Лермонтовской вытянулась вереница переполненных троллейбусов. Пять автоинспекторов-виртуозов потратили на ликвидацию транспортной пробки двадцать с лишним минут. Если сложить все потерянные тут минуты, то, видимо, набежали бы уже не сутки, а человеко-недели и месяцы. Материальный убыток тоже был страшно велик. По крайней мере в сотни тысяч раз больше стоимости шариковой ручки.

Но какое дело пешеходу до автодорожных потерь? Какое дело шоферу до утрат пешехода? В принципе они даже не причастны друг к другу. Просто два несовместимых действия сошлись в одной точке времени и там столкнулись. У сиюминутности нигде нет своего места. Она всего лишь продукт мышления. Однако способна калечить и сложившийся порядок вещей и сами вещи. Вой сколько дел наворочала в том уличном происшествии.

С точки зрения диагностики сиюминутность схожа с нетерпением. Но там все гораздо проще. «Нетерпение требует невозможного, а именно достижения цели без обращения к средствам» (Гегель «Феноменология духа»). Поскольку цели без средств не достигаются, а мы видим имярека у цели, значит, он пользовался негодными средствами. Казнить имярека!

В сиюминутности же бог и черт — на одно лицо. В принципе — это служебная деталь, показатель времени, который в общем производственном комплексе логически следует за трудом и качеством, отмечая их состояние. Но когда мы выдвигаем сиюминутность на первый план и начинаем без организационного либо технологического подкрепления подгонять под нее остальные слага-

это?...» «За этим не постоим!» «Ладь». И план, естественно, «в кармане».

«Ура победителям, сдержавшим слово!»

Да, конечно, ура! Ребята грызли металл, как черти грешника. Радо начальство. Ликует мастера.

Дело обычное. Я сам сто тысяч раз принимал участие в таких «авралах». Пока не вижу тут выхода. И пусть плюнет в мою сторону любой производственник, который хотя бы раз в жизни «не авралил» или видит из этого какой-либо выход, кроме выхода за ворота завода.

План «при нормальной работе» мог бы быть сделан к завтрашнему дню. Но завтра уже 2-е число. Значит, прощай, доброе имя, прощай, премия.

Могут сказать: ага, оказывается, все дело в премии!

Да нет же! Нет! От премии, конечно, не откажемся. Но главное, ей-богу, в плане, который, естественно, сидит у всех в костях.

Но каждая деталь, сделанная 30-го и 31-го числа месяца, стоит вдвое дороже, чем она стоила 28-го и 29-го. На это ушли деньги, добытые другим трудом, который теперь пропал для общества. Кто-то, по натуре честный, поневоле стал у нас дармоедом, человеком убыточным, которого мы, при всей нашей преданности планам, запланировать не можем. Получается: «Ради плана — против плановости». Но это еще не все.

Чаще сверхурочные часы бывают просто необходимы. Однако иногда, суммируя итог работы человека за пятницу и заранее обговоренную сверхурочную субботу и сравнивая ее с работой за пятницу перед субботой обычной, то есть выходной, разницы не видишь.

— Ага! — не унимается Крыжовников. — За своим календарем на Крыжовникова даже смотреть не होते.

— Да просто некогда на тебя смотреть, клин ты эдакий!

— Ну, завтра я на вас отыграюсь! И, бывает, отыгрывается.

Сиюминутность заставляет нас терпеть и рвача-работягу и хама-администратора. Однако в данный момент он «тянет». В ближайшую передышку посмотрим, укажем, может, сменим...

Только передышки в производстве не бывает и быть не может. Просто оно может быть комплексно налажено, и тогда всякая сиюминутность так и останется в тылах, или не налажено, и тогда она выплывает наружу.

Однако и это еще довольно просто. Сиюминутность способна «откалывать» совсем уж головоломные «номера».

4

Для ввода в срок нового предприятия — было это на крупной сибирской стройке — нам пришлось почти полностью разгромить остекленные фасады большого промышленного корпуса. Зряшного труда было там ухлопано уйма. Разлагающий эффект тоже, как говорится, имел место.

Если мы, старички-производственники, отнеслись к этому обстоятельству без большого надрыва, то условно-досрочно освобожденный воррецидивист Сергей Кретанов такой нагрузки на психику не выдержал. Незадолго перед тем он решил окончательно «завязать», увлекшись яркой (святой) по его словам, ибо мож-

но было свой автограф в жизни на сто лет оставить) работой электросварщика. Во время разгрома, в котором участвовали все, поскольку дело было аварийное, он спросил меня: во сколько обошлась эта операция?

— ...Всего в какие-нибудь четыре-пять тысяч рубчиков.

Кретанов быстро глянул на меня и отвел глаза в сторону.

— А та кражонка, с которой я начался, как таковой, была оценена всего в сорок рублей...

Этим же вечером Кретанов забросил к черту свой щиток и взломал сейф в конторе стройки.

Об этом случае мне уже приходилось рассказывать. Дело тут не в вопиющем антипедагогизме случая для Кретанова. Хотя его судьба важна, как судьба любого члена общества. Но главное все же в разлагающем характере зрящего труда. Получил я по этому поводу любопытное письмо — пришлось ответить.

нию таблички включена в стоимость малярных работ?

Вовсе не собираюсь становиться адвокатом этой работницы, я все-таки осмеливаюсь предположить, что названные мною обстоятельства могли явиться причиной ее меланхолии.

В описанном случае разгрома фасадной стены огромного промышленного корпуса прямую вину маляров установить еще труднее. По моему мнению, это был тот самый случай, где вообще невозможно отыскать прямых виновников нанесенного государству ущерба, ибо таковых среди нас не было, и вот почему.

1. Маляры-отделочники при всей своей сознательности и виртуозности владения пульверизаторами не могли не забрызгать стекла, так как они красили сложнейшие системы трубопроводов, опутавших, как паутиной, сплошь все внутреннее пространство корпуса. Вдобавок красили в разные цвета.

2. Не имело смысла покрывать стекла в целях предохранения мелом, ибо в сочетании с той химически стойкой краской, которой пользовались, он образовал бы сверхпрочное покрытие, отсбить такое было бы совсем невозможно.

3. Нельзя было не вставлять предварительно стекла, ибо для определенных работ в корпусе требовалось тепло, а на улице было холодно.

да ценность вещи определяется применительно к данному моменту, и только.

Вполне естественно, что, когда мыслящий человек-производитель видит брошенную, бросовую, бесполезную вещь, у него не только опускаются руки, но и поднимается мусть в душе. Ведь он за все в государстве расплачивается своим трудом — самой большой и единственно надежной ценностью государства.

Я наблюдал, как сборщик на конвейере вместо заворачивания закручивает болты в корпус двигателя молотком.

— Чего же ты делаешь, такой ты рассякой!

— Время экономлю.

— Да ведь ты его, наоборот, гробишь.

— А чего мне, спрашивается, одному стараться, если эти моторы пропитаны и просушены кое-как, потому что сию минуту нужны на сборку, а после испытательной станции все идут в мусорную кучу с

6

Короче говоря, любите вещи! Без этой любви у человека никогда не появится желания хоть что-то путное производить, делать своими руками отличные вещи и от этого радоваться.

Вещи всегда будят в человеке мысли современного свойства: я это могу сделать. Еще лучше могу! Хотите продемонстрирую?! А если именно это не могу сделать, то зато умею делать другое, столь же полезное, чего вы не можете.

Уважение к вещам, как правило, сопутствует уважению к рабочим рукам. От «общих мест» в поведении до общности всего один шаг. Нет, не о рабах вещей я говорю, а об их поклонниках. Составляясь в целое — в хозяйство, — вещи связывают нас. Но это союз творцов. В нем всегда царят доброе настроение, деловой застрой, благожелательность к товарищу — к потребителю вещей.

Современное производство давно уже создает свою собственную нравственность, настолько действительную, что люди, приобщенные к ней, даже сам государственный правопорядок начинают выводить из порядка на производстве, от заводских порядков. И всякие качественные отклонения тут крайне вредны, особенно для людей еще не сформировавшихся, для молодых людей. В психологическом феномене «запечатление» утверждается, что достаточно одной минуты, чтобы образ запечатлился навсегда. Так пусть и не видит никто сиюминутности. Иными словами, халатного отношения к вещам, к самой работе и, стало быть, к людям труда. Отсюда самый прямой путь к любому качеству.

Между прочим, за разговором о бесхозяйственности я вовсе не забыл о людях, втянутых «в поток».

Вернемся на Садовое кольцо. На внешней стороне кольца стоит кукольный театр Образцова, и знаменитые часы на стене ровно в двенадцать устраивают свое славное полное представление.

Раскрываются все двенадцать дверок. Из двенадцати кукольных домиков наружу выскакивают все двенадцать кукольных существ и вытворяют все, что положено по ритуалу породивших их сказок. Играет музыка. Бьют колокола. А Золотой петушок на спице оборачивается лицом к публике и трехкратно кричит во все горло.

Никаких светофоров тут нет. Улица гладкая, как стрела. Но сколько раз приходилось наблюдать, как машины здесь замедляют бег, а то и вовсе встают.

Не одна, не две, а весь бурный в тысячи лошадиных сил транспортный конвейер останавливается, и люди смотрят сказку. Они давно взрослые, важные, бородатые, деловые и деловитые — всякие, а вот стоят и смотрят. И даже сама строгая автоинспекция тоже смотрит. И даже те, кому совсем ничего не видно, тоже, оказывается, могут постоять. Ничего, нагонят.

Вот ведь игрушка, а... «Кукареку! Царствуй, леж на боку!» Или еще: «Сказка — ложь, да в ней намек...» Нет, не то. Никаких тут намеков нет. Есть доброе действо. Доброта. Когда у человека хорошее настроение, ему ни к чему огорчать соседей делом своих рук. Никто на это не пойдет, чтобы не нарушить гармонию и не вызвать напрасную деформацию психики, как утверждает обычно Тимофей Вашилев.

С ним приходится соглашаться, ибо и в деформациях он собаку съел, и, кроме врачей-психиатров, на всем свете у одних только медиков резиновый молоток в руках.

ЮРИЙ КОРТНЕВ, слесарь-инструментальщик.

ПОТОЖА

«Ради плана — против плановости» ●

Пороги и пороки сиюминутности ●

Уважаемый тов. С. Полностью солидарен с вами, что не следует размахивать руками по поводу широких проблем бесхозяйственности в ущерб возможности определения конкретного виновника конкретного случая для конкретного наказания браконьера (может быть, все-таки лучше для предотвращения подобных случаев).

В этом плане в ситуации общей бережливости исполнителю труднее проявить халатность, ибо для этого ему придется переступить определенные рамки, а делать лишние шаги никому не хочется. И наоборот, в ситуации беспечности аккуратный человек для преодоления инерции должен тратить больше сил.

Конечно, каждый выявленный проступок должен быть наказан всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, вплоть до материальной компенсации. Однако преобладать обязана, думается, широкая постановка вопроса для его принципиального решения.

Цитирую вас: «...Мне рассказывали очевидцы, как на одном из заводов, выпускающих электронасосы, девушка, обрабатывающая эти насосы (ключевая операция), меланхолично замазывала наглухо масляной краской танке и медную табличку с указанием параметров двигателя, необходимых при установке агрегата на месте».

Да, неграмотных рабочих у нас нет. Да, полных идиотов тоже почти не замечается. Да, наказывать надо.

Однако в грамотно построенном техпроцессе окраска двигателя — это не заключительная, а предпредзаключительная операция. За нею должна следовать просушка (печная или воздушная). Потом так называемая отделка: приклеивание табличек и стрелок — указателей вращения, консервация неокрашенных металлических частей и т. д.

Есть технический вариант. Перед покраской табличка может заклеиваться бумагой или покрываться предохранительным веществом (элементарный солидол). Ваша девушка, безусловно, операционница — во всяком грамотном производстве она и обязана быть операционницей, то есть знать (делать, выполнять) только свою операцию. Операционные работы в индустрии в силу своей элементарности обычно тщательно обшчитаны и отнормированы. Вы можете поручиться, что работа по предохране-

4. Невозможно было красить трубы в ином помещении, потому что монтаж велся по месту: это было уникальное производство.

5. Комиссия поступила бы справедливо, не приняв объект из-за того, что потом эксплуатационники никогда бы в жизни не стали заниматься очисткой стенок, и здание так и стояло бы вечно с «цветными витражами» вместо стенок.

6. Начальник строительства был прав, давая команду выбивать стекла, оттого что день-два лишнего простоя объекта причинили бы государству убыток еще больший.

Поэтому и родилось на свет не заявление на имя прокурора республики, а статья о психологических последствиях видимой бесхозяйственности. Однако затронутый вами вопрос о беспечности исполнителя, конечно, важен. Только, думается, рассматривать его следует шире и пристальнее. Бережливость должна быть заложена еще в проекте каждой создаваемой вещи с учетом всех возможных отклонений в процессе ее производства и хранения. Без выполнения этого правила, как мы видим, появляется на свет мысль: если кому-то можно схалтурить, то почему нельзя мне? Возникает халатность, которая, нечего греха таить, усугубляется порой нехваткой в индустрии квалифицированной рабочей силы. Сознание безнаказанности — страшно вредная для производства вещь. Но что принуждает делать администрацию, когда ей из двух зол приходится выбирать меньшее? Ведь ей каждая минута важна. С уважением...

5

Одним словом, бесхозяйственность — явно сильнейшее психологическое средство, на прочь отбивающее исполнителю руки. А что же она такое — бесхозяйственность?

В толковом словаре Даля такого слова нет, видимо, по причине отсталости тогдашней лингвистики. Я думаю, бесхозяйственность — также сиюминутность. Это такое положение, ког-

да пробитой изоляцией. А ты меня из-за одного какого-то болта по кочкам понес.

И неизвестно, что тут еще, кроме брани, можно произнести, когда этого маленького сиюминутника взрастил тот большой администратор, про которого мы уже говорили выше. Это ведь он, рапортуя о превышении плана по производительности труда на 0,5 процента, забывает указать, хотя бы в сноске, что количество рекламаций за тот же отчетный период с одной тысячи выросло до четырех тысяч, или, иными словами, что здесь он имеет «рост» на целых 400 процентов. Так он и приходит к каждому промежуточному финишу в общей эстафете с прекрасными показателями, но без вещей и без живого духа в исполнительской среде.

Да и откуда бы ему там взяться, если сам начальник ведущего цеха лично записывает в двигатель бракованный вал. «Для отчета за каждую рабочую минуту смены, — говорит. — В субботу проявил сознательность, выйдем на работу — покроем...» А может и не покрыть, ибо первый показатель им принятого комплекса — сиюминутность — соблюден.

Так вот они все и идут, все отодвигая и отодвигая свой окончательный финиш. И включая в производственные отчеты и незавершенку, часть которой, безусловно, пропадет из-за ржавчины, и работу на потюке ремонтников с естественной переплатой за это (включая преждевременный износ оборудования из-за отсутствия профилактики, ибо делать некому), и открывшую липу.

«Законное дело!» Ведь в юридическом плане сиюминутность — это своеволие, переходящее рамки закона, охраняющего права других.

Беседуют
Виктор Иванович ДЮЖЕВ,
Герой Социалистического Труда,
председатель завкома профсоюза
ордена Ленина и ордена
Трудового Красного Знамени
металлургического завода «Серп и
молот»,
бывший вальцовщик
листопрокатного цеха,
делегат XXIII съезда КПСС, и
Виктор Владимирович КЛЮЕВ,
Герой Социалистического Труда,
сталевар того же завода,
делегат XXIV съезда КПСС.

ДЮЖЕВ. Какая главная черта молодого рабочего, самая ценная? Думаю, трудолюбие. Любить надо свой труд, свою профессию... Как считаешь, Виктор Владимирович?

КЛЮЕВ. Так и считаю, Виктор Иванович. Тут дискутировать нечего. Но скажу, что у нынешней молодежи не всегда замечается это самое трудолюбие. Есть такие, которые стараются искать и труд и жизнь полегче...

ДЮЖЕВ. Только не обобщай, Виктор Владимирович. Разная молодежь, конечно, сейчас, с разными жизненными устремлениями. И такая, как ты говоришь, есть, и другая...

КЛЮЕВ. Я вот вспоминаю время, когда мы с тобой на завод пришли... Ты в сорок втором, так?

ДЮЖЕВ. Точно. В 1942-м, семнадцать лет от роду, по путевке горкома комсомола. В путевке сказано было: «Направляется сталеваром», — а я об этой профессии только краем уха слышал — но надо, значит, надо. Помню, 12 июня, в ночь, вышел я работать. Но, конечно, не сталеваром! Вошел в цех и, честно говоря, испугался. Впечатление грандиозное, и страшновато даже. Все горит, вверху висит что-то тяжелое. Да еще светомаскировка жути добавляет к этой картине... Это ты, Виктор Владимирович, человеком «бывалым» на завод пришел.

КЛЮЕВ. Да, против тебя, конечно, бывалый. Год в заводском ремесленном на подручного сталевара проучился, а на завод в сорок первом.

ДЮЖЕВ. Я себя как вспомню тогда, смех разбирает: длинный, тощий, пятьдесят килограммов весу во мне было. Вечно болел в школе чем-нибудь, а тут — печь. Я матери не сказал ничего, что в сталевары пошел, говорю, слесарем буду. Но она у меня женщина была проницательная. Увидела мою физиономию обожженную да мозоли и пошла на завод — выяснить что к чему. Выяснила, что сын ее за смену двадцать — двадцать пять тонн поднимает, но ничего, не стала охать и ахать, как нынешние некоторые мамы. Промолчала. И только смотрела на меня с каким-то даже уважением...

КЛЮЕВ. Вот я и хотел сказать, когда воспоминаниями занялся, что ранняя рабочая трудовая школа хорошие результаты дает. Наше заводское ремесленное — теперь ПТУ имени Петра Вострухина — выпустило трех Героев Социалистического Труда, так? Наш бывший директор Владимир Алексеевич Ермолаев тоже окончил это училище, теперь металлургический комбинат в Турции строит. Окончил ремесленное, прошел трудовую школу на заводе и уже взрослым человеком решил свою судьбу... Или Анатолий Тимофеевич Гребешков, сын нашего старейшего сталевара. Да ты же хорошо это знаешь, Виктор Иванович.

ДЮЖЕВ. Он вообще вот как повернул дело. Окончил институт стали, пришел на завод и начал с самого низкого разряда: третьим подручным сталевара, вторым, первым, потом сталеваром, потом мастером.

КЛЮЕВ. Потом начальником смены, заместителем начальника цеха. Шесть лет у него это заняло, но зато настоящий специалист вышел.

ДЮЖЕВ. Да ведь такой же путь прошел и Нефедкин Алексей Иванович, и Мотов Виктор Иванович, и многие другие. И если откровенно говорить, то школа наша, общеобразовательная школа, мало уделяет внимания трудовому воспитанию. На первый взгляд все о нем заботятся, а на поверку — нет настоящего урока труда в школе, нет.

Уроки жизни

СТАНАУТ ТАКИМИ, КАК МЫ, БУДУТ ЛУЧШЕ НАС

Когда двум людям есть что сказать друг другу, — это уже немало. Когда двое, беседуя между собой, приходят к истине, помогая друг другу, — это поучительно. Когда судьбы двоих тесно переплетены с судьбой страны, когда двое были не безучастными свидетелями, а деятельными участниками невиданного строительства, — их беседа не прихотливые воспоминания, не случайные рассуждения, а неповторимый урок жизни. Урок жизни — это не надо понимать буквально.

Бесценный опыт других не отменяет поиска своего пути к цели, но помогает увидеть эту цель отчетливее.

Начиная публиковать серию диалогов, редакция журнала надеется, что раздумья его участников помогут тебе, наш читатель, увидеть во весь рост не только твоих современников, но и заставят взглянуть на себя как бы со стороны, оценить свои дела и поступки по самому высшему счету ответственности — по рабочему счету.

КЛЮЕВ. Наверное, тут и мы с тобой, как старейшие кадровые рабочие, виноваты, а?

ДЮЖЕВ. Да, действительно ведь уже «старейшие», по тридцатке на заводе отгрохали. Так, говоришь, мы виноваты? А как же! Шефствуем над школами, шефствуем. Уроки труда, рассказы о профессиях, но ведь мало этого! Представление человек получает о той или иной рабочей профессии, и все, пожалуй... Интересася еще глубокого не возникает, не видят ребята «изюминки» профессии, не увлекают их уроки труда, какими они пока еще являются в большинстве школ. И вот попадает такой парень, бывший десятиклассник, на завод и встречается прежде всего... с нормой. И понятие его о труде меняется весьма резко. Можно говорить о красоте труда, романтике рабочей профессии, о чем обычно и рассказывают ребятам. Но ведь есть прозаическая норма, ее надо выполнять, и о ней нужно прежде всего говорить. Потому что встреча с нормой, пожалуй, самое трудное для новика.

КЛЮЕВ. Думаю, мы, рабочие, шефы школ и родители должны вести одну линию воспитания, советоваться между собой. Тогда другое будет дело. Ведь школа дает общее образование,

родители в основном говорят об учебе в институте, и у человека молодого не образуется определенного настроения... А ведь не всем же учиться в институтах. Нужны квалифицированные рабочие, знающие не «от и до» — глубже: чтобы настрой был другой — не тореной дорожкой идти, а свою тропу выбирать. Чтобы самостоятельные решения умели принимать. Кстати, в этом смысле «пятаушники» — перспективный народ. Самостоятельными людьми приходят они на завод — это важно.

ДЮЖЕВ. У меня сын ПТУ закончил, ты же знаешь. Получил профессию — слесарь по ремонту КИП и аттестат зрелости за десятилетку.

КЛЮЕВ. ПТУ — хорошая производственная школа. Мой Юрка, правда, после школы сразу к нам в цех мареновский подался...

ДЮЖЕВ. Хорошо, что сыновья нас сменят, Виктор Владимирович. Хорошо это. Меня иной раз вот что возмущает: как некоторые родители своих детей «пугают»: «Будешь плохо учиться — пойдешь в ремесленное». И не знают того, что в нынешнем ПТУ учиться намного сложнее и интереснее, чем в десятилетке. Здесь ребята изучают сложнейшие машины, теорию, готовят стать рабочими-специалистами высокой

Фото Виктора САККА

квалификации. И что греха таить — после восьмого класса многие школьники не готовы к учебе в ПТУ. Думают: «А, чепуха». Приходят — и, глядишь, притихли: не понимают, не могут осилить. Бóльшее, я тебе скажу, напряжение умственных способностей требуется, чем в школе, где они занимаются привычными предметами. Мой Александр сам убедился, на собственном опыте: мальчику, даже если он хорошо занимался в общеобразовательной школе, учиться в ПТУ трудно.

Но группа у них подобралась хорошая, увлеченная, все «железо» любили — и мальчишки и девчонки, друг другу помогали... Дружат до сих пор. И Александра в армию все провожали. Пишет, что снова на завод вернется. А тогда я ничего не знал, не ведал. После восьмого класса пришел ко мне мой сын и говорит: пап, мы с Игорем Семеновым (отец его в КИПе слесарь) к вам на завод хотим, а сначала в ПТУ.

КЛЮЕВ. Знаешь, Виктор Иванович, жаль, сейчас подручных сталевара перестало наше ПТУ выпускать...

ДЮЖЕВ. Конечно, жаль! Но ведь главная наша металлургическая база на Урале, и все «го-

рячие» профессии там... До пятьдесят пятого года ПТУ выпускало подручных?

КЛЮЕВ. Да. До пятьдесят пятого.

ДЮЖЕВ. Ты, помню, наставничал тогда.

КЛЮЕВ. Наставничал. Помогал осваивать профессиональные навыки на рабочем месте.

ДЮЖЕВ. «Профессиональные навыки»... За этим много стоит.

КЛЮЕВ. Прежде всего, думаю, призвание к профессии сталевара.

ДЮЖЕВ. Это точно. По искре уметь определить, какая будет плавка, а это не каждый сумеет.

КЛЮЕВ. Талант талантом. Отдавать всего себя надо профессии. Не оставлять ничего в «загашнике». Любовь к ней иметь. Печь свою знать, как товарища по работе, все особенности ее характера, ее «капризы».

ДЮЖЕВ. Поэтически ты сказал, Виктор Владимирович. И правильно. Нельзя у печи работать по принципу «бери больше, кидай дальше». Помнишь, какие у нас с тобой учителя были? Они никогда не ошибались. Овчинников Алексей Ильич, Чесноков Семен Васильевич, старший мастер мартеновского цеха, прокатчик Туртанов Иван Ильич, Романов Иван Михайло-

вич, ударник первых пятилеток, старший мастер листопрокатного цеха... Я к нему в сорок втором и попал. Повезло мне. Он встретил меня спокойно, внимательно, побеседовал со мной, все показал — что такое вальцовка, прокат тонкого листа. И потом моим наставником был, как теперь говорят, следил за моими трудовыми удачами (и неудачами, конечно, не без них), помогал советом. Я вот думаю сейчас: сколько же терпения у наших старших товарищей было, внимания к нам, такта в конце концов, чтобы из нас, полуголодных «сопляков», воспитать рабочего сложной профессии, научить любви к ней, научить пониманию твоей нужности в рабочем коллективе.

Ты уже на фронте был, Виктор Владимирович, а у нас фронтовые комсомольско-молодежные бригады сложились. В нашей бригадиром был Иван Петрович Мишкин. Не было тогда красивого слова «наставник» — просто заботился о тебе по-рабочему, по-отцовски опытный человек, знающий, любящий свое дело. Как было? На ходу какой-нибудь парнишка вроде меня засыпал от усталости, от недоедания, — тут же другой, который, может быть, посильнее, становился на его место. А тот поспит чуток, отдохнет

и снова на свое место становится. Взаимозаменяемость была. И какая же патристическая увлеченность трудом! Желание подчиниться целиком своему трудовому коллективу, не мыслить себя вне коллектива. Очень это важно — понимание необходимости этого подчинения, четкой организованности, слаженности с товарищами — вот тогда работа дает настоящее удовлетворение.

С сорок четвертого я уже имел представление о марках стали, мог работать за бригадира. В том же сорок четвертом, когда мне исполнилось восемнадцать лет, я вступил в партию. И, знаешь, скажу тебе доверительно, — на всю жизнь у меня осталась такая уверенность, чувство такое удивительное: работать я стал много лучше, крепче стал после того, как в партию вступил...

КЛЮЕВ. Рабочему человеку без партии невозможно. Я в пятидесятые вместе с бригадиром нашим, Николаем Чесноковым, вступал... То, что нас с тобой, коренных, можно сказать, рабочих, выбирали делегатами партсъездов — тебя — двадцать третьего, меня — двадцать четвертого — это для нас и честь огромная и вместе с тем закономерность. А теперь мы передаем эстафету рабочей смене, и в этом тоже закономерность...

ДЮЖЕВ. Правильно ты мыслишь, Виктор Владимирович. Все в нашей жизни идет правильно и хорошо.

КЛЮЕВ. А ведь что интересно: руки-то мои за войну не отвыкли от работы, от навыков-то. В сорок шестом я демобилизовался, пришел на завод. Ну, в первый день осматрелся, как новичок, походил, приготовил очки, кепку, лопату... На второй день выхожу, а у Николая Чеснокова плавка идет, я и стал направлять печь за третьего подручного, будто никуда и не уходил от печи. Молодежь не удивилась сначала, подумали — с соседнего завода перешел, а потом, как узнали, что с войны, так, как говорится, ходили смотреть. На третий день уже за второго подручного в комсомольско-молодежной бригаде Николая Чеснокова работал. В те годы остро стоял вопрос о металле, — именно тогда в практике металлургии стали впервые применять кислородное дутье. И произошло это на нашей четвертой печи под руководством академика Бардина. И многие наши товарищи получили Государственные премии: Николай Чесноков, бригадир, Виталий Михайлов, сталевар, Анатолий Субботин, сталевар, сейчас работает у нас мастером смены. Вот, видишь, расхвастался я...

ДЮЖЕВ. Да нет. О таких делах надо молодежи знать, чтобы они понимали, кто их отцы, старшие товарищи, наставники. Я тут пошутил насчет красивого слова «наставник». Но ведь дело-то в конце концов не в словесном определении, а в сути дела.

КЛЮЕВ. У нас на заводе сейчас наставник часто моложе тридцати лет по возрасту.

ДЮЖЕВ. Ну и что, плохо ли? Молодой молодого иной раз лучше поймет, хотя у пожилого опыта и мудрости больше.

КЛЮЕВ. А я все-таки считаю, лучше людей постарше подбирать в воспитатели. Ведь наставник должен быть не только передовым рабочим, но и хорошим воспитателем.

ДЮЖЕВ. А вспомни-ка крановщицу Надю Волкову из листопрокатного, сколько она девчонку обучила, — с двадцати лет в наставниках ходит. И ведь девчонки с ней и обо всем другом советовались, не только про работу — все дела свои девчонки с ней решали: любовь, дружба... Да что говорить! Из деревни девчонка приезжает, — все знает, потому что с семи-восьми лет возится с младшими, воспитывает, помогает матери по хозяйству и в колхозе. Шустрые они, эти деревенские девчата, понятливые. Ты не улыбайся, не улыбайся, Виктор Владимирович, я тебя примерами забью. Сейчас у нас уходит группа рабочих на пенсию, которые проработали на заводе тридцать — тридцать пять лет, воспитали не одну смену, так что же, скажешь, в этих сменах не найдется воспитателей молодых? Можешь ты, ну, хотя бы брату своему младшему или сыну доверить мальчишку из ПТУ?

КЛЮЕВ. Что ж, смогу, пожалуй.

ДЮЖЕВ. То-то и оно. Или возьми наших комсомольцев-застрельщиков, чем они не воспитатели? Или же ребят вроде Саши Штумпфа, которые работают «за себя и за того парня»...

Наставничество надо, конечно же, понимать шире. Не только обучение на рабочем месте передовым методам и так далее, но и любой комсомольский почин, горячий личный порыв, думаю, имеет право занять место в воспитании. Сейчас комсомольцы взялись за строительство шестнадцатизатяжного общежития. И смотрю, вся молодежь на заводе как-то зашевелилась, за-

интересовалась, а ведь это очень важно в период реконструкции завода.

КЛЮЕВ. Да, вот почин этот «за себя и за того парня» очень горячо молодежь приняла. Саша Штумпф из кузнечно-прессового цеха за Героя Советского Союза Феодосия Смолякова работает. С родными его переписку задумал... Чтобы работать на станке Петра Вострухина, героя-летчика, нашего заводчанина, погибшего при таране фашистского самолета, соревнуются лучшие ребята. И за право работать за наших заводчан, погибших под Волоколамском.

ДЮЖЕВ. Необозримое поле для трудовой инициативы открылось. В особенности для современной молодежи, технически грамотной, сильной. Вот этим, пожалуй, она от нас отличается — образованностью. С нее и спрашивать нужно больше.

КЛЮЕВ. И спрашиваем. Но они и сами с себя спрашивают.

ДЮЖЕВ. Сам знаешь, случаются у нас такие курьезы: приводят выбившиеся из сил родители своего «неразумного ребенка» к нам на завод и слезно просят: «Дурь выбейте». И работа ее, эту дурь, выбивает. И условия коллективной жизни завода. Не буду называть фамилию, наверное, догадаешься, Виктор Владимирович, о ком расскажу. Привели вот так паренка, ну, чисто барсучок: надутый, лохматый, небритый, нестриженный, с волосами длинными, как у девушки, ходит в цехе гостем, ничего его не интересует, только гривой своей все трясет. Ребята, рабочие, его же ровесники, выбрали момент и чуть подпалили парню его косы, будто невзначай, во время посадки в печь. Он — ах-ох! — будто не понял, но пришел через несколько дней стриженный. Осознал, что просто техника безопасности не позволяет моду соблюдать. Постепенно втянулся в работу, друга в цехе нашел, сейчас работает хорошо, никаких нареканий нет. А бывает и так: человек все коллективы проходит, нигде не удерживается, не дорожит высоким званием рабочего, члена коллектива. Ну что ж, уходи, не ужилась, как говорится. Тут только человек соображает начинать, просит на собрании обобщем: оставьте, поверьте в последний раз. Пробуем поверить. И человек вдруг меняется. Что-то в нем происходит, осознает себя. Находит себя в труде, в рабочем коллективе.

КЛЮЕВ. А помнишь, Виктор Иванович, как наши бригады первыми начинали движение за коммунистический труд? Подписали обязательство, помню, в Кремле, торжественно.

ДЮЖЕВ. А что? И сейчас триста шестьдесят бригад коммунистического труда с честью держат это звание. Хотя бы смена номер четыре мастера Чернышова из сортопрокатного цеха. Работают хорошо и бригадой живут дружно. И требовательны друг к другу.

КЛЮЕВ. В такие бригады «трудных» нарочно дают, на перевоспитание.

ДЮЖЕВ. Потому что большая вера в бригаду и вес она имеет большой, и уж если попал к ним — умри, а удержишься. И будешь славен вместе с ними. Не удержался — твоя вина.

КЛЮЕВ. Важно, когда в бригаде есть всеми уважаемый человек. Вот как у Чернышова в смене работает Герой Социалистического Труда старший вальцовщик Анатолий Иванович Петухов. Он как бы сразу своим примером, своей настоящей рабочей жилкой заставляет его подражать или хотя бы завидовать, заставляет молодого парня задуматься: а что же я-то, неужели не смогу так?... Наглядный урок.

ДЮЖЕВ. Да и скажи, пожалуйста, отчего же у нас на заводе не работают? Все есть для того, чтобы, как говорится, мог человек трудиться, учиться, жениться, ребят народить, их в люди вывести.

Шесть-семь лет отработал парень на заводе — и уже имеет жилье в Москве — целый жил-массив в зеленой зоне наш, заводской. Строим общежитие на тысячу мест... Пионерлагерь есть, одиннадцать яслей и детсадов, стадион, спорт-лагерь, Дворец культуры...

КЛЮЕВ. Устанешь перечислять, Виктор Иванович.

ДЮЖЕВ. Реконструкция завода началась, все будет модернизировано, сколько уже оборудования и нашего и импортного закуплено. Хочешь работать — работай, хочешь учиться — пожалуйста, учись. Вечерний металлургический техникум, вечерний металлургический институт, вечерняя школа на базе завода.

КЛЮЕВ. Я среди науки живу. По правую руку от моего дома институт, по левую — техникум. А Юрий после десятилетки в цех пошел... И я считаю — правильное решение: поработай, осмотришь, можешь ты учиться дальше, хо-

чешь — взрослым человеком сам выберешь себе путь, а не «мама с папой посоветовали».

ДЮЖЕВ. Совершенно верно. А то мама с папой посоветуют — и человек всю жизнь не на своем месте маятся.

КЛЮЕВ. Мне тут один паренек заявил: самое престижное дело — КИПы и автоматика. Вот тебе и слово какое — «престижное».

ДЮЖЕВ. Это, поди, ученые придумали. Социологи. А проще сказать, паренек этот говорил о профессии, ну, что ли, модной, звонкой, современной. Автоматика — дело действительно интересное, но думаю, что работа кузнеца, к примеру, не менее интересна и престижна. А наша сталеварская профессия! «Сталевары» пьеса поставлена? Поставлена. Фильм по ней снят? Снят! И по телевидению недавно многосерийный фильм — опять же о сталеварах.

КЛЮЕВ. Помнишь, тогда на обсуждении пьесы на заводе наши ребята многое подсказали постановщикам...

ДЮЖЕВ. А как же, дело-то свое знаем. Каждую фальшивую ноту слышим.

КЛЮЕВ. Конечно, у нас в Москве горячая профессия скоро уникальной станет. А на Урале, как говорится, только глаза подними — сталевара или вальцовщика увидишь.

ДЮЖЕВ. Потому у нас в Москве ребята и идут на КИП и автоматику.

КЛЮЕВ. Благородные профессии выбирают.

ДЮЖЕВ. А самое, конечно, важное — это чтобы на КИПе ли, в мартеновском ли цехе, в другом ли, чтобы не угасали настоящий дух соревновательности, желание быть лучшим, стимулирующее любую трудовую деятельность в любой профессии. И сейчас, я считаю, на очень высокой ступени социалистическое соревнование у нас. Ежедневное подведение итогов между цехами, в самих цехах, дневники соревнований «Мартеновки»... Как ты сработал сегодня. Завтра. После завтра. Как сработал твой друг. Соперник. А для молодежи — это, наверное, в какой-то степени еще и живая производственная игра. А?..

КЛЮЕВ. Ну-у-у...

ДЮЖЕВ. Что, испугался слова «игра»? А в нем нет ничего плохого. Все надо брать на вооружение. Молодежь — главная армия труда, а давно ли они были мальчишками и девчонками? И если есть элемент интересного, захватывающего, скажем, — это стимулирует. Подведение итогов месяца заводской комиссией, оценки за труд и культуру на производстве, конкурсы, ежедневное соревнование — все это интересно, захватывает. Их узнают на заводе. И сам момент соревновательности — живой, пульсирующий — увлекает, ведет за собой... Разве не так?

КЛЮЕВ. Стахановский дух никогда не пропадет, вот я думаю... В твоих словах, Виктор Иванович, есть правда. Мы, ты знаешь, соревнуемся с волгоградским металлургическим «Красным Октябрем». Наша четвертая печь — с одиннадцатой тамошней. Я соревнуюсь с Александром Поздняковым. И если бы у нас вдруг прервалась наша трудовая творческая связь, я бы, наверное, сильно затужил. Не смог бы ни без Позднякова, ни без нашего «кто — кого».

ДЮЖЕВ. Видишь, тебе, старому, и то интересно, а молодому? Помнишь, как вы в прошлом году, в 1974-м, рапортовали о выполнении обязательства дать сверх плана тысячу тонн стали?

КЛЮЕВ. Как не запомнить, Виктор Иванович! Тогда я стал Героем Социалистического Труда, все члены бригады были награждены...

ДЮЖЕВ. И теперь очень серьезные обязательства коллективом завода взяты: в честь предстоящего XXV съезда партии выполнить годовой план к 26 декабря, а план девятой пятилетки — к 15 ноября 1975 года!

КЛЮЕВ. Думаю, сделаем.

ДЮЖЕВ. Как же иначе. А побеседовали мы с тобой, Виктор Владимирович, не худо.

КЛЮЕВ. Старые мы все же с тобой соратники.

ДЮЖЕВ. А вот скажи, что бы ты сейчас пожелал молодой нашей смене? Современному рабочему поколению?

КЛЮЕВ. Пожелал? Гордиться званием рабочего, потому что это — самое главное, самое уважительное звание в нашей стране трудящегося народа. Когда меня спрашивали в моих поездках заграничных: кто вы? — я отвечал с гордостью: рабочий. И чувствовал, что люди смотрят на меня с уважением, я был для них представителем многомиллионного класса советских рабочих.

ДЮЖЕВ. И надо, чтобы молодой человек, молодой рабочий всегда чувствовал: за ним не только цех, завод, город, но и вся страна, народ. Серьезная чтобы ответственность была.

КЛЮЕВ. Так и никак иначе.

Записала беседу Ксения ВАСИЛЬЕВА.

РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В ОБЩЕЖИТИЯХ — ПЕРВЕЙШЕЕ КОМСОМОЛЬСКОЕ ДЕЛО

МОЙ ДОМ-ОБЩЕЖИТИЕ

«Здравствуй, товарищи! — так начиналось письмо, по которому я приехала в Старый Оскол. — На днях я хотел записаться в библиотеку, но мне сказали, что вначале я должен оставить под залог три рубля. И все потому, что я живу в общежитии, а в них, как правило, пропадают книги. Интересно получается: если останешься в общежитии, то, значит, вор, если на квартире, то — нет. Но я же всегда остаюсь самими собой. Ходили мы с ребятами в горисполком и заведующему отделом культуры. Книжки-то нам дали, а вот решение свое не отменили, и во всех библиотеках этот порядок остался. Правда, надо согласиться с библиотекарем, что в нашем общежитии полный беспорядок. В красном уголке нет газет, стоит один телевизор, когда его смотрят, — курят и грызут семечки. Воспитатель придет, постоит около вахтера и уйдет. А в общежитии часто бывают пьянки и драки. С уважением Геннадий Демон».

Со вторым секретарем горкома комсомола Винитором Жариновым я прихожу в упомянутую в письме библиотеку. Узнав цель моего приезда, библиотекарь Зоя Павловна Шемякина первой задает вопрос:

— Ну, а что вы сделали на нашем месте? Ведь они придут, придут в библиотеку, возьмут книги, потом им здесь или не понравится, или женятся, или уедут, но вернут книги. А вот если три рубля оставили, то непременно забегут. Я же не себе деньги в карман кладу. Поймите, мы вынуждены были пойти на такие меры, хотя официального разрешения на это у нас нет.

Общежитие... Почему так боятся давать сюда книги без залога, ведь здесь живут как раз те, кто строит город, комбинат и все то, чем потом будет гордиться Старый Оскол.

Гена Демон, автор письма, один из них. В библиотеке я заглянула в его формуляр: там значатся книги по истории, философии, античной литературе. Еще тогда подумала, что вкус у парня пестроватый, разбросанный, но потом решила, что эта пестрота может идти и от широты интересов.

Когда я с ним встретила, он подробно рассказал о стройках Севера, Алтая, где ему довелось трудиться. О будущем металлургическом комбинате Старого Оскола, на строительстве которого он сейчас работает. Когда же разговор зашел о его письме, Гена сказал: «Пойдемте и нам в общежитие, сами все и увидите».

Мы шли по общежитию. В красном уголке ребята смотрели телевизор, при этом, как и говорилось в письме, многие курили и грызли семечки; ни одной стенгазеты, ни одного объявления в длинном, унылом коридоре. Постучались наугад в дверь. Нам открыли. На койке лежал парень в одежде, прислонившись к стене, и которой прудометрительно прикреплена газета.

— Это чтобы не испачкаться, — пояснил после церемонии знакомства Вячеслав Резцов. Кроме него, в комнате еще трое, все изрядно выпившие, а время — час дня.

Резцову здесь тоже не нравилось: — Да, пью. А что еще-то делать? Клопы вон завелись, в столовой плохо готовят, белье месяцами не меняют, коврики у стенки повесить не могут, графина с водой не поставят. Я, что ли, должен все это покупать?

Остальные молчали. Потом выступил следующий: — В далеком ауле радио есть, а у нас нет, молчит.

Беседа не клеилась, на вопросы парни отвечали односложно, неохотно. Они явно ждали, когда мы уйдем.

И мы ушли. А с порога комнаты опять послышалось: «В далеком ауле радио есть...»

Под одной крышей общежития живут люди, приехавшие из больших городов и маленьких деревень, люди разных вкусов, разных интеллект. Именно комсомольская организация должна помочь ребятам прийти к взаимопониманию, создать культуру общежития, сделать так, чтобы поселившаяся здесь молодежь жила одним дружным коллективом, одними интересами.

Бывают случаи, когда не стоит искать обходных путей, завуалированных выражений, а следует сказать прямо: молодежь Старого Оскола предоставлена сама себе. Вот и получается, что на стройке ребята — отличные рабочие, а в общежитии они же пьяницы. Обо всем этом я говорила с первым секретарем горкома комсомола Старого Оскола товарищем Клименовым. Он был со мной согласен. Ну что ж, согласие согласием... А пока в библиотеках берут под залог три рубля, в общежитии молчит радио, и Слава Резцов, прудометрительно прикрепив к стене газету, чтобы не испачкаться, лежит на койке, задавая все тем же «философским» вопросом: «А что еще-то делать?»

В 1973 году проблемы белгородских общежитий были подняты на IX пленуме ЦК ВЛКСМ в выступлении первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. Он говорил: «Ежегодно более миллиона юношей и девушек вместе с первым пропуском на предприятие получают направление в общежитие. Сейчас в них проживают около четырех миллионов рабочих и служащих, более миллиона учащихся профтехобразования. Но, к сожалению, не везде комитеты комсомола

проявляют необходимую заботу о молодежи общежитий. В общежитиях Белгорода почти семь тысяч молодежи. О работе в общежитиях принято немало решений горкома и комитетов комсомола. Каждому из них дано свое красивое название: «Фиалка», «Ромашка», «Чайка». Однако повседневную работу комитеты комсомола подменяют кратковременными визитами активистов, слабо занимаются подбором воспитателей и советов общежитий, их учебной, не распространяют лучший опыт. Красные уголки работают плохо, нет комнат для занятий. Из двух тысяч человек, проживающих в общежитиях и не имеющих среднего образования, одна тысяча шестьсот не учатся. Ни одно общежитие не имеет элементарной спортплощадки, а на их строительство поднять молодежь так и не удалось. Нередки факты пьянства, хулиганства, которые не получают должного отпора и общественного осуждения. Комитеты комсомола и штабы «КП» слабо контролируют строительство и оборудование общежитий, организации быта, воспитательной работы в них. В общежитиях предприятий легкой промышленности расходы на оборудование одного места составляют 98 рублей при норме 140. Во многих общежитиях не налажено общественное питание. Однако это мало волнует комсомольские комитеты. Работа с молодежью в общежитиях — первейшее комсомольское дело. Оно требует системы, глубокой заинтересованности и высокой партийной ответственности».

С тех пор прошло почти два года. Однако наиболее проблемы по сей день остались неразрешенными в городе Старый Оскол, Белгородской области.

Ольга ШВАРТИНА

Из сумки почтальона

«ЧАС ИСПЫТАНИЙ», «СМЕНА» № 2, 1975

Регулярным читателем «Смены» я стал сравнительно недавно, хотя мне уже 27 и в комсомоле состоял с 14 лет. Казалось бы, нужно было раньше заинтересоваться «Сменой», ведь журнал комсомольско-молодежный. Но журнал попадал в руки эпизодически — подшивкой, в кабинете периодики. Естественно, что представление о журнале было поверхностным.

Но вот теперь я, кажется, «причитался» к вашему журналу. И не столько меня интересовало конкретное содержание, сколько смысл ваших публикаций. Так вот, должен сказать, что наряду со статьями действительно содержательными, актуальными и вообще интересными, несущими определенный положительный социальный заряд, проскакивают вещи явно слабые, от которых веет анахронизмом.

В одном из последних номеров опубликована статья А. Солодовникова «Час испытаний». И название статьи и рубрика «Рабочая трибуна «Смены» громкие. Но статья слабая, а автор не видит требований сегодняшнего дня и не понимает сущности текущего исторического момента.

То, что было хорошо вчера, плохо сегодня. Самодетельность, такое вот лжеподвижничество, о котором идет речь в статье, круглые словеса, голая трескотня — это атрибуты позавчерашнего дня. А сегодня в любом деле должна быть система: определенное соотношение дел, поступков, слов. Мы же с каждым годом становимся грамотнее, образованнее, культурней. Меняются понятия, переоцениваются ценности.

Автор «Часа испытаний», описывая эпизод с электриками, осуждает Федорова за то, что тот по окончании рабочего дня собрался и ушел домой. А далее уже категорично: «Но жителям поселка нет дела, кончился у Федорова рабочий день или нет. Им ну-

жен свет...» Не правда ли, такое заявление может породить обратную ассоциацию: что, мол, Федорову нет дела до того, нужен ли жителям поселка электрический свет или не нужен, ведь у него кончился рабочий день. Тем более, что автор далее пишет: «...ситуация, в какой оказались электрики, вещь повседневная». Получается, что случай типичный? Интересно, как вы смотрите на это?

И. ПЕРЕХОД, г. Чита

«ВАЛЬС ПОД КУКУШКУ», «СМЕНА» № 3, 1975

В третьем номере меня заинтересовал, мало сказать, заинтересовал, просто потряс рассказ «Вальс под кукушку» Петра Вегина. Вообще я мало интересовался художественной литературой. Читала преимущественно зарубежную классику, а из современной литературы — произведения на военную тему. С именем Петра Вегина встречаюсь впервые. Меня тронул его рассказ, задел за живое. Стиль изложения рассказа очень своеобразный. По-моему, это даже не рассказ, а поэма о человеческой судьбе, где проза и поэзия слиты воедино. Я еще очень молодая, мне только 19 лет. И вот это новое для меня раскрытие военной темы, темы человеческой жизни, переживаний, чувств, по-новому осветило для меня и прошлое и будущее. Рассказ взволновал меня еще, наверное, и потому, что моя жизнь началась для меня с разбитых зеркала, с осколков моего счастья — первого чувства. Мое замужество оборвалось, едва начавшись. Остался сын. Осталась безответная, большая, первая любовь, назвавшаяся сначала взаимной. И вот только теперь начинаю приходить к себе, ведь нужно встать на ноги, закрепиться, начать все сначала.

Много раздумий вызвал у меня этот рассказ. Я кружусь только в первых кругах Кундукинского вальса. А сколько их впереди? А «вальс, как и жизнь, оставляет круги под глазами». Пройдет время, и после каждого круга все яснее будут проявляться морщинки возле глаз. Так какими же будут эти круги жизненного вальса? Знаю, что не в малой степени это зависит и от меня.

О. ПЯТНИЦКАЯ, г. Калининград

«ОТКРЫВАЯ ДЛЯ СЕБЯ», «СМЕНА» № 2, 1975

Скажу прямо, что разговор искуссловеда с читателем, по-моему, не совсем получился. Это скорее всего статья с большим количеством штампов, приевшихся эмоций и т. д. А между тем, если бы автор уделил внимание хотя бы одной картине, снам, Т. Назаренко «Казнь народовольцев», — картина этого заслуживает, — то разговор получился бы другим, главное — близким и истинным. Между тем автор, характеризует картину, мягко говоря, грешит незнанием исторических фактов. Кто изображен на картине? Пять человек — «первомартовцев», — участвующих в похоронах на царя Александра II 1 марта 1881 года. Это С. Перовская, А. Желябов, Н. Кибальчич, Т. Михайлов и вдруг еще один герой — одиноко, спиной и зрителю. Художница очень своеобразно поместила пятого уча-

стница этой драмы. Почему? Кто он? Это Н. Рысаков — 19-летний студент, сломленный полицией, предавший друзей.

Но предоставим слово В. Н. Фигнер. В своих «Воспоминаниях» она пишет: «На эшафоте Перовская была тверда всей своей стальной твердостью. Она обняла за плечи Желябова, обняла Кибальчича, обняла Михайлова. Но не обняла Рысакова, который, желая спастись, выдал Тележнику улицу и погубил Саблина, застрелившегося, погубил Гесю Гельфман, умершую в доме предварительного заключения, погубил Т. Михайлова, которого привел на эшафот». Так пишет Вера Николаевна Фигнер, одна из активнейших представительниц «Народной воли». А вот что пишет Ольга Воронова: «Они (т. е. народовольцы. — А. В.) провозают свои последние минуты, но они спокойны и мужественны; им не в чем раскаиваться, и если бы пришлось начать жизнь сызнова, они жили бы ее так же». Сказано напыщенно, трафаретно, а главное — без желания выныкнуть в замысел художника, без желания проследить огромную драму человеческую, историческую. А между тем Н. Рысаков до самого последнего часа думал, что его помилют, — ведь он же все рассказывал. Интересен в этом отношении роман Ю. Трифонова «Нетерпение» — там можно найти много страниц на эту тему. А у О. Вороновой: «И только народовольцы неподвластны страху», — и тут же: «пустота ухода из жизни» и т. д. и т. д.

Как выиграла бы статья, если бы картина сопутствовал вдумчивый, соотвествующий фантам рассказ. Хотелось бы, чтобы искусствоведы более квалифицированно давали содержание исторических полотен, тем более что сами-то художники знают, о чем пишут.

С уважением А. ВОРОБЬЕВ, доцент, г. Череповец

ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ

МОЛОДОЙ ЭЛЕКТРОСИЛОВЕЦ АРКАДИЙ ПЕТРОВ — РАБОЧИЙ С ДИПЛОМОМ.

Огромной стройкой назвал нашу страну Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. С каждой пятилеткой советские люди под руководством ленинской партии героическим трудом наращивают экономический потенциал своего Отечества. Первоклассные заводы, промыслы, шахты, электростанции — вот рабочая карта страны. Именно здесь, в больших коллективах, в сложных и ответственных делах, от решения которых порой зависела судьба Родины, набрали силу, закалились многие поколения советской молодежи. Эстафета трудового подвига — одна из коренных примет социалистических преобразований. Все это составляет нашу гордость, нашу славу!

Сегодня великаны отечественной индустрии, идя в авангарде научно-технического прогресса, не только дают высококачественную, на уровне мировых стандартов продукцию, но и стали под-

«ЭЛЕКТРА»

линной школой коммунистического воспитания молодого рабочего класса. Здесь, на ударных трудовых вахтах, рождаются многие починны, находящие широкий отклик по всей стране.

Вот почему в массовом молодежном журнале «Смена» вводится рубрика «Гиганты советской индустрии», где будет рассказано о целой шеренге крупных промышленных предприятий истроек, об их достижениях, а значит, и о замечательной рабочей молодежи, о комсомольском поиске, постоянно направленном на развитие социалистического соревнования, на целеустремленное, творческое решение задач, поставленных партией.

Дмитрий ФИЛИППОВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ,
член редколлегии «Смены».

Валентина БЕЛОВА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты
«Смены».

Обычно заводы расположены в отдалении от парадных улиц. Этот стоит на одном из красивейших проспектов Ленинграда. Город ли строился вокруг завода, или завод во-брал в себя город, сказать трудно: столь органично и мощно вписана «Электросила» в парадный размах Московского проспекта.

«Электросила» — любимица «Северной Пальмиры», славящейся прекрасными ансамблями, дворцами и

СТАТОРНЫЙ УЧАСТОК.

памятниками. Вольно или невольно эта любовь подчеркнута топографией.

Не только Ленинград — вся Советская страна гордится арсеналом электрификации, чье имя навечно связано с Волховстроем и Днепротэсом, Волжской, Братской, Красноярской станциями... Все их перечислить трудно. Достаточно сказать, что сегодня свыше 60 процентов электроэнергии, вырабатываемой в СССР, дают генераторы, вышедшие из ворот ленинградского промышленного гиганта.

Марку «Электросилы» знают на всех континентах земли. Мощные гидро- и турбогенераторы, изготовленные здесь, одни из лучших, надежнейших в мире. Они поставляются более чем в 70 зарубежных стран и своим качеством бьют образцы прославленных зарубежных фирм. И бьют не только сегодня — вот уже почти пять десятилетий.

Каждое утро мощный людской поток вливается в проходные по обеим сторонам Московского проспекта. Электросиловцы идут на свой завод. Среди них есть ветераны, проработавшие здесь долгие годы. Ветераны и герои труда, о которых написаны книги и песни, сняты кинофильмы. И много совсем молодых, чей рабочий стаж исчисляется всего годом-двумя, а то и месяцами.

Завод — это тысячи людей. Перед пишущим всегда встает нелегкая задача: о ком рассказывать? Как написать об одном так, чтобы показать многих!

Я попробую рассказать о комсомольце Аркадии Петрове.

Сначала два факта.

ФАКТ ПЕРВЫЙ. Рабочий, обмотчик цеха № 1 Аркадий Петров, заканчивая техникум, написал дипломное сочинение. Тема его «Расчеты конструкции турбогенератора ТВВ-1600-2». Цифра «1600 тыс.» означает мощность машины.

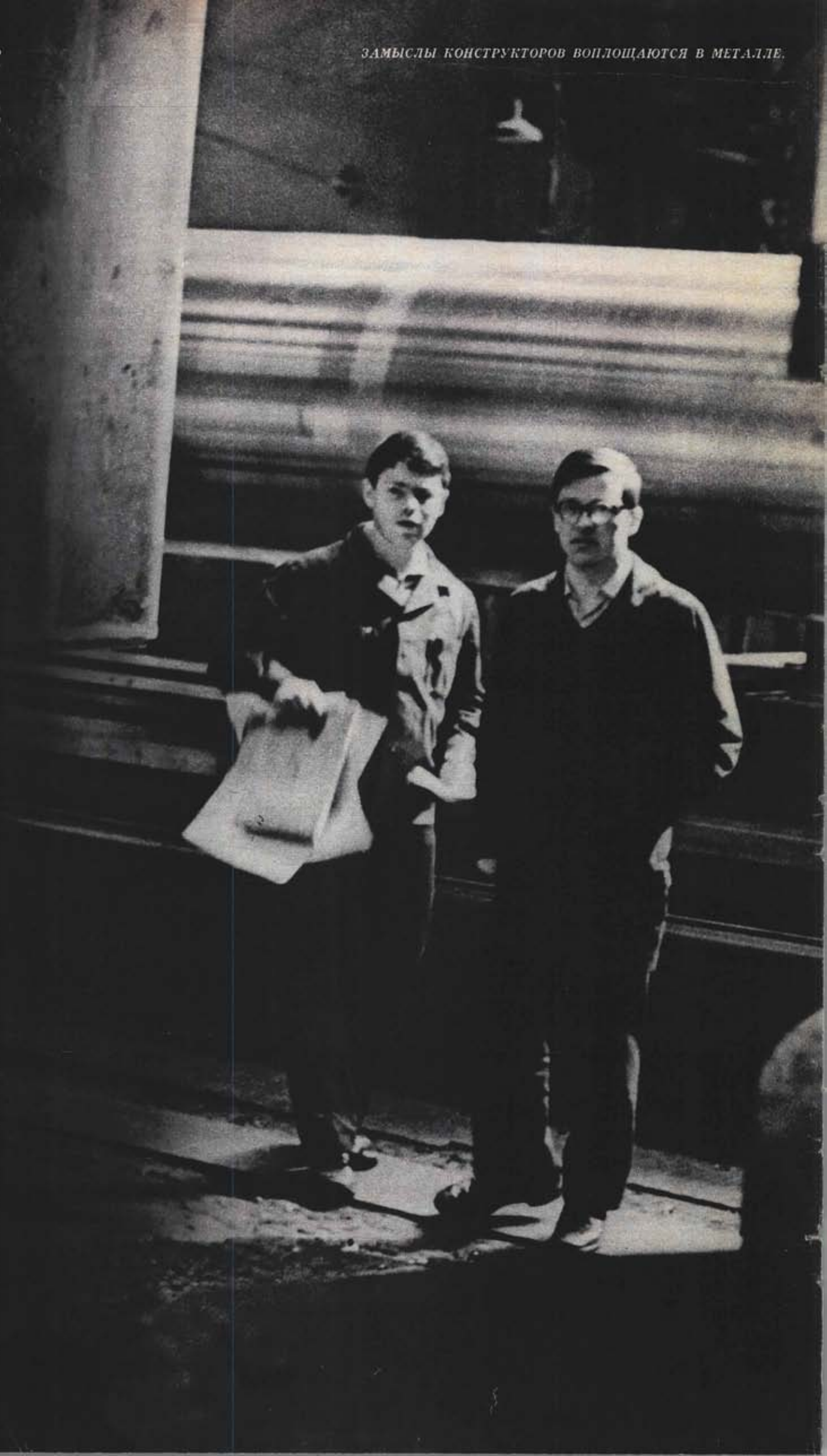
ФАКТ ВТОРОЙ. Из истории всем хорошо известно: ленинский план ГОЭЛРО, принятый VIII съездом Советов в декабре 1920-го, предусматривал за 10—15 лет построить электростанции общей мощностью 1,5 миллиона киловатт.

Историки подчеркивают, что план ГОЭЛРО «поражал в то время своей грандиозностью». Вот свидетельство Алексея Толстого: «...Люди в зрительном зале, у кого в карманах военных шинелей и простреленных бекеш было по горсти овса, выданного сегодня вместо хлеба, не дыша, слушали о головокружительных, но естественным образом осуществимых перспективах революции, вступающей на путь творчества».

Каков же он, этот молодой рабочий сегодняшней «Электросилы», буднично защищавший диплом, посвященный турбине, которая одна своей мощностью превзойдет грандиозный план ГОЭЛРО!

Если бы художник захотел писать портрет Аркадия Петрова, то ему, художнику, долго пришлось бы вглядываться в худое лицо девятнадцатилетнего человека — узкое лицо в очках, за которыми слегка щурятся светлые глаза, разглядывать мальчишескую фигуру своей модели: средний рост; куртка, замасленная до того, что уже неясен ее цвет — хаки или коричневый; брюки из сине-белой джинсовой ткани; вероятно, художник захотел бы писать его в рабочей обстановке, стоящим около гигантского зубчатого кольца статора, окрашенного суриком. И долго, наверное, художник гадал бы, что главное в этом юноше: застенчивость? Интеллигентность?

В минуты знакомства мне не хватило времени на эти мысли. Аркадий неохотно [пришлось оставить работу] спустился по трапике с площадки, где был установлен статор,

мы пошли в маленький кабинет начальника участка, и Петров разрешил задать ему несколько вопросов.

— Как вы, Аркадий, попали на «Электросилу»? Когда!

— Два года назад. Я тогда учился в техникуме.

— И, закончив, пришли в цех!

— А я и не уходил. Не ушел после законной практики.

В жизни каждого журналиста бывают люди, которых трудно «разговорить». Честно говоря, теперь я думаю, что Аркадий Петров — один из самых неразговорчивых. Он, кажется, употреблял лишь нераспространенные предложения, да и те приходилось словно клещами из него вытягивать.

— Пожалуйста, объясните, что значит «законная практика».

— По учебному плану. Она кончилась, но я не захотел из цеха уйти.

— Вы учились на вечернем отделении!

— Нет. Днем я учился, а вечернюю или ночную смену работал.

Усвоить происшедшее помогли мне в цехе. Оказывается, студент дневного отделения Петров, не пожелав уйти с рабочего места после окончания положенной законом практики, вступил с администрацией своего техникума в острый конфликт. Конфликт выражался не то чтобы в словах — в поступках упрямого человека, который отчетливо знает, чего хочет. «Хотение» же это расходилось с общепринятыми правилами. И вплоть до самой защиты дипломного проекта Петров работал в цехе полную смену, несмотря на строгий запрет администрации техникума. Сутки студент-рабочий разделил на три равные части [8 часов — работа, 8 — учеба, 8 — сон], и все проходило, как Аркадий уверяет, «нормально».

Дипломный проект своего «ТВВ-1600» он защитил на «отлично».

1 МИЛЛИОН 600 ТЫСЯЧ КИЛОВАТТ... Мощность, превышающая «упряжку» всех машин легендарного ГОЭЛРО... Понимал ли мой девятнадцатилетний собеседник, что стоит за этими цифрами! Что значат они в биографии не только его страны, но и его завода! Ведь план ГОЭЛРО был целой эпохой в первую очередь в жизни предприятия — тогда оно еще не называлось «Электросилой»... Свое звонкое имя оно получило позже, когда в связи с приближающейся пятой годовщиной Октября трудящиеся Петрограда решили переименовать заводы и фабрики — ведь иные из них еще носили имена бывших владельцев.

«В день пятой годовщины Великой Октябрьской революции, — говорилось в постановлении Совета рабочих депутатов Петрограда, — сорвав с наших заводов позорные имена эксплуататоров рабочего класса, Нет Торнтонов, Путиловых, Лесснеров и прочих, есть фабрики и заводы имени: Володарского, Самойловой и других борцов за освобождение рабочего класса. С новой силой загорятся горны, с новой силой застучат станки, с новой силой возьмутся рабочие за восстановление своего хозяйства, вдохновляемые воспоминаниями о великой борьбе и победе».

Имя предприятию, бывшему заводу «Сименс и Гальске», потом — «Сименс-Шуккерт», после революции — «Заводу № 2 электромашиностроительного треста», коллектив выбрал сообща. 7 ноября 1922 года название «Электросила» красовалось на вывеске у проходной.

А в конце ноября того же года на общем рабочем собрании помощник директора завода Я. Ф. Шеньян сообщил, что просьбу петроградцев о передаче на «Электросилу» волховстроевских заказов поддержал Ленин. Это была огромная победа. Ведь уже велись переговоры

со шведской фирмой АСЕА — всемирно известным поставщиком электрических машин. Волховская ГЭС, уверяли многие спецы, и в их числе сам знаменитый Графтио, первенец ГОЭЛРО, не просто стройка, а пример, призванный показать всему миру, на что способна освобожденная Россия. И судьбу стройки нельзя доверять людям, не имеющим опыта генераторостроения! А что такое «Электросила»? Несколько десятков инженеров и несколько сотен рабочих...

Шеньян так сказал этим инженерам и этим рабочим:

— Мы на прошлом собрании обратились с телеграммой к Ильичу. Ильич вызвал нас в Москву, выслушал. Было много споров, но мы добились своего, — заказ нам отдан. Мы сказали: если не выполним к сроку, то вы можете нас расстрелять.

Обо всем этом подробно рассказано в «Ученых записках Института истории партии Ленинградского обкома КПСС».

— ОБЪЯСНИТЕ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, АРКАДИЙ: почему вы избрали такой сложный для себя путь? Учиться на дневном отделении, при этом в цехе работать без скидок... Ведь месяцами жить в таком режиме, что бы вы ни говорили, очень трудно. Так почему!

— Мне было интересно.

— Вам, наверное, сразу поручили увлекательное дело!

Он даже улыбнулся.

— Поставили учеником. Швабру дали. Но я видел, как другие работают. Смотреть и то интересно...

Еще была одна деталь. В техникуме Петрова упрекнули: гонишься, мол, за длинным рублем. Однако иждивенец, живущий за маминой спиной, вряд ли погнался бы за рублем. Аркадий не хотел быть иждивенцем. То есть раньше все было в порядке, но как раз в это время мать вышла на пенсию. Сто двадцать рублей на двоих маловато. Поэтому зарплата сына как прибавка к семейному бюджету пришлась весьма кстати. Согласитесь, что подобный образ действия вовсе не в укор мужчине, пусть даже этому мужчине всего семнадцать лет! Наоборот. Мало ли сейчас единственных деток, считающих вполне естественным до зрелых годов все тянуть и тянуть из кармана «предков»...

Итак, конфликт. Он стал настолько серьезным, что, не вмешайся завод, неизвестно, чем кончилось бы дело для Аркадия. Но в цехе он уже был не один — за ним стоял коллектив.

Когда молодой рабочий пришел на статорный участок, его познакомили с Кудрявцевым Валентином Павловичем и Сотниковым Геннадием Лаврентьевичем — оба рабочие, асы своего дела. Они стали, несмотря на разницу в возрасте, в полном смысле слова товарищами и советчиками Аркадия. Теми, кого на «Электросиле» называют наставниками.

Впрочем, теперь не только на «Электросиле». Институт наставничества широко распространен сейчас, как известно, во всем Ленинграде, во всей стране и даже за ее рубежами. О последнем мне рассказывал электросиловский слесарь Степан Степанович Витченко, Герой Социалистического Труда, ездивший распространять опыт наставничества в Болгарию и в другие государства. Именно Степан Степанович был человеком, начавшим в Советском Союзе движение наставников, и добрый десяток лет знакомства с ним [он тогда не имел ни Золотой Звезды, ни всесоюзного признание, лишь характер у него был тот же, неугомонный и настойчивый] дал мне возможность в полной мере понять саму суть взаимоотношений новичка и

опытного рабочего. Витченко, который не только мастерству обучил сотни своих подопечных, но и поддерживал каждого всякий раз, когда тот оступался или было ему плохо, вполне подготовил меня к полному пониманию того, о чем очень скупой рассказал Аркадий:

— Валентин Павлович стал разбираться. Вообще в цехе сразу меня поняли. Начальник участка Муравьев в техникум ходил...

И Василий Григорьевич Муравьев подтверждает, что да, ходил. В техникуме убеждал: нельзя гасить порыв парня. Что именно такие увлеченные, любознательные, упорные рабочие нужны сегодня производству!

Муравьев ведет нас по своему статорному участку. Участок — лишь часть огромного цеха № 1. Детали турбин, стоящие здесь, столь велики, что люди рядом с ними почти незаметны.

— Василий Григорьевич, — спрашиваю я, — это не тот ли самый цех, который построили в 1930-м!

Муравьев внимательно смотрит на меня.

— Да. Тот самый.

Не так уж много теперь на «Электросиле» ветеранов, которые своими глазами видели эту стройку и лично участвовали в ней. Но коллективная память завода хранит и никогда не перестанет свято хранить этот эпизод — один из многих героических эпизодов летописи предприятия. В книге «Арсенал электрификации» об этом сказано так: «Турбокорпус «Электросилы» — один из ведущих арсеналов индустриализации — еще в колыбели пестовала вся Советская Родина».

В 1927 году старый большевик и шеф заводских «фабзачат» Алексей Семенович Федин смастерил со своими питомцами замечательную вещь, или, как он ее называл, «штуку». В центре символической эмблемы была фигура Владимира Ильича, по бокам — макеты волховского и днепровского гидрогенераторов. Электросиловцы решили преподнести эту эмблему юбилейной сессии ЦИК СССР, которая открылась в Ленинграде к 10-й годовщине Октября. Еще до начала заседания эмблему поставили в президиуме. Вспоминают, что М. И. Калинин, сам бывший мастеровой, залюбовался искусной работой и несколько раз выключал загоравшуюся над макетами надпись: «ОТ ВОЛХОВСТРОЯ — К ДНЕПРОСТРОЮ!»

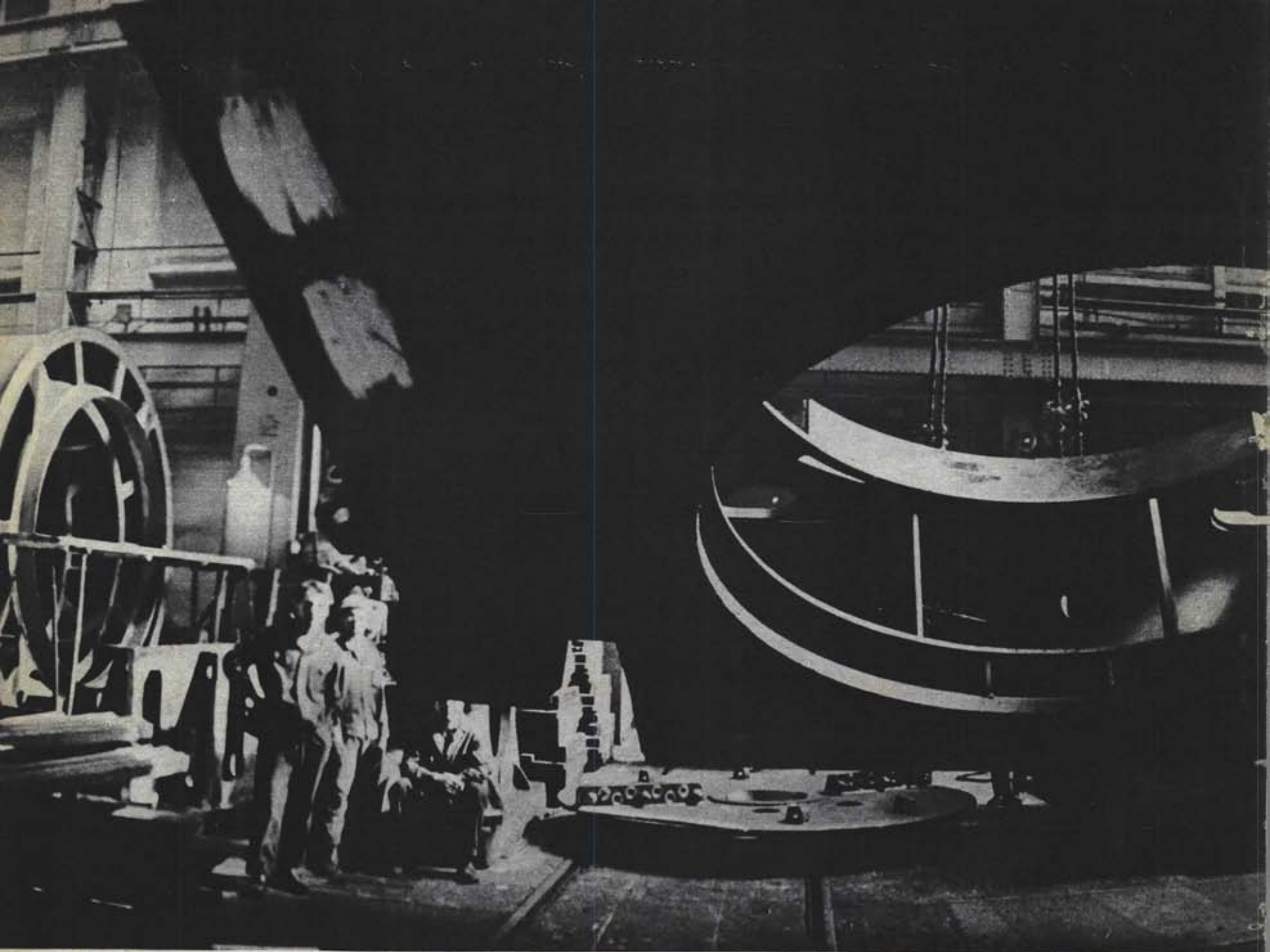
Завод вручил юбилейной сессии также приветственный адрес. В нем, между прочим, говорилось:

«Мы просим ЦИК принять от нас преподносимую нами эмблему, как знак нашей готовности от работ для Волховстроя перейти к работам для Днепростроя».

Официальных заказов от Днепростроя еще не было, но уже проектировался для них новый, самый большой тогда в Европе турбокорпус. А в 1929 году «Электросила» получила заказ на строительство уникальных гидрогенераторов для Днепровской ГЭС. Рядом с днепровским шли в производство генераторы для Свири, для Каширы, разворачивались работы по изготовлению электропривода для первого советского блюминга... Требовалось во что бы то ни стало как можно скорее ввести этот корпус в строй. Все 600 строителей объявили себя ударниками. На завод неоднократно приезжал Киров. По его совету электросиловцы через «Правду» обратились с письмом к рабочим всех предприятий страны, которые участвовали в поставках оборудования для нового цеха.

Корпус был сдан 1 мая 1930 года — на пять месяцев раньше срока!

— А вы посмотрите, какой красавец, — говорит Муравьев. — Можно

сказать, ничуть не уступает нынешним. Я сказал бы, наоборот. А ведь сорок пять лет ему!

И правда: особенная красота у этого цеха, который из первой пятилетки полноправным собратом шагнул в век научно-технической революции. Огромные многометровые пролеты не охватишь глазом. Закнь голову — солнце пробивается сквозь 25-метровую высь. Сколько света, воздуха. Сколько простора...

О цехе этом, как о человеке с бурной героической судьбой, можно было бы написать роман. В годы Великой Отечественной, когда трамвай останавливался, не доезжая двухсот метров до «Электросилы», и кондуктор объявлял: «Вагон дальше не идет. Дальше фронт»; когда завод оказался на переднем крае обороны Ленинграда; когда в один только январский день 1943 года на заводской территории разорвалось 40 снарядов крупного калибра и до 300 осколочных и зажигательных; когда отсюда, с «Электросилы», почти в эти же самые дни самолетами отправляли на «Большую землю» продукцию и на каждом изделии ставился штамп «Сделано в Ленинграде в период блокады», принимается решение о восстановлении турбогенераторного цеха к 1 мая 1943 года. И его восстанавливают. Почти все готово. 26 апреля — новый вражеский налет. 250 снарядов падают на территорию завода. Восстановленный турбокорпус разбит. Но пуск должен состояться!

И пуск состоялся!

«...Он стоял, окуренный пороховым дымом, зияли оконные проемы — пустые, без стекол и переплетов, крыша сдвинута набекрень. Он стоял во весь свой рост, могучий богатырь, израненный, но опять готовый к бою. Снова корпус огласился рабочим шумом машин и человеческими голосами. Завертели станки. И вновь, как много лет назад, турбокорпус вошел в строй действующей тяжелой индустрии страны. Любимец Родины от рождения, теперь он стал ей вдвойне милей и дорожее» — такие строки можно прочесть в «Арсенале электрификации».

Знал ли обо всем этом девятнадцатилетний Аркадий Петров, не захотевший уйти из турбоцеха! Подробно мы с ним на исторические темы не говорили, но у меня сложилось впечатление, что многого он узнать не успел. Однако история проникает в сознание человека разными путями. Можно читать книги, а можно дышать ее воздухом, вместе с ним впитывая самую суть минувшего — его атмосферу, его традиции, его силу и славу.

КАЖДЫЙ, КТО ВХОДИТ СЮДА, видит не очень большой, но сразу же бросающийся в глаза лозунг: «Сделано в турбоцехе — сделано отлично!» Слова на красном кумаче не случайны. Сегодня борьба за качество на «Электросиле» — задача номер один.

В общем-то, эта задача никогда не снималась с повестки дня. Но сегодня, в завершающем году девятой

пятилетки, в преддверии пятилетки десятой, она получает иное, более глубокое звучание. Ленинград, город технического прогресса, ставит своей целью выпускать такую продукцию, в которой были бы реализованы высшие достижения науки и техники. Научно-производственное объединение «Электросила» сегодня добилось в этом отношении немалых успехов.

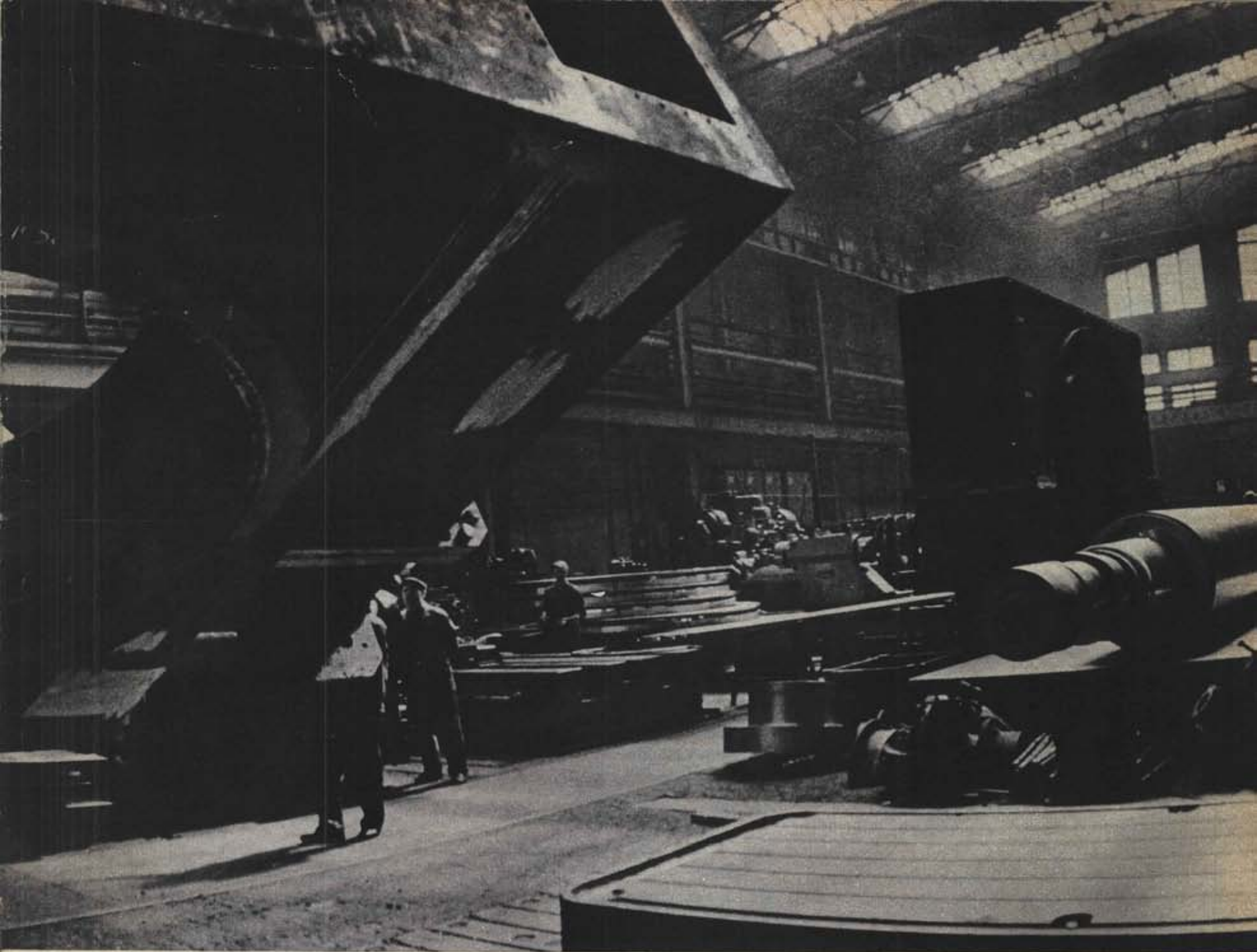
Велик вклад этого промышленного гиганта в развитие современного научно-технического потенциала страны. Серийные турбогенераторы мощностью 500 и 800 тысяч киловатт, в том числе для Ленинградской и Курской атомных электростанций, электрооборудование для атомного ледокола «Арктика», уникальные машины для прокатных станков Череповецкого металлургического завода и объединения «Кировский завод», строящийся турбогенератор-великан мощностью 1200 тысяч киловатт для Костромской ГРЭС — эта и вся остальная продукция должна быть самой лучшей, самой высококачественной. И не случайно именно на «Электросиле» возникает движение: каждому новому изделию — государственный Знак качества! Здесь уже вплотную подошли к решению проблемы управления качеством продукции. Но это уже особый, требующий особого места разговор, потому что речь должна была бы пойти о специальных вопросах, например, о единой службе управления качеством [ЕСУК] — службе, в

рамках которой идет планомерное формирование уровня качества изделий на всех стадиях производства, о реконструкции управления объединением, внедрении автоматических систем управления и так далее.

Дает ли все это плоды? Да. За годы нынешней пятилетки доля изделий на всех стадиях производства, о реконструкции управления объединением, внедрении автоматических систем управления и так далее. Дает ли все это плоды? Да. За годы нынешней пятилетки доля изделий на всех стадиях производства, о реконструкции управления объединением, внедрении автоматических систем управления и так далее.

— Петров у нас, это вы верно подметили, разговаривать не очень горд. Парень скромный. Он и с нами больше не словами объясняется — рацпредложениями. Принесет чертежик, положит на стол да и выйдет.

Это мне говорят в конторке. Я интересуюсь, сколько у Петрова рацпредложений. Объясняют, что, кажется, три. Первое — модернизация гильотинных ножниц — позволяет предупредить возможность травматизма, закрыть опасное место, куда может попасть рука. Второе — приспособление для заклиновки пазов статора — помогает высвободить одного человека. Раньше крепили двое, теперь справится один. Третье... Да

ОГРОМНЫ ДЕТАЛИ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ МАШИН.

ВАЛ РОТОРА ПОДВЕРГАЕТСЯ ТОНЧАЙШЕЙ ТОКАРНОЙ ОБРАБОТКЕ.

вы спросите у него самого, у Аркадия!

И тут мы засмеялись, вспомнив, с чего начался наш разговор.

Но мы все же с Петровым еще поговорили, и он припомнил, что вроде бы у него даже не три рацпредложения, а несколько больше.

— Увижу, что тормозит дело, — задумчиво сказал он, — и начинает это меня занимать. Стараюсь предпринять что-либо. А вообще это чепуха, мелочи. Не стоит даже вспоминать. — Смена кончилась, и он пошел.

В конторке остался начальник участка Василий Григорьевич Муравьев, который еще вот что сказал о Петрове:

— Это поколение будет замечательное. Ведь какой рабочий теперь! Ему, например, девятнадцать, а у него уже среднее техническое образование и огромное желание трудиться. Культурный парень. Диплом свой на английском языке написал, абонементы у него в филармонию... Работать с такими — удовольствие. Это с одной стороны. С другой стороны, руководить ими немощно трудно. Почему! Да потому, что у них требования большие очень!

Говорил все это Муравьев весело. Человек и завод... Не окинешь разом гигант советской индустрии — «Электросилу». Как, впрочем, и человека, хотя бы и одного.

Они под стать друг другу, сложны и необъятны — огромный завод и простой человек.

НИКА

БОГИНЯ ПОБЕДЫ

М. М.

*Если душа окрыленная в небо взметнется
И попадет в подходящий воздушный поток
То непременно домчится до самого солнца
И обозначит созвездьями свой потолок.*

*Но и тогда многомерная высь небосклона
Душу такую чюрленисским светом манит.
Ведь на нее, вопреки уверениям Ньютона,
Вовсе не действует тянущий книзу магнит.*

*Тяга иная — к всегда уходящему краю —
Падают в открытое небо ее обречла...
Сколько себя я ни помню, в груди ощущаю
Душу подобную... К ней бы еще два крыла...*

I
— Не хочешь ли, поэт, свести знакомство
С Прекрасной Дамой!
— Отстань, смола! Отлипни!
[В ту пору Блок моим кумиром был,
И Рыцарем Прекрасной Дамы
Друзья безжалостно меня дразнили.]
— Напрасно огрызаешься, поэт,
Она из нелегальных, из таких,
Что Вольдемараса¹ недавно подстрелили.
— Ого! Знакомы!..

Тогда поэтом
Я не был. На расстроенной гитаре
Без устали брэнча, я распева:
«Мы выходим спозаранок
В путь тернистый...
Друг бабахнул из нагана
По министру...»

Окраина бедняцкая охотно
Такие песни слушала.
И я был не последним человеком
На улице Береговой.

— А что еще о ней ты знаешь!
— Микой

Ее зовут. И больше ничего
О ней не надо знать.

— Неужто Никой!
Микалиной.
— Досадно. Имя греческой богини
Послышалось мне. «Ника», —
Звучит — ведь правда же! — куда красивей.
Но при нагане хороша и Мика...

И вскоре на конспиративную квартиру
Нас привели. А следом
Явилась женщина — на вид совсем иная,
Чем белокрылая богиня Ника.
Короткая, почти мужская стрижка.
Прямоугольник лба. Колючий взгляд.
Уселась и достала папиросу.
И ногу на ногу закинула свободно.
Но все же что-то было в ней от Ники...
Когда она к некрашеным губам
Привычно папиросу поднесла,
Почудилось мне, что крыло взметнулось
И ветерок по комнате пронесся...
И как-то весело и зябко стало...

— Я слышала, — она спросила нас, —
Вы помогать подпольщикам хотите!..
Отлично. Что хотели бы вы делать!

¹ Министр в литовском буржуазном правительстве.

— Буржуев бить! — воскликнули мы разом. —
Оружие бы нам, наганы, бомбы...
В ответ она обидно улыбнулась.
— А что еще умеете вы делать!
— Умеем то, чему не учат в школе:
Писать листовки и на стены клеить.

— Вот это дело! — оживилась Мика. —
Но только вы не торопитесь с ним.
Сначала вам придется одолеть
Все то, что есть в учебниках.

— Зачем! —
Спросили мы, насупясь.

— А затем,
Чтобы ошибок не было в листовках
И чтобы в них ясней виднелась цель,
Ради которой вы людей зовете
Своей привычной жизнью пренебречь.
Но и пособия другого рода
Для этого освоить надо вам
И знать их назубок. Я позабочусь,
Чтобы у вас такие книги были.

А что еще умеете вы! Ну!
Вот ты! —

И не рукою, а крылом
Она коснулась моего плеча.
Я от смущенья весь побагровел.
— Не знаю... Не припомню сразу...
— Стихи он пишет! — выпалил мой друг
И тоже почему-то засмутился.
— Стихи! Чего же ты стыдишься, парень!
Стихи, они как белый хлеб. Конечно,
Желудок может обойтись и черным.
Но если нету белого — душа
Недоедает, мается и чахнет.

Ну что же... —
Мика снова улыбнулась. —
Я очень рада нашему знакомству.

— Наганов, значит, нам не будет!
— Нет.

Наганы выкиньте из головы.
И бомбы заодно, чтоб больше места
Для книг освободить. А книги будут.

На том мы и расстались. Этот вечер
Я помню и сейчас. Густую мглу
Прокалывали считанные звезды
И были очень, очень далеки...

2

Потом я помню городскую стачку.
Бурлящий человеческий поток
Смахнул меня с порога, словно щепку,
И устремился дальше, клокоча,
Затапливая русла переулков,
Валая столбы, выдавливая стекла,
Пока не выкатился на простор,
Где стройные ряды солдат застыли.
И грянул залп,
И я впервые
Увидел кровью крашенный асфальт
И понял, почему багряный стяг,
А не другой полощется над нами...

Бывают в жизни
Два-три мгновения,
Которые иначе

Как поворотными не назовешь.
Одно из них я пережил тогда.
Свою судьбу увидел я воочию
Во всем, что совершалось в этот день.
И даже боров-полицейский,
Который походя ожег меня
Резиновой дубинкой, тоже был
Орудием неистового рока,
Преображающего жизнь мою.
И эта черная дубинка,
Всосавшаяся мне в плечо,
Как будто исполинская пиявка,
Поньше не отпала.
И с той поры я не встречал врага,
Что стал бы ненавистнее и ближе
Дубинки, в люди выведшей меня,
И до сих пор из памяти моей
Не выветрились лица арестантов
И стонущие под напором тел
Ворота городской тюрьмы.
Я в полной мере осознал тогда,
Чего свобода стоит:
Оплаченная несвободой,
Она дороже всех сокровищ мира!
И кровь и жизнь
В тот день в цене упали
Для бедняков,
По-царски щедро
Плативших за свободу...

Настала ночь,
И я побрел домой.
И вдруг какая-то диковинная сила
Меня за плечи подняла
И понесла над городской окраиной,
И нечто губы разомкнуло мне,
И начал я ронять слова,
Слова такие,
Что плоть мгновенно обретали.
И вспомнил я, что говорила Мика.
Да, человека надобно насытить
Не только хлебом, но и словом,
Иначе он зачахнет неизбежно.
Мне стало ясно,
Как отаратительны бесплотные стихи:
Они как муляжи,
Как парафиновые кренделя
И только дразнят взгляд...

Я стал всему причастен в эту ночь,
И всем, что было у меня,
Безудержно хотелось мне делиться.
И долго я разламывал на части
Свой белый хлебец и бросал куски
В потемки черные...

3

И вот другая ночь...
И пятая... И сотая...
В который раз неведомая сила,
Меня за плечи приподняв,
Возносит в воздух
Над скопищем лавчонок, мастерских,
Голодных развалюх...
И небо раскаляется, как печь,
И хлебный дух щекочет ноздри...

Однажды живший по соседству пекарь
Спросил: — Ты почему не спишь ночами

И свечи переводить!
Сознал я, что тоже хлеб пеку.
— Как! Что еще за хлеб!
— Обыкновенный, белый.
Насторожился пекарь:
— А из какой муки!
— Из поэтической, — ответил я.
Тогда, вздохнувши облегченно,
Сосед потребовал:
— А ну-ка дай помоть!
Прочтя стихотворенье, он сказал:
— А что, хороший хлеб, съедобный.
И отзыв хлебопека
Пошел по улице Береговой
Из уст в уста,
И я гордился им,
Как после не гордился ни одною
Из лестных напечатанных рецензий.

Стихотворенье это я отнес
В подпольную газету.
Там критики постороже оказались
И объявили приговор другой:
«Хотя вполне съедобен этот хлебец,
Но соли явно не хватает в нем.
Он сладок чересчур».

Я так обильно
Свои изделия сластил,
Чтоб жизненную горечь перебить,
В особенности старшую сестру
Хотелось мне утешить.
Она просиживала вечера
У тусклого оконца
И терпеливо сватов дожидалась.
А те совсем не торопились к нам:
Красива, но бедна...
И сватался к моей сестрице
Один бродяга-месяц.
И то лишь в ясную погоду...

Напротив через улицу жила
Моя ровесница —
Горбунья с изумрудными глазами.
Стихи я посвящал и ей нередко,
И парюю смарагдов лучезарных
Она платила мне за вдохновение.

Свою неприязнительную музу
Я поселил на чердаке.
Однажды мой отец туда забрался
И обнаружил целую ночлежку:
Я спал в обнимку с музой,
А на краю лежанки
Усталый месяц прикорнул.
Отец нас растолкал.
И месяц с музой мигом
В оконце выскользнули.
— Ты чем здесь занимаешься! —
Спросил отец.

— Стихи пишу.
— Ступай к себе в постель.
Стихи — забава не для черной кости.
Уж лучше б делом занялся...

А я и рад бы, да не мог.
По-прежнему таинственная сила
Меня влекла в бездонный омут,
Где звезды плавали, как рыбы.
Я помню, как-то раз
Сказала мне зеленоглазая горбунья:
— Я видела тебя во сне.
Ты вместе с месяцем летел над крышей.
И каждый
Держал в руке
По длинной низке звезд.

И мне порой такое снилось...
Душа безудержно тянулась ввысь...

..К ней бы еще два крыла неужимых и скорых —
Поле пшеничных колосьев и поле ржаных, —
Чтобы она, очутившись в нездешних просторах,
Не отдалась ничуть от просторов родных.

Чтобы, взлетев над планетою по вертикали,
Не растеряла земных незатейливых слов,
Чтобы слова эти зернами в ней прорастали
Для замороченных и бессловесных голов.

Чтобы она не страдала от звездной болезни,
Чтобы не сбилась внезапно с пути своего,
Чтобы везде, даже в самой отчаянной бездне,
Видела цель впереди, не боясь ничего...

4

И вот настали дни,
Когда на все лады —
И дискантом и басом —
Заговорил свинец.
И серые цвета
Свинца, шинели,
Колочей проволоки, дыма, пепла
Слились в одно гигантское пятно,
Соединились в мутном лике смерти.
И заповедь старинная:
За око — око, зуб — за зуб —
Опять законом стала непреложным
Для человека, борющегося с нечеловеком...

Вообразим, что в этой схватке
Победу одержал второй.
Он тоже расщепил бы атом,
И до луны добрался б, несомненно,
И кривизну пространства бы измерил,
И написал бы звучные стихи.
Но книга, изданная им,
Носила бы название
«Нечеловек»...

Я шел через скелеты городов,
Через казенные деревни,
И серые холмы могил
Росли навстречу.
Свинцовым было небо,
И землю всю устлал свинец,
И у меня в груди
Вместо живого сердца
Сидел кусок свинца
И весил очень много.
Но та же сила
Меня легко за плечи поднимала
И возносила в дымный небосвод
Со скудными прожилками лазури...

Однажды ночью я лежал в окопе.
Надсадно воюющие мины
Угомонились наконец.
И мне приснилась Мика.
Ее лицо свинцовым было.
Глаза чернели, словно дула
Двух пистолетов. Голос дула
Звучал, как голоса руин,
Когда по ним шныряет ветер...

Она ко мне простерла руки,
Как мать к единственному сыну,
Которому грозит беда.
Подобно перьям голубя,
Затрепетали пальцы,
А это уж никак не сочеталось
С ее суровым обликом,
И я от удивления проснулся.
С предутреннего неба
Огромная спящая звезда
Снижалась медленно
И обернулась
Сигнальной ракетой...

И вновь я зашагал через поля,
Где мины вместо хлеба
Росли обильно.
Когда ослабевал я так,
Что ног уже не чувствовал,
Все та же сила
Меня за плечи властно поднимала,
И шел я дальше.
Однажды, сидя на стволе березы,
Которую спилил снаряд,
Я зарифмовывал усердно
Последнюю строку стихотворенья.
И вдруг мне заложило уши взрывом...
Когда очнулся я,
Листка испанского не было нигде,
И я не смог ни слова вспомнить:
Стихи вместо меня погибли.
Еще такой был случай со стихами.
В мой вещмешок воткнулась пуля
И в первой моей книжке
С названием мирным «Лирика»
Застряла...

Я с этой книжкой и пришел с войны...

5

С тех пор промчалось много лет.
И вот по набережной Сены
[О моя улица Береговая,
Проспект окраины бедняцкой...]
Направился я в Лувр.
И там, на лестнице роскошной,
Увидел я крылатую фигуру.
Такой она прекрасной оказалась,
Хотя и обезглавлена была
Жестокой гильотиною времен,
Что сам я замер, словно изваянье.
Вонстину богиня!
И впрямь она летит! Летит!
И не куда-нибудь — к победе!
Ничто не страшно ей
С такими длинными и сильными крылами!
И прошептал я: — Здравствуй, Ника...
Но вдруг на шее мраморной
Возникла голова живая,
И сразу я узнал ее:
Короткая, почти мужская стрижка,
Прямоугольник лба, колючий взгляд...
Да это ж Мика! Мика!
Не крылья, а стремительные руки
Она взметнула к небу!
И я воскликнул: — Здравствуй, Мика!

И стало ясно мне,
Какая сила
Меня приподнимала над землей.
То были две крылатые руки.
Одна из них поэзией зовется,
И революцией — другая...

6

Кто из живущих на земле
К желанной Нике не стремится!
Кого не окрыляет мысль о ней!

Несхожи люди,
Несхожи их мечты,
Несхожи и крыла, несущие к победе.
Не крылья разве паруса «Святой Марии»,
Или над баррикадами знамена,
Или скупые формулы Эйнштейна,
Или уитменовская трава,
Которая повыше будет
Любых платанов,
Или вселенские аккорды Баха!

Но крылья были и у чингисханов,
И у неронов, и у геростратов...
И надо подрезать крыла такие,
Иначе мы своих лишиться можем,
А крылья есть у каждого из нас.
И если мы все вместе их раскроем,
Наш многокрылый шар прибавит скорость
И берегов, куда лететь бы вечность,
В одно мгновение достигнет...

Давайте ж разом крылья распахнем!

Конечно, сделать это очень трудно,
Почти что невозможно,
Но попытаемся...
Смотри, смотри:
Взлетела чья-то певчая душа!
Она все выше, выше,
Уже у звезд...
И если...

...Если ее не пугают межзвездные кручи,
То подспеет мгновенье, когда наконец
Целые сонмы пронзительных слов и созвучий
Смогут дойти и до самых закрытых сердец.

Вспыхнут сердца, словно искорки береговые,
Выйдут из мрака и станут навстречу расти...
Это сближение всегда происходит впервые,
Этому чуду нельзя и названья найти...

Не отворачай от меня светозарного лика,
Ника. Убийственной смерти пустынная мгла...
Тягостней ига и бедственней всякого лиха...
Ника, еще раз взметни над плечами крыла!..

Перевел с литовского
Леонид МИЛЬ.

Василь БЫКОВ, лауреат Государственной премии СССР.

На восходе солнца

КИНОПОВЕСТЬ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Отличное бетонированное шоссе с густым движением в оба конца: колонны автомашин с боеприпасами, бензозаправщики, грузовики, между ними санитарные, автолетучки, специальные — «студебеккеры», «доджи», «виллисы». Рядом идут солдаты, едут верховые, навстречу ползут грузовики с ранеными в кузовах. С неба пригревает солнце, распускаются деревья. Весна.

По обочине шоссе идут два бойца. Они в распахнутых на груди шинелях, в зимних шапках, с тощими вещмешками, небрежно закинутыми за плечи. Один из них Васюков.

— Однако пригревает, — говорит он и снимает шинель. На его гимнастерке две медали «За отвагу», на погонах нашивки младшего сержан-

Тяжелейшая борьба нашего народа против немецко-фашистских захватчиков породила массовый героизм советских воинов на всех фронтах Великой Отечественной войны. Примерами героических подвигов изобилуют все четыре года войны — от памятного воскресенья сорок первого года до ее последнего дня, когда немецкая военная машина вермахта была окончательно разгромлена. Но даже и в конце разгромленные гитлеровские части обычно сопротивлялись до последней возможности, продолжая убивать всех, кто попадался на пути их поспешного отхода на Запад, навстречу наступающим армиям союзников.

История войны знает немало случаев, когда для многих солдат война не кончилась 9 мая, когда еще и после победного дня продолжались стычки с частями и подразделениями СС, унесшие немало жизней наших солдат и офицеров, воинский долг для которых, как и на протяжении

всей войны, был в этот день дороже естественного желания выжить.

В основу данного сценария положен действительный случай, имевший место на Третьем Украинском фронте, когда несколько советских военнослужащих, случайно оказавшихся 9 мая 1945 года в стороне от расположения основной массы войск, приняли на себя удар отходящей на запад эсэсовской группировки. Связав ее боем у переправы, они на несколько часов задержали эту группировку, дав тем возможность нашим танкистам наступить и разгромить ее у последней черты. Но этот их подвиг стоил большинству жизни, с которой они расстались в солнечный, радостный день нашей великой Победы.

Телефильм по данному сценарию снимается на студии «Беларусьфильм», режиссер-постановщик — Александр Карпов.

Автор

та. Другой, пожилой усатый боец, в ботинках с обмотками, размеренно топает по обочине.

— Пригревает, да. Весна, матушка, землю пахать надо.

— Скоро будем пахать. Вот доколотим гада...

— Должны доколоть. Вон какую силу собрали! Слышал, вчера говорили, на Запад кинулся. К союзникам. Нашим в плен не хочет сдаваться.

— Ничего, догоним. Теперь уж никуда не денется. Теперь наша сила. Вот бы скорее до части дойти.

— Хуже нет, чем ждать и догонять, — говорит боец. — Пока до части дойдешь, сапоги стопчешь.

— Значит, хорошо часть идет. Ходко!

Они сторонятся пронесшихся мимо машин с тяжелыми минометами на прицепе, потом, хлопая вздувшимся брезентом, проходят несколько «катуш», и за ними появляется выдавшая виды полуполторка с несколькими случайными пассажирами в разбитом кузове. Из машины разносятся веселые звуки гармошки, и Васюков с бойцом на обочине земледельца шаг.

— Старший лейтенант! Товарищ старший лейтенант! — вдруг кричит Васюков и срывается вдогонку за машиной. Он машет рукой, кричит, и полуполторка не сразу останавливается на дороге.

Васюков, оставив своего попутчика, подбегает к ней, лицо его горит радостью встречи, гармонист, приглушив музыку, недоуменно глядит на младшего сержанта. Трое пассажиров в кузове поворачивают головы в его сторону.

— Товарищ старший лейтенант! — радостно говорит Васюков, и гармонист вскакивает с гармонью в руках. Это Ананьев. Но он уже не старший лейтенант, на его защитных погонах по одной майорской звезде и на груди четыре ордена с золотой звездочкой героя.

— Васюков! Ядрена шиш! Живой? Васюков! Давай сюда лезь!

Васюков карабкается через борт, на него с любопытством поглядывает санструкторша Зина, сидящая рядом с Ананьевым, снисходительно окидывает его взглядом разведчик-сержант с орденом Красного Знамени на груди и с автоматом между коленей.

— Товарищ старший... Виноват, товарищ майор! — смущается Васюков. — Гляжу, вы... Давай подьдем! — кричит он своему спутнику, но тот машет рукой: мол, езжайте, я дойду сам.

— Ну вот видишь! А ты говорил. Встретились, значит. Ну как жизнь? — говорит Ананьев. — Садись вот на скат. Куда топашь?

— Да в Прутьиц сказали.

— И мы в Прутьиц. Так что поедем вместе. Небось, из госпиталя?

— Из госпиталя, — говорит Васюков.

— Вот, брат, дела! Чуть не опоздали. Война-то кончается!

— Кончается.

— Ты, признайся, выписался или... дал деру? — Я? Выписался, товарищ майор. Документ имею.

— А я, скажу по секрету, дал деру. Нога еще не шибко того... выписывать ни в какую. Ну я и драпанул. Вот с ее помощью, — обнимает он Зину. Та слегка отстраняется. Видно, ей это приятно, хотя она и говорит неуверенно:

— Да что вы, товарищ майор?

— А ничего. Это свой парень, Васюков. Когда-то был у меня ординарцем. А теперь — в пехоте по-прежнему?

— В пехоте, — выдыхает Васюков.

— Ничего, не долго уж осталось пехоте. И артиллерия и авиация. Главное, Берлин взят, так что... Пылипенку помнишь?

— Старшину Пылипенку?

— Ну. Все мечтал: до Берлина б дорваться! Ух, злой на них был! Не дорвался. А Ваня, тот, наоборот, добряк был, не дожид. Помнишь Ваня?

— Ну.

— За высотой, где тебя ранило, его убили. Потом уже тело обнаружили.

Идущие впереди машины начинают останавливаться, останавливается и полуполторка. Из кабины, став на подножку, выглядывает старший техник-лейтенант — пожилой человек в облезшей цингевой шапке.

— Что там еще?

— Сходи глянь! — говорит Ананьев. — Может, обехать можно.

Старший техник-лейтенант захлопывает дверцу. Из кузова соскакивает на дорогу разведчик, и оба они идут в голову колонны. Ананьев накидывает на плечо ремень гармошки.

— Ко мне пойдешь! — вдруг говорит он Васюкову. — В гвардейский полк. Назначу в такую роту — не пожалеешь. Орлы — не автоматчики!

— Да я... В саперах последнее время служил.

— В саперы хочешь? Назначу в саперный взвод. Куда хошь. Все могу. Я ж все-таки зам. командира полка. Не хрен собачий. Могу своим адъютантом. Хошь?

Васюков смущенно сдвигает на голову шапку.

— Где мне адъютантом!

— Ну, смотри сам! Разведчика вон уже сагитировал. Меняет дивизионную разведку на полковую. А что? В полковой еще интереснее. И вот Зина сменила свой ППГ на санчасть. И жалеть не будет. Правда, Зинка?

Зина молча влюбленными глазами поглядывает на майора.

— Люблю кадры сам подбирать. Чтоб воевать было надежнее. Кадры решают все. Или ничего. Смотря какие собрались.

Колонна машин стоит, в небе проносятся несколько немецких самолетов, откуда-то из-за холма по ним открываются огонь зенитки. Впереди слышатся несколько мощных взрывов.

— Вот еще зараза! Не хватало перед концом всю обедню испортить! — озабоченно говорит майор.

Из головы колонны возвращаются старший техник-лейтенант с разведчиком, который на ходу говорит:

— Слезай, приехали! Впереди мост взорван.

— Вот те и раз! — говорит майор, приставая в кузове. — Давай куда в объезд. В пешем строе, сам знаешь, я не ходок. А ну, поищите, где объезд!

Все вглядываются в окрестности и видят, как впереди несколько машин сворачивают на боковую дорогу.

— А вот давай дуй за ними! — говорит Ананьев. — По протопочку.

— Куда там за ними? — не соглашается озабоченный старший техник-лейтенант. Он старший машины, остальные, кроме шофера в кабине, тут лишь пассажиры.

— Давай, давай! — понукает его майор. — Раз те едут, значит, знают куда. Не один же мост на реке. Верно?

Старший техник-лейтенант молча садится в кабину, разведчик вскакивает в кузов, и машина, пробравшись обочиной, съезжает на боковую дорогу.

— Давай шпарь смелее! — говорит Ананьев. — Куда-нибудь выедем. Не стоять же, когда война вот-вот кончится.

По ровному, обсаженному деревьями проселку машина проезжает мимо аккуратной деревни с черепичными крышами, пересекает воспо-

ную, посаженную ровными рядами рощу. Дальше дорога идет вдоль неширокой, но полноводной реки. Моста, однако, нигде не видно, и машина удаляется километров на пять от шоссе. Наконец пассажиры из ее кузова видят, что прежде их уехавшие машины перебираются через речку вброд. Две машины уже на том берегу, третья, натужно ревя, выбирается из воды.

— Ну вот и передем! Обязательно мост? Вброд передем, подумаешь! — говорит майор.

Полуполторка осторожно спускается по скосу к воде. На противоположном берегу реки у самой почти воды среди старых деревьев приютилась какая-то усадьба — двухэтажный под черепицей особняк, несколько хозяйственных построек. Укатанная дорога от брода поднимается к этой усадьбе.

Машина заходит в воду, погрузившись до крыльев. На подножке, раскрыв кабину, стоит старший техник-лейтенант.

— Воробей, вправо, вправо давай! — командует он шоферу, молодому парнишке в гимнастерке без карманов. — Вправо, Воробей!

— Куда вправо, влево давай! — кричит из кузова Ананьев. Воробей туда-сюда поворачивает руль, вдруг машина наклоняется и, видно, попав в подводную яму, сильно оседает правым бортом. Старший техник-лейтенант до коленей оказывается в воде.

— Воробей! Газ! Газ, Воробей!

Воробей дает газ, машина дергается и наклоняется еще больше, мотор чихает и глохнет. Наступает тишина.

— Ну вот, въехали! Черт бы тебя подрал, Воробей! — ругает шофера его начальник. — Я тебе командовал влево!

— Я и брал влево! — слабо оправдывается водитель.

— А ну заводи! Заводи, говорю!

Воробей пытается завести, но машина не заводится.

— Что пыкаться! Толкнуть надо, — говорит разведчик и, ступив на колесо, слезает в воду. Воды здесь по колено.

— Надо толкать, — соглашается майор. — Васюков!

Васюков слезает, слезает Ананьев, за ним пытается слезть Зина, но майор прикрикивает на нее:

— А ты куда? Сиди, без тебя управимся.

— Не лезьте глубоко, товарищ майор! — говорит Зина. — Вам нельзя колено мочить.

— Да ладно!

Заметно хромая, майор заходит с заднего борта. Вместе с техником-лейтенантом все принимаются толкать машину. Ананьев командует:

— А ну! Раз-два — взяли!

Воробей, наконец, заводит, машина дергается, дымит, но только глубже погружается передними колесами в воду.

— Ой, ой! Вы меня не утопите? — пугается Зина.

— Не бойсь! До самой смерти жива будешь! — ободряет майор. — А ну, взяли!..

— Не лезь глубоко, Петя, смотри не намочи колено! — говорит из кузова Зина.

Минуту спустя, устав и намочив, все распрямляются, старший техник-лейтенант вытирает рукавом лоб.

— Буксир надо. Может, еще кто подьдет. Студор, может, подьдет.

— Вот где совсем мелко, — говорит Васюков, отойдя чуть в сторону. — Надо было сюда. Тут брод. Можно перейти.

— Перейти-то можно. А машина? — недовольно говорит старший техник-лейтенант.

— Ладно! Пусть ждет твоя машина, — говорит майор. — Мы вброд. Зина, слезь!

— Петя, нога! Смотри ногу, товарищ майор!

— Что смотреть. Уже мокрая.
— Ну вот.

Зина по колесу спускается в воду, и небольшая группа идет вброд. Впереди, шлепая ногами дно, пробирается Васюков с разведчиком. Старший техник-лейтенант оставляет с машиной шофера и присоединяется к идущим.

Минуту спустя все благополучно преодолевают брод и вылазят на берег. Тем временем день кончается, за леском опускается солнце. Становится прохладно. Все изрядно намокли, и как только оказались на берегу, принялись выливать воду из сапог и переворачивать мокрые портянки. Зина сухим бинтом перевязывает Ананьеву колено. Тот блаженно откинулся на траве.

— Все мокро! Все мокро! Нельзя же мочить, я же предупреждала, — обеспокоенно говорит Зина.

— Ничего! Ерунда! Заживет, как на собаке. Шесть ран зажило, заживет и седьмая. Вот только как мне дойти?..

— Если машину не вытащат, придется заночевать, — говорит техник-лейтенант. — Куда же без машины.

— Васюков, а ну глянь, что там в этой хоромине?

Васюков, натянув на мокрую портянку мокрый сапог, поднимается с берега.

— На, автомат возьми, — говорит разведчик. — На всякий случай. Мало чего...

Васюков приближается к парку и по усыпанной толченым кирпичом дорожке подходит к вилле. Серые, отделанные под гранит стены, узкие окна, две темные ели у входа. На углу второго этажа встроенный внутрь балкон, большое окно мансарды. Аккуратная дверь с медным кольцом закрыта, нигде никого не видно.

Васюков поднимается на невысокое гранитное крылечко и стучит в дверь.

— Эй! Есть кто живой?

За дверью слышатся шаги, брякают запоры, и дверь открывается.

— Здравствуйте, товарищи!

На пороге стоит старый человек в вельветовой куртке и шлепанцах на босую ногу. На гладко выбритом дряблом лице тревога и угодливость, руки, придерживающие дверь, заметно дрожат.

— Немцев нету? Военных здесь нету? — поправился Васюков.

— Милитар? Нету, нету.

— Сейчас пойдем к вам! — громко, как глухому, говорит Васюков. — Переночевать надо, понимаешь? Шляуфен.

— А, шляуфен! Я, я. Понимаю...

Васюков бегом вернулся на берег, с которого уже поднимались его товарищи. Ананьева пыталась поддержать Зина, но он отстранил ее. На том берегу возле машины остался сиротливо сидеть Воробей.

— Отличный дом там. И какой-то старик. Говорит, можно переночевать.

Пятеро, не спеша, чтобы не обгонять майора, поднялись с берега к деревьям парка, прошли по дорожке к парадному. Старик-немец уже дождался их на крыльце. Разглядев впереди майора со звездой на груди, поклонился ему сдержанно, с достоинством:

— Здрафстуй, товарищ!

— Здоров, здоров! Вот чуть не утопи возле твоей хаты. Теперь посушиться надо.

— Я, я, — сказал немец, как будто что-то понял. — Яволь!

— Давай, приглашай в дом.

Старик перешагнул через порог, за ним порог переступили Ананьев, Зина, Васюков — и все остальные прошли в узкую дверь.

Старик привел их в просторную комнату-зал с высокими, завешанными портьерами окнами, темной мебелью и дубовым паркетом, отчаянно закрипевшим под их ногами. На стенах зала торчали оленьи рога, мерцали какие-то картины в золоченых рамках. На боковой стене возле двери висел огромный гипобелен, изображавший бегущих косуль, преследуемых кабанами в окружении буйно разросшейся папоротниковидной растительности. В углу зияло черное жерло камина с низкой чугунной решеткой.

— Вот и добро, — сказал майор, опускаясь на широкий диван, обтянутый коричневой кожей. — Вот и посушимся. А то вон как намокли. Чертов этот ваш брод! Форштей?

— Я, я. Понимай, — подхватился все напряженно рассматривавший гостей хозяин и быстро вышел из комнаты.

— Располагайся, славяне, — сказал майор. — Может, еще и подрубать тут найдется.

— Да-а! Живут же буржуи! — разглядывая

убранство комнаты, сказал Васюков. — Сколько тут книг.

Огромные черные шкафы с пола до потолка были набиты толстенными книгами в кожаных переплетах.

— Действительно! — согласился разведчик. — Диван кожаный! Сколько бы сапог вышло. И бархоток заодно, — потрепал он угол бархатной портьеры.

— Ну-ну! — воспрещающе прикрикнул Ананьев. — Мне чтоб никаких шалостей! Знаешь, тебе не Орловская область. Европа.

Разведчик хитровато ухмыльнулся. Не дожидаясь хозяйина, Васюков начал хлопотать возле камина, разжег на углях несколько березовых чурок. Майор пересел в кожаное кресло, поближе к камину, протянул к огню мокрую ногу. В это время открылась боковая дверь и в комнату вошла молодая женщина с небольшим подносом в руках, на котором лежало несколько аккуратно нарезанных тоненьких ломтиков хлеба, намазанных маргарином. Знакомый старик нес в поднятой руке зажженный карбидный фонарь. Женщина сдержанно взглянула на гостей и по указке старика подошла с подносом к майору.

— Битте, гер офицер!

— Спасибо, спасибо.

— Брот, — сказал сзади старик. — Битте дойч брот.

— Ах, брот! — удивился майор и захохотал. — Брот! Я говорил брот! А не брот.

— Брот, брот. Я понимал, — озадаченно приговаривал немец.

— Ни черта ты не понял, — сказал, перестав смеяться, Ананьев и, взяв бутерброд, поднял веселые глаза на женщину. — Ух, ты! Вот это красота! Глянь-ка, Зина! В штанах!

Немка действительно была хороша: изящная головка с длинно опущенными на плечи волосами, стройная шея и узенькие плечи под темной кофточкой, но Ананьева больше всего поразили узкие облегающие брючки на ее стройных ногах. — Вот это да! — восхищенно твердил майор. — Как зовут тебя? Имя тебе как?

Немка, поводив подкрашенными глазами и кокетливо улыбаясь майору, однако не понимала, и старик сказал:

— Фройлен ест Ирма.

— Ах, Ирма! Хороша Ирма. Правда, Васюков? А?

Васюков взял с подноса свой бутерброд, встретился взглядом с немкой и смутился. У камина, развешивая мокрые бинты, неприязненно покосился на Ирму Зина.

— Какая-нибудь фашистка...

Раздав бутерброды, Ирма вышла, сопровождаемая восхищенным взглядом майора, немецкий старик остался.

— Что, дочка? — кивнул в ее сторону Ананьев.

— Вас ист дас?

— Ирма, Ирма, говорю, кто тебе? Дочка? Ну эта...

— Тохтер? — подсказал разведчик.

— Никс тохтер, — сказал немец. — Ирма швигертохтер, ферштейн?

— Ни черта не ферштейн, — сказал Ананьев.

— Вроде бы швагерка она, — сказал разведчик. — Жена сына.

— Ах, невестка! Понятно. Однако выбрал сынок невестку. А где сам? Сын-то?

— Во зон? — перевел разведчик.

Вместо ответа старик неопределенно развел руками.

— Понятно. В армии, где же еще ему быть. А ты кто? Буржуй, да?

Немец неожиданно понял и произнес длинную фразу, вслушавшись в которую разведчик резюмировал:

— Он архитектор. Гражданские дома строил.

— Ах, архитектор! А я думал, буржуй, — сказал майор. — Здорово живешь.

— Я, я, — сказал архитектор. — Сдорофо!

Тем временем Васюков, жуя свой бутерброд, разглядывал гравюры на стенах, посмотрел на пирамидки фарфоровой посуды в застекленных шкафах, открыл дверь в смежную комнату и прошел туда. Это было небольшое помещение с множеством различных чертежей зданий на стенах, под стеклом на специальной подставке стояло несколько изящно изготовленных, словно игрушечных, макетов зданий, и Васюков догадался, что, очевидно, здесь был кабинет архитектора. Рассматривая макеты, он услышал сзади шаги и вздрогнул — в раскрытых дверях стояла Ирма.

Она тоже заметно смутилась, но быстро овладела собой и, улыбаясь, заговорила по-русски:

— Товариш хотель посмотреть? Посмотрит апартамент? Можно, битте, товариш...

Жестами она увлекла его что-то посмотреть. Из комнаты, где находились они, вело несколько дверей, очевидно, в смежные помещения, и он растерялся. Он не хотел уходить далеко от своих.

— Нет, нет. Я ничего...

— Нет? Идет товариш, посмотрит сюда...

— Нет, спасибо.

Показалось ему во время этого разговора, что за той дверью, откуда появилась Ирма, послышались удаляющиеся шаги, но он не стал заглядывать туда, а, выждав, прикрыл дверь и поспешил в общий зал к своим.

Едва он приоткрыл дверь, как понял, что здесь что-то случилось. Оцепенев от чего-то только сейчас случившегося, все молча сидели по своим местам. Ананьев в кресле перед камином, на диване Зина, разведчик застыл с ножом и банкой консервов в руке, на середине со странно вздрагивающими руками стоял старик-немец и с повернутой назад головой застыл старший техник-лейтенант. Все ошеломленно смотрели на только что вбежавшего в дверь мокрого по пояс шофера Воробья.

— Честное слово, что я, врать буду! — давая словами, говорил Воробей. — Это... Кончилось. Мир, понимаете... Капитуляция!

Майор вскочил в кресле.

— Кто сказал?

— Капитуляция, понимаете, броневики проезжали, сам полковник сказал. Сегодня в 12 часов. Передали по радию. Полковник сказал.

— Капитуляция? Мир?

— Мир? — выдержал и, будто ужаленный, всколыхнул разведчик. — Мир, братцы!

Схватив подмоченную гармошку, он принялся наяривать «барыню» и тут же пустился в пляс. Ходуном заходил скрипучий паркет.

— А не ошибка? — радостно спохватился Ананьев.

— Какая ошибка! Если полковник... Я говорю...

— Боже мой! Боже мой! — приговаривала Зина.

— В 12 часов, а? — не мог поверить Ананьев. — Ровно в 12. По радию передали. Там у них радица. Сам слышал...

— Ну, славяне! Дождались. Ты, старик, — обратился Ананьев к растерявшемуся немцу. — Мир, понимаешь? Капитуляция! Гитлер капут, понимаешь?

Наверно, только сейчас немец что-то понял и метнулся за дверь.

Разведчик, бросив гармошку, в изнеможении упал на диван.

На стуле, трясясь плечами, беззвучно плакал старший техник-лейтенант.

— А ну давай стол! Пир будет, славяне! — командовал майор.

— Мир, браточки! Неужели жить будем, ха-ха-ха! — не мог унять себя разведчик.

В зале горит фонарь и несколько свечек. На большом столе посреди зала оживленная Ирма расставляет фарфор. Ирма помогает майор, но он все делает неумело, и Ирма перекладывает его ножи и вилки, раздвигает тарелки. Разведчик финкой вскрывает банки свиной тушенки. Васюков режет хлеб, и Зина раскладывает его по ломтю на тарелку.

— Нет, нет, так надо! — говорит Ирма и, собрав хлеб, складывает его в серебряную хлебницу. Тем временем появляется старик с темной бутылкой в руках. Ананьев шагает навстречу.

— Что такое? Шнапс?

— Никс шнапс. Зер гуте вин! Прима вин!

— А ну, а ну! Гляди ты! Тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года. Вот это выдержка!

— Да это не выдержка. Это год основания фирмы, — говорит разведчик.

— Да ну, знаешь ты! Сейчас вот проверим! Зина, а ну! У нас тоже кое-что найдется, — говорит майор, и Зина с гордостью ставит на стол алюминиевую флягу.

— Спиритус вини! Понятно?

— Браточки, значит, жить будем! Жить будем, вы это понимаете? — не утихает разведчик. — Ох, и напьюсь же я! Старший лейтенант, а вы почему такой... кислый? — обращается он к старшему технику-лейтенанту.

— Чего же мне радоваться? Чему мне радоваться? — с надрывом говорит старший лейтенант. — У меня никого. Ни жены, ни детей. Я вот уцелел; а зачем?..

— Ладно, ты это брось — зачем? Жить бу-

дешь, новую семью заимеешь, — говорит майор. — А ну давай, рассаживайся! Батя, ты тоже садись, Ирмочка, вот сюда, рядом, ты, Зина, тоже. Давай, наливай. А что, в такие маленькие? Все рассаживаются, старик торжественно наливает из темной бутылки по полрюмки вина каждому.

— А ну, давай! Киданем за Победу! Все-таки мы ее дождались — придавили гада. Правда, господи немцы? — говорит Ананьев. — Ну, за тех, кто не дождался.

Все выпивают, и Ананьев недовольно зажмуривается.

— Ну, тоже мне вин! Ни в гузе, ни в роте! А ну дай нашу фляжечку. Что это за победа!

— Гут, гут вин, — говорит старик, отпив половину рюмки.

— Нормальная мадера, — говорит разведчик.

— Вкусное вино, да, — говорит Зина. Ирма живым взглядом окидывает русских, все больше задерживаясь на майоре. Она оживлена и даже захмелела вроде.

— Гут! Гут! Караше!

— Ерунда! Вот давайте я вам... А ну, старик, твою чарку.

Ананьев наливает из фляги старику, Зине, пытается плеснуть Ирме, но та уклоняется. Потом наливает всем остальным и себе в большой граненый фужер.

— А теперь... А теперь я вам должен сказать, — начинает Ананьев, но вдруг замолкает и вопросительно поворачивается к Зине. — Скажи, а, Зинка?

Зина, понимая зардевшись, пожимает плечами.

— Раз такое дело... А чего скрывать? — говорит майор и, обняв одной рукой Зину и держа в другой свой бокал, объявляет: — Мы вот договорились... Чтоб после Победы. Но вот же победа, а? В общем, мы женимся. Правда, Зина?

Зина застенчиво подтверждает кивком головы, и все за столом шумно приветствуют эту новость. Разведчик кричит:

— Горько!

Ананьев, не заставляя себя уговаривать, обнимает Зину, та поднимает ему навстречу счастливое лицо, и они целуются.

— Bravo, bravo! — запоздало что-то поняв, хлопает в ладоши Ирма, старик растерянно улыбается доброй улыбкой. Все оживлены, только старший техник-лейтенант безучастно смотрит перед собой, никак не реагируя на происходящее за столом.

— Ах, чего только на войне не бывает! — говорит разведчик.

— Все, конец, о войне больше ни звука! — обрывает его Ананьев и обращается к Зине. — Теперь будешь мне рожать ребятешек. Взвод автоматчиков, не меньше!

— И одну девочку. А как же! Санструкторша ведь положена, — смеясь, говорит Зина.

— Согласен. Одну, но не больше. Тремя женщинами я не укомандую. Хотя бы с одной управиться.

— Вот ехала санструкторшей, а приеду женой замкомполка. Чудеса! — счастливо хохочет Зина. — Вот подфартило!

— Не тебе одной подфартило. Победа! — говорит Ананьев и поднимает бокал. — А ну, еще раз за Победу!

Однако он не успевает выпить, как рядом вскакивает Ирма.

— Ахтунг! Айн момент!

Она бежит к двери, за ней, что-то вскрикнув и поставив на край стола рюмку, выбегает старик. Ананьев хмурится.

— Что такое? Чего они еще?

Но никто не знает, все настороженно ждут. И майор кивает Васюкову:

— А ну, глянь там!

Васюков, отодвинув стул, выходит в соседнюю комнату — кабинет архитектора. Откуда-то доносятся голоса Ирмы и старика. Васюков распахивает еще одну дверь. Сзади к нему подбегает шофер Воробей с фонариком, луч которого освещает незнакомого человека, остановившегося на ступеньках винтовой, круто уходящей вверх, лестницы. Его за руку тянет Ирма, старик что-то взволнованно говорит ей, по-видимому, возражая ее намерению.

Человек хмурится от яркого света и спускается на ступеньку ниже. В свете фонаря видны военные брюки, заправленные в короткие гетры, молодое, испуганное лицо, густая копна светлых волос рассыпалась на голове.

— Кто такой?

Что-то быстро приговаривая, Ирма тянет его за руку к выходу из комнаты, старик, замолчав, отступает в сторону, Васюков с Воробьем, все освещающим незнакомца, освобождают про-

ход и идут следом. И Ирма вводит человека в зал.

— Майн гатте! — торжественно говорит она. — Никс, никс зольдат, никс офицер — майн гатте. Пауль Шнаке!

— Муж?

Все напряженно вглядываются в незнакомца, на котором при тусклом свете свечей можно, однако, разглядеть немало примет недавнего еще военного. Но Ирма с такой доброжелательностью представляет его, что опасения русских постепенно рассеиваются.

— Ага! — говорит Ананьев. — Понятно! Драпанул, значит?

Немец сдержанно осматривает собравшихся и вдруг говорит четко, но с сильным акцентом:

— Капитуляция!

— Во, молодец! Ну раз капитуляция — садись! Садись, черт с тобой. Значит, навоевался? Где воевал: пехота, танки? Авиация?

— Никс авиация. Гренадир группе.

— Говорит, в пехоте, — понял разведчик.

— А, в пехоте. Тогда давай, за Победу! За нашу Победу! Над вашим Гитлером.

Ананьев наливает ему из фляги в свободный фужер, и немец, стукнув каблуками, четко произносит:

— Гитлер капут!

— Вот-вот! Наконец-то! За великий капут. И надолго.

Все выпивают.

В зале в разгаре пирушка, фляга уже пуста, бутылка тоже. Разведчик играет на своей гармошке, Ананьев пытается обнять Ирму, та, смеясь, уклоняется, старик курит самокрутку махорки, которую свернул для него Воробей, и кашляет. Зина молча и ревниво наблюдает за захмелевшим Ананьевым, бледный стоит у стены молодой немец и, облокотясь на стол, сидит мрачный старший техник-лейтенант.

В разгар веселья Васюков замечает за окном мелькнувший луч света и, ничего никому не сказав, выходит во двор.

На темной дорожке недалеко от входа стоит виллис, из него выбирается темный силуэт в плащ-палатке.

— Эй, кто здесь? — окликает Васюков.

— Капитан Сафронов, — отвечает человек. — Ты скажи, здесь мост поблизости есть?

— Моста нет, — говорит Васюков, — брод. Да ночью не проедете. Мы вот днем засели.

— От черт! — говорит капитан. — А там кто? — кивает он на освещенные окна виллы.

— Майор Ананьев. И солдаты. Вот, заночевали.

— Гнидюк, распрягай! — говорит в темноту капитан. — Терещенко — сюда!

Из виллы выскакивает автоматчик в шинели и каске и неторопливо вылезает кто-то еще в длинной шинели. Автоматчик пропускает его вперед, и все идет к крыльцу. Васюков распахивает дверь в зал.

Ананьев отстраняется от Ирмы и Зины, которых он пытается обнять одновременно, и недовольно глядит на вошедших. Отличив его среди остальных, капитан отдает честь.

— Капитан Сафронов. Из военного трибунала армии.

— Откуда? — спрашивает Ананьев. — С передка, с тыла?

— Из Пневница.

— Слышал, говорят, в 12 капитуляция?

— Да ну? Нет, не слышал. Мы в 16 часов выехали, да вот с колесом промучились.

— Точно! Победа, капитан. Дай пять, поздравляю.

Ананьев пожимает капитану руку, делает шаг, чтобы пожать ее и стоящему возле автоматчика человеку в офицерской шинели. Капитан предупреждающе останавливает его.

— Ему не надо. Не положено.

— А что? Пленный?

— Нет, не пленный. Арестованный за трусость. Командир взвода, — тихо говорит Сафронов.

— Ах ты, оборот! Сдрейфил, значит? В конце-то войны?

— Именно, — вдыхает бывший командир взвода Терещенко. — В конце и не выдержал.

— А теперь что? Трибунал?

— Теперь трибунал, — опускает голову Терещенко.

— Ладно. Вы это вот что, — говорит капитан Сафронов и что-то шепчет Ананьеву. Тот машет рукой.

— Есть там у них. В чулан какой-нибудь.

Сафронов делает знак Терещенко и ведет его

через зал. За арестованным, как тень, следует часовой-автоматчик. Вдруг придирчивый взгляд капитана останавливается на молодом немце.

— А это?.. Кто такой?

Пауль подбирается и отчеканивает:

— Гитлер капут! Капитуляция.

— Это вот ее муж, — говорит Ананьев, указывая на Ирму. — Драпанул. Не дожидаясь капитуляции.

— Деэртир? А почему здесь? Надо отправить в тыл. Как военнопленного.

— Ладно. Черт с ним! — машет рукой Ананьев. — Отправить всегда успеем.

— Ну, знаете! — несогласно говорит капитан. — Тогда хотя бы изолировать.

— Оставь! Что изолировать? Завтра изолируем.

Поняв, что речь идет о муже, Ирма бросается к капитану.

— Гер офицер! Товарищ...

— Товарищ офицер! Битте, битте! — говорит старик и ставит на стол бутылку с прозрачной жидкостью.

— Что это? — настораживается капитан.

— О, шнапс, шнапс, — дрожащими руками старик открывает бутылку.

— Это дело! — говорит Ананьев. — А то принес какую-то мадеру! Ладно, брось, капитан. Давай выпьем!

Капитан, однако, пропускает Терещенко с автоматчиком в дверь и делает знак Паулю следовать вперед. Тот покорно переступает порог. Ирма и старик бросаются следом.

Спустя десять минут капитан появляется и с довольным видом потирает руки.

— Вот теперь можно и выпить, майор! За Победу! Если не провокация.

— Никакая не провокация. По рации передали. Так, Воробей?

— Так точно. Полковник-танкист сказал.

— Трудно верится, — говорит капитан, пережевывая хлеб с салом, крупными ломтиками нарезанный на фарфоровой тарелке. — Здесь где-то в ближнем тылу полуокруженная группировка. В лесах эсэсовские части.

— Сдадутся и эсэсовцы, — говорит Ананьев и достает часы на цепочке. — Сколько там до Победы осталось? Всего 15 минут.

— В роще нас обстреляли. Колесо пробил. Едва ноги унесли.

— Это бродячие. Бродячих мы не боимся. Завтра они нам в плен сдадутся.

В зал вбегает Ирма, за ней входит старик. Ирма бросается к капитану и заламывает руки.

— Гер офицер, гер офицер! Их огонь, очень просиль! Майн гатте Пауль... Их отшень просиль!

— Ничего не выйдет, — говорит капитан. — У нас есть порядок, который надлежит соблюдать.

Ирма начинает плакать.

— Их огонь просиль. Гер офицер! Товарищ, — умоляюще обращается она к Ананьеву. Тот вскакивает.

— Ладно, капитан! Выпусти ты его. Подумаешь, куда он денется. Вот, сколько тут осталось?.. — он снова достает часы. — Еще семь минут. Ведь Победа же, ты понимаешь.

Капитан молчит.

В это время где-то далеко за лесом взмывает в небо ракета, с ней рядом вторая, далекие очереди трассирующих рассыпаются в небе. Все в зале замирают в тревоге.

— Что это?

Схватив оружие, выскакивают на дорожку, но тревога напрасна. Слышно, как палат вдали вокруг — за рекой, в стороне дороги, где-то за парком. В разных местах в небе горят ракеты, и капитан первым догадывается.

— Это ж салют! Выбрось свои часы, майор!

— В самом деле! Славяне, а ну стреляем! Чтоб в последний раз. Ну, раз-два — пли!

Нестройный залп звучит возле виллы, затем второй и третий.

— Ну вот! Ну вот, теперь ты веришь, капитан? Ведь Победа! Победа, ты понимаешь это?..

В свете, падающем из окон, из раскрытой двери, майор обнимает капитана, затем Зину, которая счастливо льнет к нему, Васюкова. И тут они замечают, что на крыльце одиноко стоит старший техник-лейтенант, а за темным стеклом узкого окна тускло бледнеют два лица арестованных. Все входят в помещение.

— Слушай, капитан, — говорит Ананьев, — давай сюда твоего арестанта. Черт с ним, выпьем по-братски, все равно Победа!

— Ладно! — говорит капитан. — Эй, Гнидюк, выпускай арестанта. И того... немца тоже! Черт с ними!

Продолжение следует.

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

СИЛУ
ЭТЫ

ПРИБОВОДОВ

ти двое почти вбежали в парадную залу Коллегии иностранных дел. «Какие они, в сущности, еще юнцы!» — подумал, взглянув на них, молодой человек в очках.

«Кажется, позавчера их всех зачислили на службу и даже дали чин коллежского секретаря?.. Но эти двое чем-то отличаются от остальных выпускников Царского лицея. Чем? Впрочем, и им, наверное, жизнь кажется сейчас прекрасной! Впереди блестящая дипломатическая карьера... Да, совсем еще зеленые. А мне уже двадцать третий, позавчера университет, а жалко, что позавчера. Ведь я же совсем готов был к испытанию для поступления в чин доктора прав, но зойна... И решил я тогда оставить все занятия и поступить в военную службу. Что ж, окончил я два факультета да и на третьем поучился немного. А ведь, в сущности министр Нессельроде уравнил и меня и этих вот юнцов. И чего они радуются? Ведь нам даже не дали назначения на какую-нибудь должность...»

— Александр Сергеевич Грибоедов! — торжественно произнес секретарь, прервав тем самым размышления этого молодого человека. — Повторяйте за мной слова присяги, а затем распишитесь вот здесь...

На столе лежал большой лист бумаги с текстом обязательства не разглашать служебные тайны. Один за другим его тут же подписали Александр Грибоедов, Вильгельм Кюхельбекер, Александр Пушкин.

Это было пятнадцатого июня 1817 года. Так произошло знакомство этих трех поэтов.

Вскоре они распрощались. Кюхельбекер уехал в Париж. Пушкина выслали из столицы в Молдавию. Грибоедов же поехал в Персию на дипломатическую службу, которую сам называл «добровольной ссылкой».

Ему было тяжело расставаться с Петербургом, он хотел посвятить себя целиком наукам и поэзии. Правоведение, история, философия, политические и финансовые науки, изящная словесность — вот что занимало его досуг. Перед ним всегда стояли Гете, Шиллер, Байрон, которые опередили своих современников, потому что их гений равен был их учености. Чувствуя, что и он может сделать что-то для русской словесности, Грибоедов решил обратиться к министру иностранных дел графу Нессельроде.

— В душе моей горит пламя, в голове непрестанно рождаются поэтические мысли, сердце готово и приятно вдохновения. Я должен что-нибудь сделать, я... сделаю. Поверьте! — В удивлении вы усмехаетесь свои дарования, молодой человек.

— Нисколько, ваше сиятельство, музыканту и поэту нужны слушатели. Их нет в Персии.

От Нессельроде не ускользнула изысканность и даже уверенность манер Грибоедова, он отметил про себя и ум его, и сообразительность, и эрудицию, и блестящее знание французского языка, но решения об отъезде в Персию не отменил. Графу нужны были прежде всего исполнительные чиновники, а не литераторы, к тому же он не терпел возражений. Придет время, и мы узнаем, что Карл Васильевич Нессельроде со столь же чопорной вежливостью, с тем же барским высокомерием станет увещивать и другого поэта, другого Александра Сергеевича — Пушкина. И на пару со своей женой долго и мучительно будет преследовать его, принимать участие в отвратительной травле Пушкина.

16 июля 1818 года граф Нессельроде извещал главнокомандующего Кавказской армией Ермолова, что «поверенным в делах Персии назначается Мазарович, секретарем при

нем Грибоедов, канцелярским служащим Амбургер». Симон Иванович Мазарович был человеком умным, настойчивым и изворотливым. Как нужны были эти качества дипломату, поселявшемуся в Персии! Всеми правдами и неправдами старались правители этой страны аннулировать заключенный в 1813 году мирный договор с Россией, по которому к ней отходили бакинское, дербентское, ганжинское ханства. Персы опутывали русских дипломатов сетью интриг, начинавшихся во дворце самого шаха.

Для должного поддержания русского имени за границей Грибоедов взялся изучать язык страны, где ему предстояло жить. Буквально запоем читал книги о Персии, пропадая в публичной библиотеке, у Оленина. Он прекрасно знал историю Персии, ее обычаи, быт, нравы, самый дух ее народа. Блестящее заключение Грибоедовым Туркманчайского договора, столь выгодного для России, возможно было прежде всего потому, что он изучил психологию персиян, отменно зная их язык, свободно разговаривая и с шахом Фетх-Али и с рядовым торговцем. Впоследствии знание одного персидского языка показало Грибоедову недостаточным, он стал изучать еще турецкий и арабский. Вероятно, Грибоедов ощущал резкое несоответствие между своими знаниями, умением все схватывать на лету, предвидеть исход сложных дипломатических шагов и скромной должностью секретаря при поверенном в делах. Да и мы можем повторить вслед за Пушкиным, что способности человека государственного, которыми сверх меры обладал Грибоедов, оставались без должного употребления. И нам понятен злой юмор его утверждения: «Право, дорожке стою моего звания!».

Конечно, Грибоедов трудился не ради славы, хотя и не чуждался ее. И мы не можем не преклоняться перед настойчивостью и неустранимостью, с которыми поддерживал он достоинство русского человека за границей. Его одолевали бешенство и печаль, если не удавалось вызвать из персидского плена кого-нибудь из земляков. Он говорил: «Голову свою положу за несчастных соотечественников». И ведь мы знаем, что это не просто слова!

Верой и правдой служил России Грибоедов-дипломат, но все же главным своим делом считал он литературу. А поэтому мечтал «увольниться от дипломатической службы и отозваться из печальной страны, где вместо того, чтобы чему-нибудь научиться, забываешь и то, что знаешь». Чувствовал, предчувствовал, ощущал Грибоедов, что есть в нем силы для борьбы против всех, кто стремился, «чтобы Отечество наше оставалось в вечном младенчестве». И будем же признательны Алексею Петровичу Ермолову, этому блестящему полководцу, умнейшему человеку, разгадавшему одним из первых гений Грибоедова. Ермолов приложил немало стараний и вызволил Грибоедова из Персии, сделав своим секретарем «по иностранной части». Любя Грибоедова как сына, он старался не загружать его работой. Да он и вообще отечески относился к умной и смелой молодежи, нисколько не смущаясь, что рабо-

тающие у него молодые люди, такие, например, как Якубович, Кюхельбекер, Каховский, братья Раевские, считались «неблагонадежными».

С какой радостью и упоением трудился Александр Сергеевич в Тифлисе над своей комедией! К сожалению, история не сохранила черновых набросков рукописи «Горя от ума», а поэтому мы не можем точно сказать, что же было написано до Тифлиса. Некоторые современники Грибоедова считают даже, что комедия эта замысливалась еще в университетские годы и писалась, быть может, уже в 1812 году. Но это догадки. А дошли до нас набело переписанные в Тифлисе тетради двух первых актов, которые, собственно, и являются самым ранним автографом комедии.

Комедия написана... Грибоедов, приехав в Москву, посещает балы и вечера, шумные собрания балльных шаркунов, французских модниц, незадачливых воля, встречается с теми редкостными заступниками народными, которые не страшатся отринуть дух «пустого, рабского, слепого подражания»... Почти каждый выезд в свет давал ему новые материалы. А дальше, дальше — Петербург; гостиные, салоны; ежедневные чтения комедии, которой все восхищались. Но особенно дорого было Грибоедову, что комедия понравилась баснописцу Крылову, трагину Каратыгину, актрисе Колосовой, друзьям Жандру, Гречу, Хмельницкому. «Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет!» — писал он.

Но чем больше восхищалась комедией прогрессивная интеллигенция, тем строже относилась к ней цензура. Назревал общественный скандал. Едкий дым грибоедовского смеха вторгался в окна и двери знаменитых гостиных. Тучей налетели на «Горе» доносы, брань, ругательства, в печати одна за другой стали появляться статьи, разносящие комедию...

Тогда-то, в холодную осень 1824 года, и решил Грибоедов передать рукопись для переписки своему другу Александру Андреевичу Жандру, близкому к декабристским кругам, и первые же размноженные списки попали к некоторым членам Северного тайного общества. Комедией восхищались Александр и Михаил Бестужевы, Рылеев, Пущин, Сергей Трубецкой, а об Александре Одоевском и говорить нечего, он благоговел перед талантом Грибоедова. Несколько дней кряду офицеры собирались в большой квартире у Александра Одоевского, жившего вместе с Грибоедовым в доме Погодиной на Торговой улице. Десятки рук писали комедию под диктовку, тут же спорили, смеялись, высказывались о разноречивых репликах Чацкого, буквально торжествовали. Когда декабриста В. И. Штейнгеля спросили на одном из заседаний следственной комиссии, какие из произведений формировали его либеральные взгляды, он, не задумываясь, тотчас ответил: «Горе от ума».

У нас нет точных данных, был ли Грибоедов членом тайного общества, но совершенно ясно, что он разделял взгляды декабристов и вполне верил в необходимость и справедливость их дела. И, конечно, если бы он 14 декабря был в Петербурге, то не остался бы дома, нашел бы в себе силы встать рядом с Рылеевым, Бестужевым, Одоевским, Кюхельбекером... И, может быть, глубже многих своих современников Грибоедов по-

нимал, что без простого люда, без трудовой России, без солдат деятельности горстки заговорщиков мало что стоит. Поэтому, вероятно, и вырвались у него такие скептические, такие озлобленные слова: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России!»

Многое в биографии Грибоедова скрывают от нас сумерки, а поэтому каждый волен сам дописывать книгу его жизни.

После событий декабря 1825 года не избежал ареста и Грибоедов. Имя его упомянул в следственной комиссии Сергей Трубецкой. Завертелась грозная машина юриспруденции, отдан был приказ о заключении его под стражу, и 22 января 1826 года Ермолов, под началом которого служил Грибоедов, получил высочайшее повеление арестовать его. Отправляя Грибоедова с преданным фельдъегерем в Петербург, Ермолов распорядился сжечь все его бумаги. В кухне одного офицера тут же разожгли печку и в каких-нибудь несколько минут сожгли целый чемодан писем, дневников, заметок...

Несколько месяцев просидел Грибоедов на гауптвахте Главного штаба, держась независимо и спокойно. В одном из посланий на волю он писал, имея в виду высокие власти: «Бояться людей — значит баловать их...» В первые дни после ареста поэт сочинил недвусмысленную эпиграмму, тут же размноженную арестованными в большом количестве:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб».
За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!

Имя Грибоедова вошло в известный «алфавит декабристов» и значилось с краткой биографией в сводке участников восстания. Независимо от того, состоял автор «Горя от ума» в тайной организации или нет, царю было совершенно ясно, на чьей стороне сочувствие Грибоедова. Однако действовать открыто и прямо в отношении гениев России, каковыми были Пушкин и Грибоедов, он не решился. Напротив, своей «монаршей волей», освободил Грибоедова и даже наградил его чином, а впоследствии повесил на грудь Анну второй степени с алмазами. Но участь Грибоедова была уже Николаем I решена, он послал его на верную гибель во вторую поездку в Персию.

В один из весенних дней 1828 года в роскошном особняке графа Лаваля, дочь которого находилась тогда со своим мужем Сергеем Трубецким в Сибири, снова встретились Пушкин и Грибоедов. Пушкин читал собравшимся, среди которых был и очарованный им Мицкевич, «Бориса Годунова».

Кинув взгляд на Грибоедова, которого совсем недавно назначили полномочным министром в Персию, Пушкин был озадачен его печальным видом. На ласковую речь Пушкина он ответил по-французски с какой-то резкостью: «Вы еще не знаете этих людей! Вы увидите, что дело дойдет до ножей... Там моя могила. Чувствую, что не увижу более России».

Его провожают друзья — Жандр и Всеволожский. У Жандра за торжественным завтраком, дававшимся в честь Грибоедова, было грустно, хотя и многолюдно. До самого Царского Села «ни один из нас не сказал ни слова». В Царском Селе заказали

шампанское и закуски, но «никто ни до чего не дотронулся». Простился в совершенно невыразимой печали... Грибоедов ехал через Москву, где провёл два дня, простившись с матерью и посетив самого близкого друга Степана Бегичева. Последний рассказывал: «Во все время пребывания у меня он был мрачен, я ему заметил это, и он, взявши меня за руку, с глубокой горестью сказал: «Прощай, брат, Степан, вряд ли мы с тобой более увидимся!»»

С полной уверенностью в трагическом завершении жизни своей Грибоедов доехал до Тифлиса. Горы... Снова знакомые и любимые горы, похожие на облака. И облака, напоминающие горные вершины. Снова тифлиские рассветы и закаты, солнце и песни, виноград и розы. Друзья! Снова друзья... Жизнь Грибоедова, человека, склонного к контрастам, в Тифлисе вдруг резко изменилась. Она наполнилась счастьем, огромным, но недолговременным. Тифлиские дни, считанные недели стали в дальнейшем романтической легендой.

Итак, после вечерних сумерек — яркий солнечный свет... Нину Чавчавадзе Грибоедов знал почти с младенчества. Ему было тридцать три года. Ей, «Мадонне Мурильо», как с нежностью и гордостью называл ее поэт, — неполных шестнадцать.

Грибоедов писал Булгарину: «Это было 16 июля 1828 года. В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевои... все на нее глядел, задумался, сердце забилось; не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную: выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Пойдемте со мной, мне нужно кое-что сказать вам». Она меня послушалась, как и всегда; верно думала, что я ее усажу за фортепьяно, — вышло не то: дом ее матери возле, мы туда уклонились, вошли в комнату... не помню, что я начал ей бормотать, и все живее, живее; она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом и матушке ее, и бабушке, и ее второй матери. Прасковья Николаевна Ахвердовой; нас благословили...»

В самом конце августа — свадьба, через два дня — обед на сто званных персон, а уже 9 сентября Грибоедовы сели на лошадей. Их огромный караван растянулся на версту. Ночевали под шатрами в горах, дышали морозным воздухом, неслись иногда во весь опор... В Тавризе новобрачные расстались: Грибоедов должен был следовать в Тегеран.

Грибоедов писал своей жене в Тавриз ежедневно. «Грустно без тебя, как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить...» Это последние дошедшие до Нины Александровны и, таким образом, до всех нас слова Грибоедова. В них не только сила сказанного, но и тайна невысказанного.

...Условлено было, что сын и наследник персидского принца Мирзы Аббаса отправится в Россию и принесет извинения ее государю.

Извинения?... Что же произошло? 30 января 1829 года в Тегеране был зверски убит Александр Сергеевич Грибоедов. Вместе с ним уничтожен и весь состав русской миссии, уцелел только старший секретарь.

Давние времена, документы из архива... На них запеклась кровь одного из самых блистательных людей России.

Шах Фетх-Али своим решением повелел отправить тело Грибоедова в Тавриз. По непроезжим дорогам Персии двигалась арба.

«Два вола подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. — Откуда вы, — спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везете? — Грибоеда...» Эта встреча Пушкина, которому оставалось жить неполных восемь лет, с арбой, везшей гроб с телом Грибоедова, произошла 11 июня 1829 года близ крепости Гергеры.

А сын и наследник Мирзы Аббаса

в это время ехал в Петербург. К приему принца готовились в салонах и при дворе, дамы заказывали себе новые туалеты, как для празднества. Принц вез в подарок Николаю огромный бриллиант индийского происхождения, названный «Шах». Алмаз, по мнению персов, должен был искупить страшную вину убийц Грибоедова. Камень пополнил царскую коллекцию, им любовались придворные, иноземные послы просили разрешения взглянуть на такую редкость.

Но в каких каратах можно выразить урон, нанесенный России убийством одного из величайших ее творцов...

Надпись, сделанная Ниной Чавчавадзе на могиле Александра Сергеевича, — как крик души, врезанный в камень: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» Какое же чувство нужно было внушить шестнадцатилетней женщине, если она на всю жизнь осталась верна памяти Грибоедова? А ведь Нина Чавчавадзе пережила мужа на тридцать лет. И руки ее просили многие важные, именитые, талантливые люди. И говоря Грибоедову: «Живы будем... Не умрем!», — она понимала, что он бессмертен для России.

...Закроем почтительно дверь архива и откроем книгу поэта, а затем, прочитав ее, отправимся в театр.

Совершается чудо. Поднимается занавес. Звучат часы в гостиной фамусовского дома. Исними звучат кованые строки грибоедовской комедии. Большинство этих строк у всех на памяти, почти у всех. И вместе с тем зрители жадно следят за развитием действия, следят до самого последнего мгновения, когда Чацкий бежит из дома Фамусова со словами: «Карету мне, карету!»

В письме к Павлу Александровичу Катенину, своему другу, блестящему гвардейскому офицеру, театралу и литератору, автор «Горя от ума» писал: «...В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека; и этот человек разумеется в противоречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих...»

Болтун, ханжа, глупец, подхалим, солдафон, сиряга, развратник — каждый из них имеет в комедии свое имя и свою роль. Но вместе с тем они демонстрируют качества, присущие не только грибоедовским типам, но их потомкам. Русская классическая литература в лице Гоголя и Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Чехова умножила и углубила галерею, предложенную Грибоедовым.

«Портреты и только портреты...» — говорил Грибоедов, — карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика...»

«Горе от ума» можно и нужно рассматривать как огромный портрет Чацкого. Он на первом плане. Изображен Чацкий на фоне, состоящем из толпы мелких, но четко, гравюрно выписанных людей.

Классическое, хрестоматийное нередко становится привычным, а потому и незамечаемым. Далеко не все отдадут себе отчет в смысле слов, стоящих в названии пьесы, — «Горе от ума» (сперва было — «Горе уму»). Ум, разум, знание — об этом не переставали говорить и писать русские просветители XVIII века. Воспринявший их традицию Грибоедов раскрыл эти понятия по-своему, по-новому.

...Чацкий нервически-гордо ходит по дому Фамусова, что по преданию был на Страстной площади в Москве, а шаги его вот-вот отзвучат громом на Сенатской площади в Петербурге.

Пока идет действие комедии (а она одновременно и трагедия, конечно же, трагедия), пока закипают страсти в изболешшем сердце Чацкого, — слышишь не только часы, на которых служанка Лизанька лукаво передвигает стрелки, — быют и отсчитывают время незримые часы истории. Их-то Чацкий и слышит, слышит в отличие от всех остальных действующих лиц «Горя от ума». Он знает

свой путь, знает, куда идет. Герцен говорит об этом недвусмысленно: «Чацкий шел прямой дорогой на казнь». Добавлю: он шел по тому пути, по которому предстояло пройти ссыльным декабристам. Если бы даже мы ничего не знали о личной причастности Грибоедова к декабристскому движению, все равно «Горе от ума» сказало бы нам об этом куда ясней и прямой, чем протоколы следственного дела.

Кто же является прототипом главного героя «Горя от ума»?

Первым был назван Петр Яковлевич Чаадаев, мыслитель и писатель, друг Пушкина и Грибоедова, резко критиковавший современную ему Россию, крепостное право и навлекший на себя гнев самодержца: «Москва не разделяет сумасшедшего мнения автора».

Пушкин писал Вяземскому: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благоприятно с его стороны». В эту пору Чаадаев уехал в длительное трехлетнее заграничное путешествие. Вслед за Пушкиным, вплоть до наших дней, многие видели в Чацком Чаадаева. Чарующее звучание двух фамилий (а ведь вначале Грибоедов писал фамилию своего героя не Чацкий, а Чадский), блестящий ум и общие тяготы... Чаадаев отличался остротой и дерзостью ума уже в ранней юности, но так же он чуть не с детства славился умением одеваться с большим вкусом, умением танцевать кадрили и мазурку. Да, в Чаадаеве и Чацком есть общее и в судьбе и в характере.

Узнав от командующего гвардией князя Васильчикова в начале 1821 года о своем назначении флигель-адъютантом (то есть адъютантом самого императора), Чаадаев подал прошение об отставке. Поистине бесстрашный поступок.

Грибоедов не мог забыть, с каким презрением в дружеском кругу отзывался Чаадаев о тупости многих высокопоставленных вельмож, о чванстве приближенных к царю. III отделение перехватило знаменитое письмо Чаадаева, посланное другу после своей отставки. «Я нашел, — писал он по-французски, — более забавным презреть эту милость, чем получить ее. Меня забавляло выказывать мое презрение людям, которые всех презирают... Вы знаете, что во мне слышком много истинного честолюбия, чтобы тянуться за милостью и тем нелепым уважением, которое она доставляет».

Были люди, видевшие в Чацком самого Грибоедова. Действительно, прямота, искренность, благородство, ум, образованность роднят Чацкого и Грибоедова, героя и автора. Но на каком образе не отразилось влияние, дыхание самого творца! И может ли вообще творец не передоверить некоторые свои черты, некоторые свои мысли, взгляды любимому герою? Мог ли не одарить автор своего героя некоторыми фактами собственной жизни?

Так кто же послужил прототипом для создания образа Чацкого? И сам автор, и Чаадаев, и, конечно же, все те люди, которые были современниками автора и не могли не волновать его: Раевский и Лунин, Муравьев-Апостол и Кюхельбекер, Батеньков и Рылеев. Это их голоса заговора, как и должно высокому литературному герою, вообрал в свой пылкий, тревожный, глубокий, негодующий, любящий, непримиримый голос грибоевский Чацкий. Как горник играет зорю, так Чацкий еще до декабристского рассвета в своих монологах возвестил, что жить так нельзя дальше, что нужны в России крутые меры.

Синонимы слов революционер, бунтарь, мятежник звучат как бы загода в «Горе от ума». «Он вольности хочет проповедать!» Слово «вольность» в ту пору было у всех на устах. «Ах! Боже мой! Он карбонари!» — кричит истощенно Фамусов. Павла Афанасьевича называют тупицей, но он-то знал, что говорит, какую дает Чацкому кличку. Карбонарий — член тайного общества, организованного в Италии в начале XIX века. «Опасный человек» — расшиф-

ровывает сам Фамусов эту кличку. «Да он властей не признает!» — идет дальнейшая расшифровка. Фамусов разгадал своего врага, да и Чацкий имеет о противнике очень точное представление. Два стана, два лагеря, они непримиримы: крепостники и силы молодой революционной России. Молодость — вот горячее, движущее всякий прогресс.

Чацкий взывает к обновлению мира, в котором живет человек, он взрывает косность, он максималист и требует от человека совершенства. Тень Чацкого, огромная тень, вознатекает всякий раз, когда мы говорим о борьбе нового со старым, о борьбе контрастов в понимании смысла и цели жизни. В Чацком есть то воодушевление, та страсть, тот порыв, которые делают его образ расширительным, почти символическим, как образ Гамлета или Дон-Кихота.

Он одиночка, Чацкий. Но этот одиночка уже насыпывает историческую почву под ногами. Если не он, то автор его, Грибоедов, уже начинал понимать, что первостепенная роль в истории принадлежит народу. В невоплощенной стихотворной трагедии о 1812 году (сохранились только план и сцена-отрывок) поэт намеревался показать народ, который добил победу над врагом, показал чудеса героизма, но вынужден был сразу же после войны вернуться «под палику господина».

На дворе стояла погода, от которой умному человеку не поздоровится. Доброта почиталась глупостью, совесть — наивностью, а прозорливость — шутовством. Философ, один из образованнейших людей России, Чаадаев произносил свои монологи и, по свидетельству современников, «обзывал Аракчеева злодеем, высших властей военных и гражданских — взяточниками, дворян — подлыми холопами, духовных — невеждами, все остальное — коснеющим и пресмыкающимся в рабстве». Ну чем не Чацкий? За такие высказывания платили жизнью. Мы помним плетерых названных декабристов! За опубликование «Философических писем» Николай I объявил их автора Чаадаева сумасшедшим. Грибоедов послан в Персию на верную гибель: ум не в почете, горе уму.

Гостиниял дома Фамусова становится по воле Чацкого залом суда. Суд идет.

«А судьи кто?» — спрашивает Чацкий. И отвечает:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны
принять за образцы,
Не эти ли, грабительством
богаты?
Защиту от суда в друзьях
нашли, в родстве...

Взрывчатка, мина замедленного действия, коей надо почитать грибоевскую пьесу, не могла быть обезврежена царизмом. Не по зубам! Сотни, тысячи списков комедии ходили и множилось по всей стране. Только через тридцать восемь лет после своего создания, в 1862 году, «Горе от ума» было опубликовано в легальной печати. Этот постфактум важен для историков литературы. Но для самой России важно то, что дело-то было сделано. Ненапечатанная пьеса оставила глубочайший отпечаток в душах, и все поколения революционеров — от декабристов до коммунистов — бережно и благодарно ступали в след, оставленный в почве мощной ступней Грибоедова.

Окончательный текст «Горя от ума», так называемая «Жандровская рукопись», относится к 1824 году. Русский читатель и русский театр получили шедевр, сияние которого не меркло в десятилетиях нашей истории. Напротив, все более и более оправдывались слова Белинского, назвавшего «Горе от ума» «первою русскою комедиею, в которой нет ничего подражательного, нет ложных мотивов и неестественных красок, но в которой и целое, и подробности, и сюжет, и характеры, и страсти, и действия, и мнения, и язык — все назидательно проникнуто глубокою истиною русской действительности».

Несколько лет назад на спектакле «Горе от ума» в антракте моя соседка удивленно сказала:

— Как много в этой пьесе современных пословиц!

...Открывается занавес. Тяжелый занавес академического театра и легкой занавес клубной сцены. Одна из комнат фамусовского дома. Быют старинные часы. Они мерно отсчитывают время, с большой буквы Время.

НОВОЕ ИМЯ

Сергей Орлов однажды точно заметил: «Надо не просто уметь сказать, надо право иметь сказать».

Право сказать завоевывается опытом жизни. И если поэт, начиная свой творческий путь, обладает таким правом, и его поэтическая работа относится серьезно, потому что веришь в пережитое им.

Лучшие стихи Виталия Кислова связаны с его повседневной работой. Привычные черты «неровной небесной дороги», которой ведет его «неяркая военная звезда» инженера, поэтически переосмысливаются им и со всей очевидностью убеждают нас в

том, что у В. Кислова зоркий художнический взгляд. Важно, что от констатации тех или иных авиационных наблюдений он выходит на простор обобщения, размышления.

Не может быть истинного художника без своей темы. Конечно, у поэта круг жизненных интересов вместе с ростом его опыта расширяется, стремится к всеобъемлемости. Но начинать в литературе следует со своего творческого жизненного плацдарма.

Я с радостью чувствую в стихах В. Кислова начинающееся расширение поэтического охвата действительности.

Он и свою повседневную работу не изолирует от иных проявлений жизни, а ставит ее в ряд больших дел страны. «А я вот не растил ни разу хлеба», — говорит он и неожиданно добавляет: — Достать врага и встретить друга с неба — мой самый главный ежедневный хлеб».

Гражданская, активная позиция В. Кислова мне близка и заставляет меня верить в то, что, совершенствуя мастерство и глубже постигая жизнь, он напишет немало стихов, у которых будет ясное и высокое небо.

Виталий Кислов на VI Всесоюзном совещании молодых писателей был в

моем семинаре. И вот сейчас я вспоминаю небольшую комнату в издательстве «Молодая гвардия», где проходили наши обсуждения, и ловлю себя на том, что и мои коллеги по руководству семинаром известные советские поэты Яков Хелемский, Анатолий Чепуров, Борис Олейник высказывали о работе В. Кислова мысли, сходные с моими.

Олег ШЕСТИНСКИЙ,
секретарь Правления
Союза писателей СССР.

Виталий КИСЛОВ, инженер

Моя Камчатка

Бродила речка подо льдом.
Вулкан задумчиво курился.
Траве под снегом дождик снился,
И тихо стлыло все кругом.
Я помню, ставила зима
Непроходимые заслоны,
И только связывал дома
Провисший провод телефонный.
Источник страха детских лет —
Он выл в пургу каким-то бесом...
И, как цепочка, лисий след
Соединял курятник с лесом.
Все было просто и легко —
Иди, коль не сидится дома.
Лес рядом,
Солнце высоко,
И так понятно, так знакомо
Петляли заячьи следы:
Две длинных лапы, две —
коротких...

Вот куропатки, словно четки,
Считали бусинки еды
(Какая сладкая еда —
Насквозь промерзшая рябина.
Но съели только половину.
Они еще придут сюда).

И я когда-нибудь вернусь
Сюда по делу никакому,
И, все припоминая, разберусь
Я в переменах незнакомых
Здесь, где не ждет меня река,
Где сон вулкана нескончаем,
Где, все себе предназначая,
Я собирался жить века.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Прости,
Но письма я твои
Не сжег,
А бережно хранию —
Я не смогу слова твои
Доверить
трезвому огню.
Я разобрался в суете.
Я усмехнулся пустякам,
Но предавать минуты
те,
Что так понятны только нам, —
Они нас греют до сих пор.
За что ж я должен их в костер!

Детский сон

Мне снилось:
Кони мчатся кругом,
А я стою один в кругу.
Хочу уйти.
Но кони — кругом.
Прорваться бы, да не могу.
И вот стою, для всех
открытый,
А мне закрыли все пути
Сплошные морды и копыта —
Ни пробежать,
Ни проползти.
Зачем я здесь!
Кому я нужен!
Кто мне поможет! —
Ведь меня
Сейчас...
А круг все уже, уже,
И я...
Я прыгнул на коня.
И сразу, словно теплым
душем...

Я вдруг проснулся.
В теле дрожь.
А мама, сон мой не дослушав,
Сказала только: ты растешь.

Земные промахи

Грудь содрал о бетон полосы,
Проскочив поворот на стоянку,
Он уткнулся в мурашки росы
И застыл серебристым подранком.
И увозят в ангар самолет
Вновь искать это вечное «что-то» —
Был землею продуман полет,
Но не принята небом работа.

На дружеской волне

Памяти Эдит Пиаф

Поет Эдит
О всех разлуках,
О всех причинах
Всех обид.
Поет Эдит —
В стране ни звука,
Когда поет
Ее Эдит.
Кружит пластинка,
Как живая,
И песня льется,
Как родник.
И я французов
Понимаю,
Не понимая
Их язык.

Главный хлеб

И вы в полете наблюдали сами
Сивозь Plexiglas прозрачный корабля,
Как бархатными хлебными полями
Уходит во все стороны земля.

А я вот не растил ни разу хлеба.
И, кажется, вины моей здесь нет:
Достать врага и встретить друга с неба —
Мой самый главный ежедневный хлеб.

Неровная небесная дорога,
Неяркая военная звезда...
И пусть не судит пахарь слишком строго
За то, что портим пашню иногда.

Пусть недруги слетают камнем с неба.
Но если с неба падают друзья —
Стань на секунду пухом, поле хлеба,
Для раненного небом корабля.

Я видел, как в лесу художник
От краски кисти все оттер,
Мольберт поставил, как
треножник,
И разложил под ним костер.

Снег таял на еловых лапах
И легким паром отлетал.
Горело все.
Знакомый запах
Мне горько память щекотал...

Ушел, собой мой день наполнив.
Я не видал его лица.
Но я отчетливо запомнил
Всю правду
трудного конца.

Стирка

Говорила женщина со мной,
Хлопоча над пеной кружевной.
Выжмала женщина белье —
Я смотрел украдкой на нее.

Медом пах стиральный порошок.
А во мне какой-то праздник шел
От нее,
От мыльных пузырей,
От невольной радости моей.

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ КОМСОМОЛА КОМПОЗИТОРА ВЯЧЕСЛАВА МОСКОВСКОГО ОВЧИННИКОВА

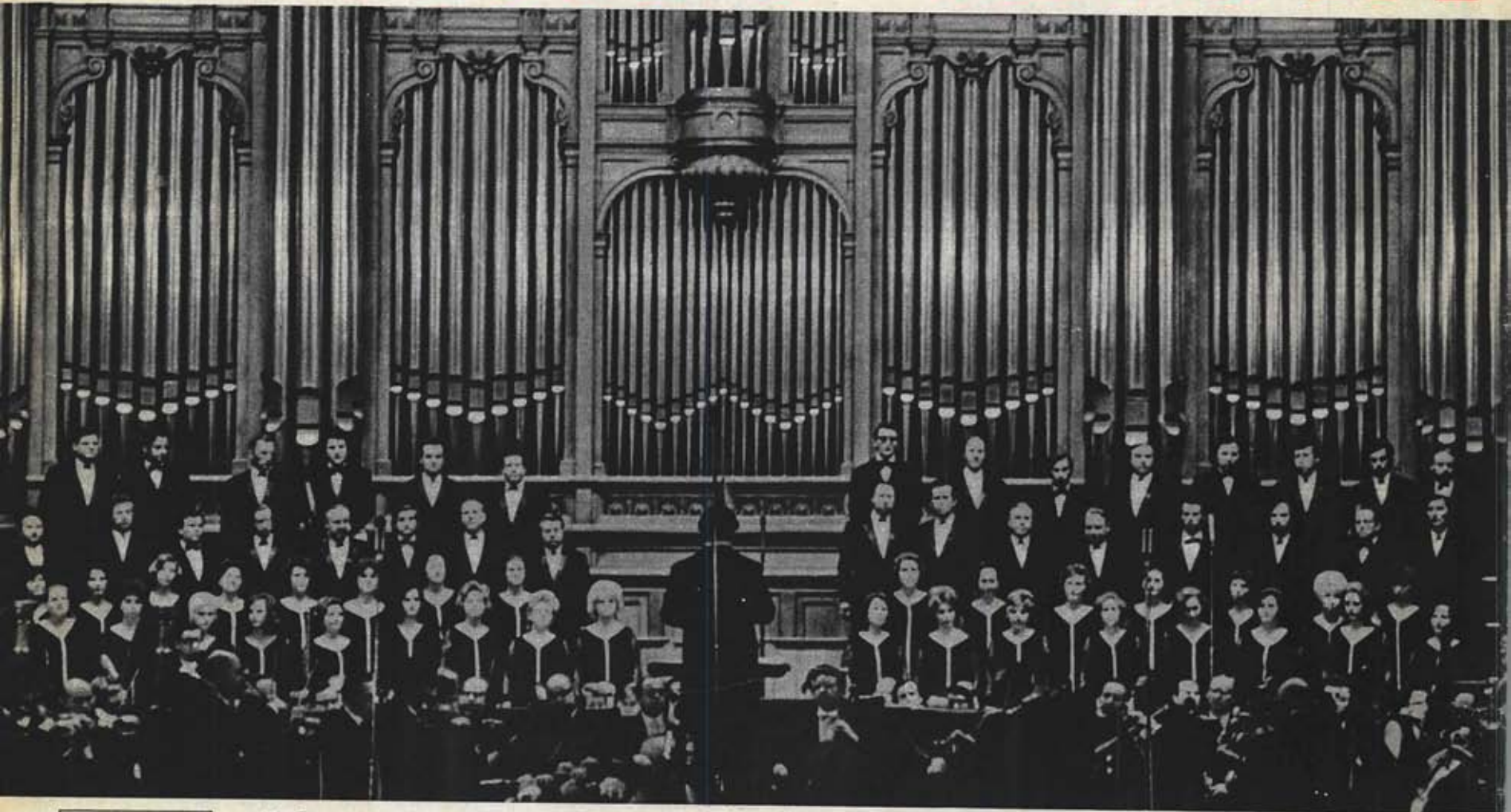
Статьей Сергея Федоровича Бондарчука о композиторе Вячеславе Овчинникове «Смена» открывает новую рубрику — «Молодые мастера искусств».

Комсомол всегда проявлял горячую заинтересованность в судьбах нашего искусства, оказывая самые многообразные формы помощи молодым художникам, артистам, кинематографистам, музыкантам. Комсомол постоянно проводит творческие совещания, семинары, конкурсы. Многие известнейшие деятели нашей культуры с гордостью носят звания лауреатов премий, учрежденных комсомолом.

В материалах, которые будут публиковаться под этой рубрикой, «Смена» расскажет о молодых представителях различных видов нашего искусства, которые в начале своего пути уже сумели заявить о себе ярко и самобытно, неся в своем творчестве высшие духовные ценности нашего общества.

Мы обращаемся к читателям с просьбой назвать нам имена тех молодых деятелей советского искусства, с которыми они хотели бы познакомиться на страницах «Смены».

В ПРОСТРАНСТВЕ НОТНОГО ЛИСТА

Ноты. На белом листе бумаги это лишь беззвучные графические символы. Партитура самой грандиозной симфонии уместается в небольшой книжке. Но, оживая во время исполнения, ноты заполняют огромное пространство. И тогда кажется, что звучащие ноты — это стенки невидимых сот, в которых есть все, чем только жив человек.

Но вот перевернута последняя страница, и весь этот бесконечный и

безмерный мир вернулся к своему графическому образу. До следующего концерта. Который состоится через день, через год, через десять лет.

Музыка для меня — это образ времени, скрытый в прекрасной мелодической оболочке...

С композитором Вячеславом Овчинниковым я познакомился лет пятнадцать назад. Исполнялась его 1-я симфония. Она поразила меня своей зрелостью, искренностью и, я бы сказал, провидческой проникновенностью мелодий. Тогда-то я и решил именно Овчинникову предложить на-

писать музыку к фильму «Война и мир».

Вячеслав сразу расположил меня к себе. Даже внешне он оказался таким или почти таким, каким в моем представлении и должен был быть. Высокий лоб, выразительное лицо, глаза... Грустные, с глубиной... Он не сомневался в себе. И в этом чувствовалась не юношеская заносчивость, а уверенность мастера, который знает: его воля подчинит себе любой материал, организует его по законам прекрасного, вызвав из небытия послушные ей музыкальные образы.

В картине «Война и мир», снятой

по роману Льва Николаевича Толстого, рассказывается о войне 1812 года, которая обозначена в истории России как первая Отечественная война. В нашем последнем фильме «Они сражались за Родину» по книге Михаила Александровича Шолохова тоже повествуется о войне. О Великой Отечественной войне советского народа против фашистских захватчиков.

Есть разные формы духовной близости, родства, преемственности. Одна из них — и, может быть, самая прекрасная — мелодия. Поэтому писать музыку к картине «Они сража-

ДИРИЖИРУЕТ ВЯЧЕСЛАВ ОВЧИННИКОВ...

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

лись за Родину» я вновь пригласил Вячеслава Овчинникова, композитора, наделенного редкостным, на мой взгляд, мелодическим даром.

В глубинах русской истории берет начало тема Отечественной войны. В этой теме — все бескорыстие, вся самоотверженная смелость русского характера, для которого высший закон — нравственный долг перед Родиной. Эта тема необходимо и естественно связывает фильмы «Война и мир» и «Они сражались за Родину». Но мы не хотели говорить об этом впрямую. Об этом должна была сказать музыка. Поэтому-то, кстати, в наш последний фильм вошел и музыкальный материал, интонационно связанный с мелодиями «Войны и мира».

Любовь к Отечеству, одухотворяющая всю жизнь человека, не может умереть вместе с ним. Она передается, должна передаваться детям и внукам как величайшая ценность. Любовь к Родине — эта самая высокая любовь, на которую способен человек. Но сказал же Пушкин: «...Одной любви Музыка уступает; Но и любовь мелодия...»

И Вячеслав Овчинников услышал ее. Эта мелодия зазвучала с самых первых кадров. Почти на одной ноте... Словно под невыносимой тяжестью вражеских полчищ вибрирует сама земля, каждый камень и каждый стебель... Из самых глубоких недр возникает древняя возвышенно-скорбная тема Отечественной войны. Отзвуки всех набатов, отсветы всех пожаров создали ее, эту мелодию совести народа, мелодию сопротивления.

Священная война... Какое торжественно-трагическое сочетание! Музыка нашего фильма должна была нести в себе те не передаваемые словами ассоциации, которые заложены в нем. В этом мне не нужно было убеждать композитора, ибо он был согласен со мною. Внутренним ориентиром для нас была знаменитая песня А. Александрова и В. Лебедева-Кумача, которая так и называется — «Священная война».

В памяти каждого из нас — своя хроника военных лет. Моя хроника озвучена этой незабываемой песней...

Все это есть и в романе М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». Да, шолоховские герои — люди былинного склада. Но в них есть еще и нечто такое, что я обозначил бы словом «святость», не вкладывая, естественно, в него никаких религиозных представлений. Святость... Здесь это особая внутренняя чистота, самозабвенная бескорыстность подвига.

Человек и страна. Рядовой солдат и огромная Родина. Какая связь между бесконечно малым и бесконечно великим? И оказывается, что судьба Родины зависит от того, каков он, этот простой человек, который должен своею живою плотью защитить Родину от бронированных чудовищ. И советский солдат, честно выполнив свою невыносимо тяжелую военную работу, спас Отчизну. Сам уязвимый и смертный, он подарил Родине бессмертие. В подвиге этого человека я и вижу приближение к понятию «святость».

Когда музыка создана, кажется: она существовала всегда, в природе, в нашем сознании, а композитору просто повезло угадать ее во всем звуковом богатстве и совершенстве. Но я-то знаю, как работает Вячеслав Овчинников... У музыкантов есть шутка: дескать, такой-то встает за час до рассвета, поэтому находит время заниматься 25 часов в сутки.

У меня тоже сложилось впечатление, что в сутках Овчинникова не 24 часа, а гораздо больше. Вячеслав хорошо знает литературу, философию, его глубоко интересуют поли-

РЕПЕТИЦИЯ.

тические, социальные проблемы. Это очень неравнодушный, взволнованный человек. Он всегда влюблен в кого-нибудь или во что-нибудь... Но когда Вячеслав находит на все это время, я не знаю, потому что музыкой он уж точно занят не менее 24 часов в сутки.

Были случаи, когда во время работы он день-два ничего не ел. И не потому, что сознательно соблюдал диету — на такую жертву Вячеслав, по-моему, не способен, — а потому, что забывал о еде. Он писал музыку, и в эти часы все, что не относилось к творческому процессу, для него не существовало.

Сам Овчинников говорит, что сочинение музыки — дело сугубо прозаическое. Есть определенные задачи, листы нотной бумаги и время, большей частью жестко ограниченное, в течение которого нужно эти задачи решить. Вячеслав никогда не скажет: «Я испытал вдохновение». Нет. «Я почувствовал некоторое возбуждение. Что-то получилось. Ну, а сильно или слабо — не мне судить». Это не кокетничанье своей скромностью. Это профессиональное отношение к работе, в которой вдохновение — лишь один из обязательных элементов.

Мне нелегко работать с Вячеславом Овчинниковым так же, как, знаю, и ему со мной. Но это-то и интересно. Если сталкиваешься со слишком уж покладистым человеком, который заранее согласен на роль послушного исполнителя, — это страшно обедняет общее создание. А вот когда сталкиваются люди, которые далеко не сразу и не во всем сходятся, — тогда такие столкновения обогащают обоих, пробуждая в каждом из художников и мысль и чувство, помогая находить неожиданные решения. Видоизменение первоначальных замыслов, соединение, казалось бы, несовместимых качеств порой рождает новое качество, представлявшееся ранее недостижимым и абсолютно не похожее на свои составляющие...

Я придерживаюсь, может быть, не слишком приемлемой для композитора методы. Вот, скажем, отсняли мы какой-то эпизод. Естественно, что оригинальной музыки к нему пока нет, она еще не написана. И тогда я «подкладываю», как мы говорим,

под этот отснятый материал фрагменты известных мне музыкальных произведений, которые в какой-то степени соответствуют моему замыслу своей энергией, характером, ритмом... В картине «Они сражались за Родину» основные музыкальные моменты были с самого начала определены музыкой Рахманинова и Чайковского...

Такая фонограмма и помогает и мешает. К ней привыкаешь, потом от нее не так-то легко освободиться. Вячеслав обычно слушает ее только один раз.

Разумеется, предлагая композитору прослушать фонограмму, я вовсе не требую от него, чтобы он создал нечто подражательное. Я хочу лишь как можно точнее обозначить условия задачи, которую я перед ним ставлю. И музыка здесь гораздо выразительнее, нежели слова. И всякий раз я удивляюсь, видя, как легко входит Овчинников в «предлагаемые обстоятельства», как часто посещает его вдохновение и как великолепно подготовлен он с профессиональной точки зрения к минутам высшего творческого напряжения.

В «Египетских ночах» Пушкина главный герой, импровизатор, пытается раскрыть природу своего дарования, говорит о необъяснимой связи между собственным вдохновением и чуждой внешнею волею. Я не раз видел, как «чуждая внешняя воля» вдохновляла Вячеслава, и поражался его способности к импровизации, способности в один и тот же миг и воспринимать художественную идею и находить форму ее выражения.

Думаю, однако, что это возможно только тогда, когда существует органическое внутреннее родство между этой самой «чуждой внешнею волею» — в данном случае Толстого или Шолохова — и художественным мировоззрением импровизатора.

В титрах к нашему фильму имя Вячеслава Овчинникова упомянуто дважды — один раз как композитора, другой — как дирижера. Должен сказать, что с дирижерской палочкой в руках Вячеслав производит внушительное впечатление. В нем чувствуется благородная сдержанность вдохновения, творческая под контролем разума.

Не так давно в Большом зале консерватории состоялся концерт академического симфонического оркестра Московской государственной филармонии и академического большого хора Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Дирижировал Вячеслав Овчинников.

Особенно мне запомнилась в его исполнении VI симфония Чайковского. В тот вечер я сделал для себя открытия в музыке, которую вроде бы достаточно хорошо знал. Мне кажется, одно из самых больших достоинств Овчинникова-дирижера — это умение так высветить произведение, что оно предстает ясным и целостным, в какой-то чудесным образом возвращенной первоначальности. В каждом такте осязима энергия, присущая музыканту Овчинникову, энергия, не искажающая классики, а лишь усиливающая заключенный в ней духовный потенциал...

...Проходят один за другим усталые солдаты, а маленький мальчик в раздуваемой ветром рубашке машет им рукой. Мне дорог этот эпизод из нашего шолоховского фильма. Как сказать о музыке, сопровождающей его, о ее мудрости и ее нежности...

Мы не можем из нашего сегодня прийти на помощь этому ребенку, но все наше существо жаждет помочь ему, защитить, отдать ему всю нежность, всю любовь... «Во имя всех, кто жив, и тех, кого уже нет, и тех, кто будет потом...», как сказано в шолоховском эпиграфе к фильму.

Создавая эту мелодию, композитор был рядом с этим мальчиком, с чьим малым ростом несоизмеримо огромное — до самого неба — горе, надвигающееся на него вместе с фашистскими танками.

Да, это фильм, игра, представление, но мне кажется, когда композитор писал музыку, его губы шептали, обращаясь к тем, кто не мог его услышать: «Вот самое дорогое, что у меня есть, — мелодия. Возьмите ее, пусть она поможет вам вынести, вытерпеть, победить...»

Вячеслав Овчинников написал музыку, которая должна звучать в детстве, в счастливом детстве. Мелодия эта как будто бы исходит из колеб-

лющихся чашечек степных цветов, вызывающих старинные сказания, в которых всегда побеждает — не может не победить — добро. «Во имя всех, кто жив, и тех, кого уже нет, и тех, кто будет потом...»

Мы знаем то, чего не знают герои фильма. Мы знаем великий День Победы, мы помним лица солдат, которые бросили вражьи знамена к подножию Мавзолея Ленина, мы видели отсветы салюта в счастливых слезах людей, заполнивших тогда, в мае сорок пятого, Красную площадь. Но чтобы услышать эту мелодию, композитор должен был долго-долго, не отводя взгляда, всматриваться в глаза мальчишки из сорок второго года, испытывая ту же боль, то же страдание, что и солдаты, которых этот ребенок провожал, махая рукой...

Трудно сказать о любви к Родине. Вячеслав Овчинников сумел это сделать своей негромкой, целительно-чистой мелодией, которая теперь навсегда будет для меня связана с образом маленького мальчика, приветствующего проходящих солдат.

Время. Стоит только наступить Новому году, как сразу же тускнеют краски Старого, пропадают его голоса. Время словно бы уплывает в безмолвие, в забвение, сообщая все-таки пережитому завершенность, спокойствие, невозмутимость. Каждый прошедший год пытается отдалить от нас образы героев минувшей войны, чтобы гибель каждого из них перестала восприниматься как неутраченная боль, как невозможная утрата.

Но у искусства есть сила противостоять натиску забвения... В финале нашей картины звучит хор «Вечная память». В этой музыке сконцентрирована колоссальная духовная энергия, которая удерживает, не давая им бесследно исчезнуть в немом прошлом, дорогие для нас образы солдат Великой Отечественной.

Эта музыка, возвращая нам образы защитников Родины, сохранит их, я уверен, и для будущего, утвердив тем самым понятия совести, справедливости, нравственного долга, слитых и для них, павших, и для нас, живых, в одном и самом высоком понятии, которое именуется любовью к Родине.

ПРОЗА

Сочувствие

За свою длинную уже литературную жизнь он написал романы, повести и рассказы, по его пьесам ставились спектакли, по сценариям снимались фильмы.

В один из своих сборников, «Ожидание», он включил три повести о рыбаках, в «Улицу тринадцати тополей» — свои вещи о Средней Азии, в «Голубом чуде» собрал произведения последних лет. Его превосходная повесть «Пушка» печаталась в «Юности», выходила отдельными изданиями — правдивое и горькое воспоминание о первых днях войны, о молодых артиллеристах, прямо спасающих свое, казалось бы, навсегда отслужившее оружие.

Теперь на книжные прилавки легла новая книга Дмитрия Холендро «Городской дождь» («Молодая гвардия», 1975 г.).

На мой взгляд, это очень хорошая книга. Она написана искусным и уверенным пером. Она лирична, и личность автора ощущается в ней с достаточной полнотой.

Один из лучших рассказов этого сборника, «Финские санки», чрезвычайно характерен для Холендро. В доме отдыха, полном веселой и шумной молодежи, познакомились двое одиноких старых людей — она и он. Познакомились и потянулись друг к другу. У одного это взаимное тяготение вызывает насмешку, у других — недоумение, у третьих — жалость. Да и сами старики понимают, что встретились слишком поздно и счастье уже невозможно.

Сюжет, выбранный писателем, требовал от него чрезвычайного таланта и чувства меры, ибо ситуация и в самом деле выглядит необычной. Тем большего признания заслуживает мастерство, с которым написан этот небольшой рассказ. Он весь светится нежностью к героям, глубоким пониманием человеческой души.

Писатель вообще отлично чувствует щемящую «преlestь незавершенного», силу ее лирического воздействия.

Вот и два прекрасных человека в рассказе «Теперь навсегда», казалось бы, созданные друг для друга, в конце концов расстаются. Михаил Андреевич любит, но не любит, а любит он так сильно и бесповоротно, что не может принять согласия Ольги Петровны стать его

женой. Его любви мало одной благодарности. И этот мужественный, гордый человек предпочитает встретить в одиночестве стремительно приближающуюся старость. Надо сказать, что Холендро любит писать об этой мудрой и грустной порою, когда жизнь уже прожита и хорошо видно, задалась она или нет, что упущено, а что сделано в ней важного и непреходящего.

В этом свете мне представляется особенно принципиальным для писателя отличный рассказ, вызвавший при своем появлении шумные отклики. Называется он «Старый друг». История сама по себе проста. Немолодой человек пришел на могилу своего старого друга, и годы, которые прошли рядом с покойным, вспоминаются ему во всей своей нелицеприятной обнаженности. То были сложные годы, требовавшие от людей особой стойкости, убежденности, верности своим взглядам. Таким и был тот, которого ныне уже нет, а тот, что сегодня пришел поклониться его памяти, не сдюжил, не выдержал испытания и в трудную минуту не помог другу, отошел в сторону. Теперь он стоит перед могильной плитой, жизнь заново проходит перед ним, и запоздалое раскаяние томит его душу.

Из сказанного ясно, что, хотя герои рассказов Холендро часто немолоды, молодому читателю, быть может, особенно полезно их прочитать. Тонко и ненавязчиво, никогда не впадая в дидактический тон, писатель учит быть стойким на крутых поворотах, учит человечности и благородству.

Впрочем, так же охотно ищет он и о молодых. На страницах сборника можно встретить и веселого москвича, в трудный час приходящего на помощь знакомой девушке («Бармалей»), и сельскую девушку, отстаивающую в неизвестном городе свое достоинство («Городской дождь»), и рыбака, мечтающего о материнской любви («Чужая мать»), и юношу, впервые соприкоснувшегося со сложностью жизни («Ночные разговоры»).

Если бы меня спросили, каково главное свойство писателя Дмитрия Холендро, то, понимая всю условность обозначенных определений, я бы все же выбрал слово «сочувствие». Мне кажется, что это прекрасное слово отлично характеризует гуманистическую природу его творчества.

Леонид ЗОРИН

На чем держится счастье

В чем смысл жизни? Что есть счастье? Вопросы эти кажутся с детства решенными Петру Скробову, герою рассказа «Три опоры» из

одноименной книги Геннадия Николаева («Современник», 1974). Едва ли не с молоком матери усвоил он простую истину, «что счастье-благополучие на трех опорах держится: первая опора — ходолая специальность, вторая — дом свой, с огородом, с погребом, с конурой для цепной собаки, и третья опора — жена. Три опоры поставит, и все само собой сложится: детишки пойдут, продолжение рода — смысл маеты. Вот и вся премудрость». И жизнь свою Петр строит, прямо следуя этой истине. Специальность он себе выбирает ходоваю — шоферскую. Покупает бревенчатый дом «с погребом, с конурой и даже с гаражом для мотоцикла. Ну и огород, небольшой, правда, пять-шесть соток, но все-таки». И жену себе Петр находит домовитую, хозяйственную. И детишки пошли: сын Васяна да дочка Иришка. Все как по писаному складывалось у Петра, полный ажур! Купили телевизор, стиральную машину, фен, фен. Жена каждый день пекла пышные пшеничные блины, а по воскресеньям стряпала пельмени. Но вдруг в эту незамутненную, ясную, как букварь, жизнь вошла квартирантка Кира, молоденькая девушка, студентка художественного училища. Кира занималась, читала книги, рисовала, а Петр вдруг обнаружил, что живет он скучно, неинтересно и что немудрящая истина о трех опорах вовсе не панацея от всех зол. И семейное благополучие, казалось бы, такое крепкое, незыблемое, запрограммированное, вдруг дает трещину.

Читатель, целающий только интригу и острые сюжетные повороты, будет, наверно, разочарован. В книге Г. Николаева нет ни эффектных поворотов, ни запутанных сюжетных линий. Но ее отличают особенности, на наш взгляд, более значительные: лиричность и вместе с тем реалистически точный психологический рисунок, и язык, добротный, чистый, незамутненный ложными красноречиями. Внешняя незамысловатость сирадывает подлинную глубину и напряженность повествования. В судьбе героев, такой обычной, неброской, притененной заурядной обстановкой, будничными обстоятельствами, писатель находит внутренний драматизм. Отношения людей в его рассказах не прямолинейны, не однозначны, как и в жизни. Сюжеты рассказов Г. Николаева просты, они как бы вырастают из повседневности, но чуткий, вдумчивый взгляд писателя обнаруживает в ней всегда глубокий срез.

«Костику было семь лет, бабушке — семьдесят три. Так случилось, что остались они вдвоем на всем свете». С этой щемящей ноты начинается рассказ «В старом доме», открывающий книгу. Как легко было впасть в сентиментальность, описывая жизнь семилетнего, прикованного к кровати мальчика и его старенькой, большой бабушки, но автор ни разу не изменяет такт. И рассказ этот, добрый, человечный, оставляет светлое чувство. Он повествует не о физических страданиях, а об умении отделиться от чужой беду, об отзывчивости, душевной чуткости.

Рассказ «В старом доме» небольшой по размеру, но он удивительно емкий. В нем нет ни одной лишней детали, ни одного пустого слова. Каждый из соседей бабушки: и седой врач Сергей Винентьевич, опекающий Костика, и добрая Степанида с красными от вечной стирки руками, и стеленный Феофант — надолго остаются в нашей памяти.

Заключает сборник повесть «Лешка». Она отличается от рассказов и по характеру материала, лежащего в ее основе, и по манере повествования. Повесть во многом традиционна — о становлении личности юного, чистого и самоотвержен-

ного Алексея. Вчерашний школьник, сын начальника СМУ, он решает жить самостоятельно и идет работать на трассу газопровода рабочим. Тоска молодого человека по взрослости, нетерпеливое желание взвалить себе на плечи «взрослые» проблемы, напряженное психологическое состояние юноши переданы автором тонко, умело. Лешка, выпорхнувший из теплого родительского гнездышка, впервые сталкивается с непостижимым миром человеческих отношений, познает и трудную первую любовь. Он со свойственной юношеской нетерпимостью ко всякой фальши, с юношеским максимализмом порой рубит сплеча, бывает и смешон и нечуток, но он привлекателен главным — запасом моральной ценности, душевной стойкостью и бескомпромиссностью. Он знает, на каких опорах держится счастье.

Писатель и здесь не идет на облегченное решение, кончает не жирной точкой, а многоточием, на верной ноте, полностью доверяя читателю.

Елена ВЛАДИМИРОВА

ИСКУССТВО

Кисть живописца и перо свидетеля

Вначале напоминание читателю: в сентябрьском, 18-м номере за 1972 год в очерке «Возвращение» «Смена» рассказала о художнике Клименте Николаевиче Редько. Тем, кто помнит этот очерк и репродукции удивительных произведений этого мастера, тем, кто вообще любит изобразительное искусство, его историю, сообщаем: издательство «Советский художник» выпустило в конце 1974 года книгу Климент Редько, озаглавленную «Дневники. Воспоминания. Статьи». Низкий поклон вдове художника, давно уже умершего, Татьяне Федоровне Редько, исполнив свой долг, сделала все от нее зависящее для того, чтобы часть — хотя бы только часть! — литературного наследия художника пришла к читателю, чтобы зритель мог увидеть малую — хотя бы малую! — долю репродукций художественного наследия живописца. Ей мы должны поклониться и за то, что творчество этого яркого мастера принадлежит теперь лучшим художественным галереям страны и прежде всего Русскому музею — ведь именно в Русском музее хотел бы видеть свои полотна умерший художник...

Но вернемся к книге. Климент Николаевич Редько принадлежал тому бурному времени в истории изобразительного искусства, которое совпало с началом двадцатого века. Мальчик, юноша, начинающий живописец, наконец, мастер, и как бы

параллельно росту одного человека — рост времени. Крушение покоя, нарастание грозы и, словно буря, — обновляющий, омолаживающий, вдохновенный шаг революции.

Возможно, представители иных родов искусства будут оспаривать эту мысль, но мне кажется, литература и живопись оказались самыми жажущими перемен, самыми готовыми к революции. Оговариваясь: нет правил без исключений, особенно в искусстве, где все индивидуально. Но судья Климент Редько предельно точно соприкасается с этой жаждой и этой готовностью. А таких, как Редько, заметим, было немало.

Вот краткий конспект его начала. Беспризорничество. Неожиданное поначалу ученичество в иконописной мастерской Киево-Печерской лавры. Школа поощрения художества. Мечта об авиации и добровольная служба в авиачасти. Климент слышит речь Ленина с балкона дома Кшесинской. Киевская академия художеств. Гражданская война.

Один эпизод: ко Дню Красной Армии Климент Редько пишет огромные плакаты и панно для городских площадей. Мечты о новых функциях искусства. Искусство должно быть частью города, а значит, частью жизни. Оно должно служить людям, революции.

Судьба свела Клима Редько с Анатолием Васильевичем Луначарским. Этим во многом определилась его дальнейшая жизненная и творческая судьба.

Луначарский ободрил молодого художника. В тяжелые дни гражданской войны помог ему устроиться в Москве, получить мастерскую, продолжить образование. Климент ищет новых путей в живописи. Он изучает физику и оптику. Создает свою теорию «электроорганизма», считает, что живописец должен владеть знанием полуслов — в физике, в географии...

Во фрагментах дневников, опубликованных в книге, есть такая запись, датированная 1925 годом и достаточно ярко свидетельствующая о сущности поисков живописца: «Красный цвет в центре картины двинулся, концентрируясь в окружности. Теперь фон фигуры Ленина в световом блеске серого и светло-охристого цветов. Этим достигнуто сочетание холодного металла с ударами красного огня. Вся моя работа протекает под знаком физико-химических проблем современной науки. Это несомненно так. Большинство людей любят смотреть назад и только там видеть и искать искусство успокоительное. Картина «Восстание» идет как строгий порыв, обновленный от начала и предвидящий в развитии своем необходимый конец».

Этот отрывок интересен не только «технологически», хотя и это само по себе очень важно: художники, и социальные, редко пытаются разорваться в составных частях своего творчества, многое относят к расплывчатой интуиции. Высказывание Редько любопытно и с точки зрения психологической: цвет, детали обосновываются им логически, как необходимость.

Книга К. И. Редько включает автобиографическую повесть «Зрачки солнца». В нашей литературе существует традиция повести, принадлежащей перу художника по призванию и образованию. Достаточно вспомнить «Круг царя Соломона» Н. Кузьмина. «Зрачки солнца» написаны, по-видимому, раньше повести Кузьмина, и в ней мы находим те же яркие детали, ту же особую сочность письма и выразительность авторской памяти.

Повесть эта строго документальна. В соединении же с дневниками и краткими воспоминаниями о деятелях искусства начала века она составляет яркую книгу, открывающую нам еще один интереснейший мир.

Альберт ЛИХАНОВ

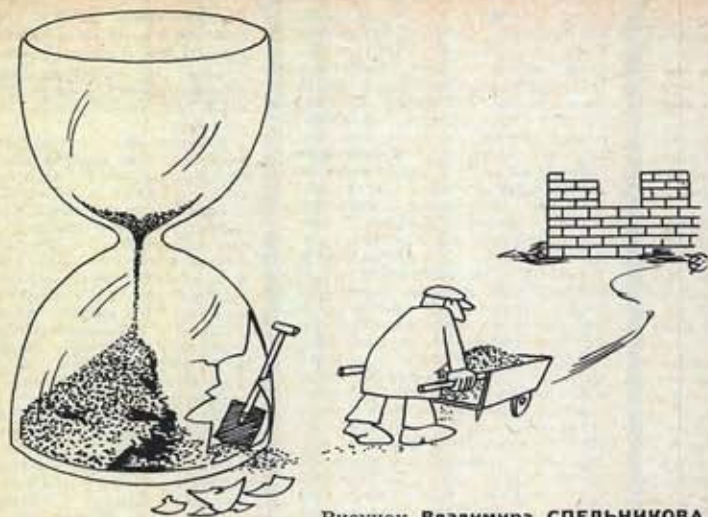

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

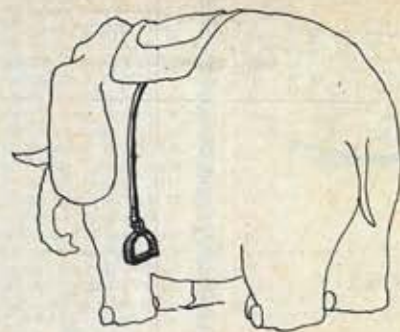
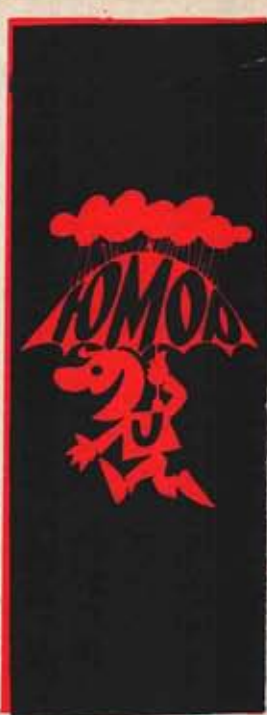

Рисунок Леонида ДОНЦА

Рисунок Петра КУЛНИЧА

- ЧЕГО ТЕБЕ НАДОБНО, СТАРЧЕ?

Рисунок Сергея ТЮННИНА

Рисунок Станислава ЖЕГАЛОВА

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

ШАХМАТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАСТЕРА ВИКТОРА ЛЮБЛИНСКОГО АТЬ ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

МИНИСТР НАГРАЖДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

Чемпиону мира по шахматам молодому ленинградскому армейцу Анатолию Карпову помогали готовиться ко многим ответственным подвигам опытные наши тренеры — гроссмейстеры С. Фурман и Е. Геллер. Оба наставника были удостоены специальных наград министра обороны СССР маршала А. А. Гречко.

нес поражение американцу Роберту Фишеру.

К такой позиции пришла указанная выше партия после того, как белые вместо небезвыгодного для них маневра 20.Фг1—f4! сыграли 20.a2—a3? Е. Геллер молниеносными тактическими ударами заставил Р. Фишера сложить оружие.

20. ... Фb4—b7! 21. Фf1—f4 Сс6—a4!! 22. Фf4—g4, Сe7—f6! 23. Лf5:f6 Са4:b3! и белые капитулировали.

ПОСЛЕДНИЕ ПОБЕДЫ ПАУЛА КЕРЕСА

Этот номер уже подписывался в печать, когда пришло известие о кончине выдающегося советского шахматиста Пауля Кереса. Совсем недавно он блистательно выиграл два крупных международных турнира: у себя на родине — «Таллин-75» и в Ванкувере (Канада). Он провел многодневное состязание в своем родном Таллине без единого поражения, набрал 10½ очков из 15 возможных и обошел всех своих опасных соперников, включая таких асов, как экс-чемпион мира В. Спасский, Д. Бронштейн, М.

Тайманов, В. Горт (Чехословакия), У. Ломбарди (США), Ф. Олафссон (Исландия) и другие.

Взгляните на позицию, возникшую в таллинском турнире в партии П. Кереса (у него были белые) с М. Таймановым после 43-го хода черных. Фигуры ленинградца расположены достаточно активно, и кажется, что несколько лучшая пешечная формация вряд ли может обещать белым что-либо реальное. Однако виртуозная техника и редкостная изобретательность ветерана принесли ему заслуженный успех.

44. Кq4—h6+ Кpg8—f8 45. g2—g4 Kh5—g7 46. c4—c5!

В этом пешечном прорыве и заключается «изюминка» комбинационного замысла белых. Искусно опровергают они попытку черных спастись ценою слона.

46. ...b6—b5 47. c5—c6 Kg7—e8 48. Фе3—f4 Сb1—f5.

К форсированному мату в открытом поле вед вариант 48. ... Кpg7 49. Ф:f7+ Кр:h6 50. Фf8+ Кg7 51. g5+! Кр:g5 52. h4+Кр:h4 53. Фf4+ Kg4 54. Ф:g4X.

49. g4:f5 e6:f5 50. Фf4—e3 Ke8—c7 51. Ce2—f3 b5—b4 52. Kph2—g2 Фb2—c3.

В трудном положении М. Тайманов пытается спастись разменом ферзей, но его остроумная идея разгадывается белыми.

53. Фе3—a7! Фc3:e5 54. Фа7—b8+, и ввиду красивейшего варианта на тему коневойвилки 54. ... Кpg7 55. Фh8+! Кр:h8 56. К:f7+ черные сдались.

МИНИАТЮРА

Многим любителям шахмат особенно по душе композиция с небольшим числом фигур. Когда их — и белых и черных — не более семи, то задачу называют миниатюрой. Вот попо-

буйте решить любопытную миниатюру на мат в два хода, которую составил видный русский шахматный композитор А. В. Галицкий (1863—1921 гг.).

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Завершается работа жюри по определению итогов XVII шахматной олимпиады «Смены». Материал о результатах этого массового заочного соревнования читателей намечено опубликовать в августе — сентябре с. г. Одновременно будут объявлены сроки организации нашей следующей, XVIII олимпиады.

Предлагаем вниманию читателей «Смены» редкостную комбинацию, с помощью которой Е. Геллер на международном турнире в Югославии в 1967 году на-

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19/V 1975 г. А 00856. Подписано к печати 6/VI 1975 г. Формат 70×108½. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 1487. Заказ № 609. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТРАВЫ

Слова Ивана ЮШИНА
Музыка Владимира ШАИНСКОГО

ВАСИЛО.

Музыка Владимира ШАИНСКОГО

Месяц свои блески
По лугам рассыпал,
Стройные березки,
Стройные березки
Что-то шепчут липам.

Припев:

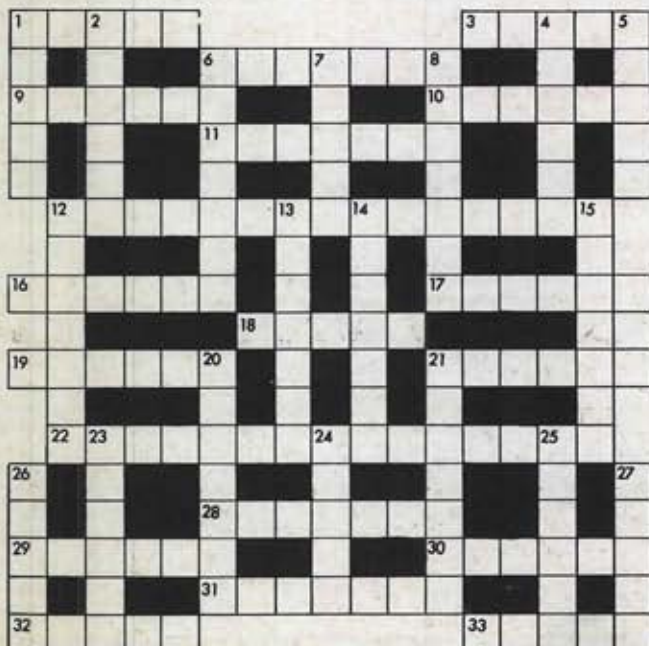
Травы, травы, травы не успели
От росы серебряной согнуться,
И такие нежные напевы, ах,
Почему-то прямо в сердце
люются.

Лунною тропой
На свиданье еду,
Тихо сам с собою,
Тихо сам с собою
Я веду беседу.

Припев.

К милой подойду я,
Глаз поднять не смея,
И от поцелуя
И от поцелуя
Словно захмелею.

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. ЛЕВИН,
г. Москва

По горизонтали:

1. Птица с ярким оперением.
3. Музыкальный знак.
6. Столица республики Заир.
9. Персонаж оперы С. С. Гулака-Артемюк «Запорожец за Дунаем».
10. Космическая частица, летящая в атмосфере Земли.
11. Река в Индии.
12. Герметический резервуар для исследования влияния высоты на организмы, авиационные двигатели и приборы.
16. Дальневосточный лось.
17. Спортивное соревнование по круговой системе.
18. Часть кинескопа.
19. Часть речи.
21. Матросский танец.
22. Военная разведка, обследование местности.
28. Персонаж повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».
29. Река в Перу.
30. Представитель основного населения автономной советской республики.
31. Советский химик-органик, академик.
32. Город в Харьковской области.
33. Сорт кофе.

По вертикали:

1. Узкий морской залив со скалистыми берегами.
2. Наука.
4. Кормовая бобовая культура.
5. Русский живописец.
6. Музыкальная пьеса с певучей мелодией.
7. Ручной металлообрабатывающий инструмент.
8. Декоративное травянистое растение.
12. Морское рыболовное судно.
13. Южное плодородное дерево.
14. Изземплар для изготовления серии изделий.
15. Штат в США.
20. Нефтепродукт, дизельное топливо.
21. Советский геолог, академик.
23. Хребет в системе Западного Саяна.
24. Хвойное дерево.
25. Оружие с граненым клинком.
26. Морское путешествие.
27. Тропическое плодородное дерево.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12

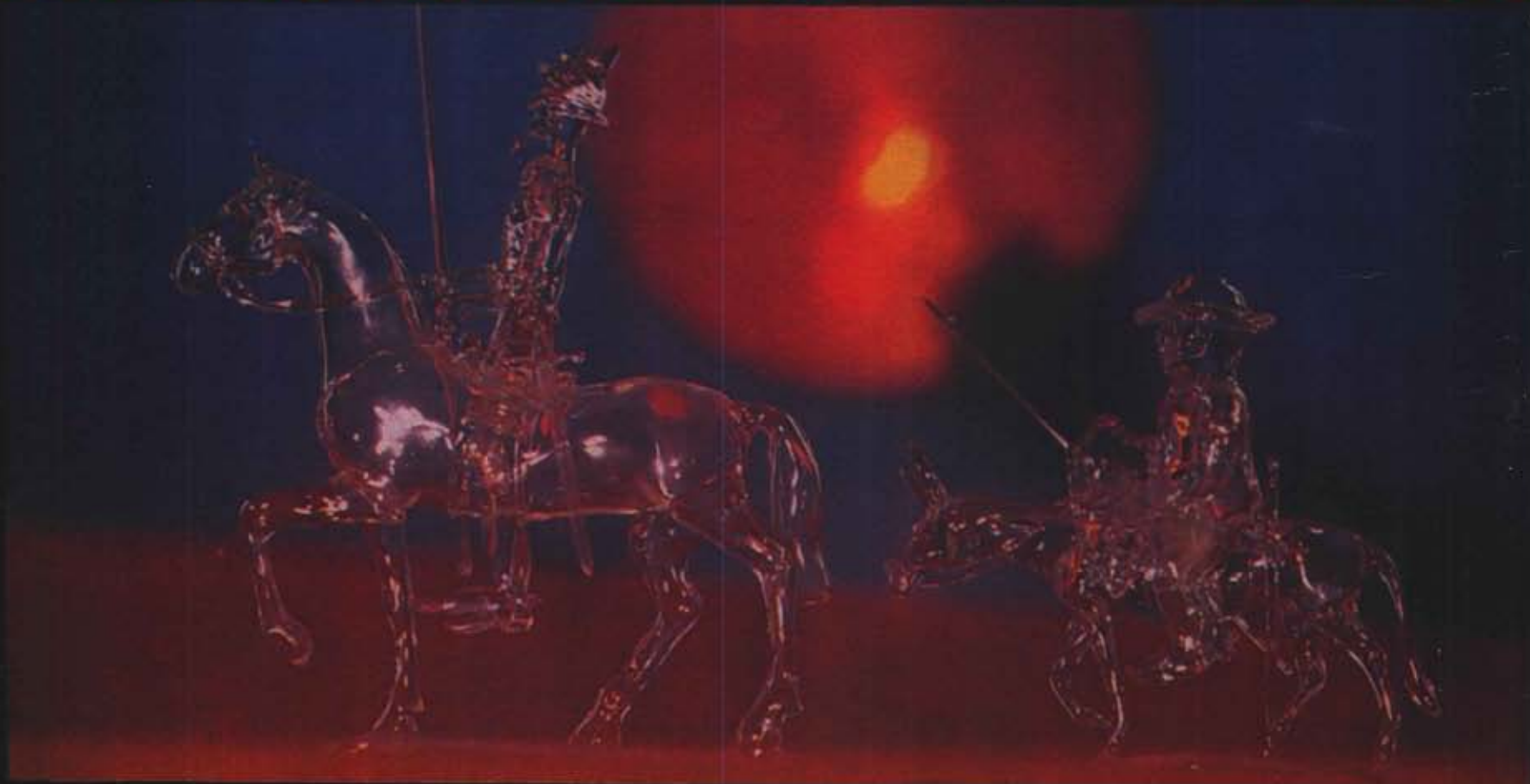
По горизонтали:

3. Чумыш.
5. «Гонец».
8. Биограф.
9. Апогема.
12. Ареометр.
13. Репет.
15. Долина.
17. Новоросийск.
18. Кончаловский.
21. Ландау.
23. Сапсан.
25. Глиptica.
26. «Дервья».
27. Аджарка.
28. Сиена.
29. Ровно.

По вертикали:

1. Луковица.
2. Рецензия.
4. Шпагат.
5. Гепард.
6. Обзор.
7. Барма.
10. Дееспричастие.
11. Чехословакия.
14. Просота.
16. Овсяница.
19. Интарсия.
20. Аспирант.
21. Линде.
22. Уганда.
23. Сардар.
24. Неман.

ВОЛШЕБНОЕ СТЕКЛО

ДОН КИХОТ И САНЧО ПАНСА.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ.

РУСЛАН И ГОЛОВА.

Вечерами стеклодувная мастерская пустеет. От оконных переплетов ложатся на пол синие тени, затанцовывают в углах. Весь институт погружается в тишину. Свет зажигать не хочется, и Батаев долго сидит в сумерках, забыв снять белый рабочий халат, задумчиво смотрит на кусок кварцевого стекла, на то, как играет в его плоскостях угасающий закат. Он может так сидеть перед кварцем час и два, пока не покажется ему, что стекло начало терять свою первоначальную форму, расплываться, приобретать какие-то другие очертания. И вот уже грезится ему в тех новых контурах то ли Прометей, прикованный к скале, то ли сражающийся с огромной Головой сказочный Руслан на коне, то ли пылкие по дороге благородный Дон Кихот и его верный слуга Санчо Панса... Тогда он поднимается, включает в мастерской свет, зажигает газовую горелку и начинает колдовать над стеклом, доверная возникшие в сознании образы мастерству своих рук. И происходит чудо: мертвый доселе кусок стекла оживает... Но случается и по-другому. Просидев перед куском кварца час и два, тяжело вздохнет Батаев, снимет белый халат и, спрятав горелку, отправится по проспекту Науки домой. Сегодня чуда не произойдет...

В воскресные дни он бродит с этюдником по живописным окрестностям Академгородка, пишет. Только не часто теперь это бывает, и уже сам он начинает забывать, что лет пятнадцать назад мечтой его жизни была живопись. В то время приехал Михаил Батаев из Ordzhonikidze в Ломоносово, на всемирно известный фарфоровый завод под Ленинградом, чтобы поступить на живописное отделение, но опоздал — прием уже закончился. За плечами у него была десятилетка, потом служба в армии, никакой специальности, давнее увлечение рисованием и шестка, которая теперь рушилась на глазах. Уезжать не хотелось.

— Идите к стеклодувам, — предложили ему, — а на следующий год будете держать экзамен на живописца.

Другого выбора пока не было. Он пошел к стеклодувам и неожиданно увлекся новым для себя делом настолько, что на какое-то время забыл о живописи. В стекле он увидел возможности самовыражения, о которых ранее не подозревал. Он увидел, что стекло «умеет» не только искривляться, играть светом, но увидел, что оно может дышать, говорить, передавать тончайшие нюансы настроения, выражать характер, волновать.

— По-настоящему творчеством я стал зани-

маться уже здесь, в Сибири, когда переехал в Академгородок и начал работать в Институте физики полупроводников Сибирского отделения Академии наук, — рассказывает кварцедув-универсал Михаил Батаев. — Оставался почти каждый вечер после работы в мастерской и начинал колдовать над стеклом...

На Всесоюзной выставке самодеятельных художников в Москве, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, работы молодого сибирского стеклодува Михаила Батаева «Цыганская кибитка» и «Коррида» были отмечены специальным дипломом.

— Честно говоря, я не очень-то обольщаюсь всем этим, чувствую, что мне многому еще нужно учиться, — говорит Батаев, показывая свои работы. — Медленно, не сразу отирает стекло свои секреты и тайны. Чем дальше, тем работать труднее, но ведь и интереснее...

В этих словах слышится неудовлетворенность мастера сделанным. Мы, зрители, слышим в них и другое — обещание встреч с новыми работами Батаева, обещание радости.

Новосибирск.

Юрий ЛУШИН